

Studien zur Armenischen Dialectologie. II Band, 1 Lieferung.
Von Levon Mseriantz.

ЭТЮДЫ
ПО
АРМЯНСКОЙ ДИАЛЕКТОЛОГИИ.

ЛЕВОНА МСЕРІАНЦЪ

Привать-Доцента Императорскаго Московскаго Университета.

Часть II, выпускъ I.

Сравнительная морфологія мушкаго діалекта
въ связи съ морфологіей грабара и средне-
армянскаго.

•

МОСКВА.
Университетская типографія, на Страстномъ бульварѣ.
1901.

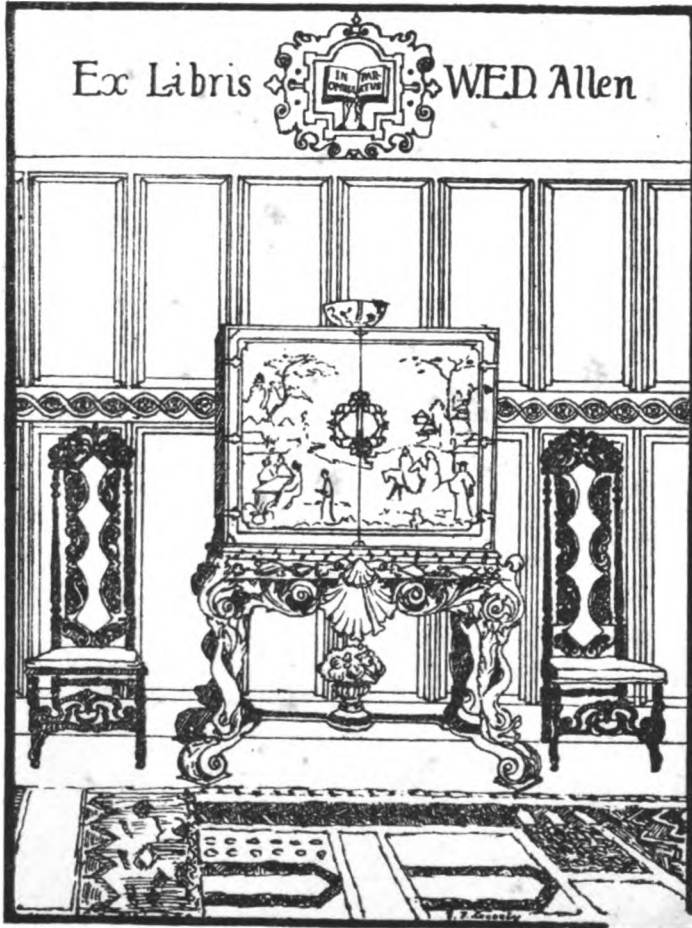
Ecc Libris

W.E.D. Allen

Изь
Уни

каго
VIII.

СВОЕМУ
ГЛУБОКОУВАЖАЕМОМУ УЧИТЕЛЮ
ПРОФЕССОРУ
ИМПЕРАТОРСКАГО
МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА
ФИЛИППУ Θ . ФОРТУНАТОВУ
ПОСВЯЩАЕТЪ НАСТОЯЩІЙ ТРУДЪ
АВТОРЪ.

THE
LAW
OF
THE
STATE
OF
NEW
YORK
IN
RELATION
TO
THE
MARRIAGE
RELATION
AND
THE
PROPERTY
OF
WOMEN
BY
JAMES
C. HARRIS
OF
NEW YORK

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Настоящій, первый выпускъ второй части *Этюдозъ по армянской діалектологіи* составляетъ продолженіе первой, посвященной сравнительной фонетикѣ мушскаго діалекта, въ связи съ фонетикою грабара. Предметомъ его изслѣдованія является основообразование и именная флексія мушскаго діалекта, сравнительно съ другими ново-армянскими діалектами и въ связи съ экскурсами въ соотвѣтствующіе отдѣлы грамматики какъ древне-армянскаго литературнаго языка (= грабара), такъ и средне-армянскаго ¹⁾. Такимъ образомъ, въ настоящей части, сравнительно съ первою, матеріаль, подлежащій изслѣдованію, значительно увеличился: нами были использованы факты, представляемые памятниками средне-армянской письменности (XII—XVII вв.) ²⁾.

Если, съ одной стороны, языкъ памятниковъ древне-армянской (классической) литературы былъ уже съ давнихъ поръ предметомъ изслѣдованія многихъ ученыхъ (какъ арменистовъ въ частности, такъ и лингвистовъ вообще), если, дагѣе, живые, современные ново-армянскіе діалекты заинтересовали цѣлый рядъ изслѣдова-

¹⁾ Въ виду обширности изслѣдованія, настоящая вторая часть раздѣлена на два выпуска. Второй выпускъ, которымъ закончится изслѣдованіе мушскаго діалекта, будетъ заключать слѣдующіе отдѣлы: мѣстоименная флексія, глагольная флексія, предлоги, нарѣчія, союзы, междометія и, въ приложеніи, словообразование. Къ этимъ отдѣламъ будутъ примыкать *addenda et corrigenda* къ обѣимъ частямъ.

²⁾ Наше вниманіе на важность изученія языка средне-армянскихъ памятниковъ обратилъ, главнымъ образомъ, проф. восточнаго факультета Н. Я. Марр (на нашемъ магистерскомъ диспутѣ).

телей, уже успѣвшихъ представить по нимъ какъ спеціальныя изслѣдованія, такъ и значительныя собранія діалектическихъ текстовъ, — то, съ другой стороны, оставалась почти незатронутою цѣлая обширная область средне-армянской (средневѣковой армянской, «вульгарной») литературы, значеніе которой для исторіи армянскаго языка представляется, однако, весьма существеннымъ. Хотя еще въ 1866 году маститый аббатъ конгрегациі вѣнскихъ мхитаристовъ, арх. Арсенъ Айдынянъ издалъ свой замѣчательный трудъ — Критическую грамматику современнаго армянскаго языка ¹⁾ (на арм. языкѣ), въ которомъ была приведена и объяснена масса фактовъ изъ языка средне-армянскихъ памятниковъ, однако этому труду не пришлось, къ сожалѣнію, послужить толчкомъ къ дальнѣйшему изученію языка, къ критическому изданію и изслѣдованію этихъ памятниковъ ²⁾. Даже у такого изслѣдователя исторіи армянскаго языка, какъ у проф. К. Патканова, мы не находимъ указаній на важность изученія памятниковъ средне-армянской письменности, хотя тотъ же проф. Паткановъ первый обратилъ особое вниманіе на значеніе живыхъ, современныхъ армянскихъ діалектовъ для общей исторіи армянскаго языка. Нельзя, конечно, думать, что языкъ средне-армянскихъ памятниковъ могъ совершенно ускользнуть отъ вниманія петербургскаго армениста. Напротивъ, по нѣкоторымъ мѣстамъ обоихъ трудовъ проф. Патканова — Изслѣдованіе о составѣ армянскаго языка (С.-Петербургъ 1864), стр. XVI; Изслѣдованіе о діалектахъ армянскаго языка (С.-Петербургъ 1869), стр. 14—16.

¹⁾ Общую характеристику этого труда см. у Патканова, Изслѣдованіе о діалектахъ армянскаго языка (С.-Петербургъ 1869), стр. 14—16.

²⁾ Послѣ Айдыняна изслѣдованіемъ языка памятниковъ средне-армянскаго языка занялся вѣнскій мхитаристъ Новпанианъ, издавшій *Hetazōtuthiuner pahneach gamkoghēi vtau* (Вѣна 1897), т. е. Изслѣдованія по языку средне-армянскихъ памятниковъ литературы. Къ сожалѣнію, смерть воспрепятствовала ему закончить и издать свой трудъ по грамматикѣ языка этихъ памятниковъ; онъ успѣлъ приготовить къ печати лишь часть отрывковъ изъ различныхъ памятниковъ средне-армянской письменности, сопроводивъ каждый отрывокъ историко-литературнымъ изслѣдованіемъ. Въ началѣ своего труда Новпанианъ предпослалъ обстоятельное введеніе (стр. 1—56) о средне-армянскомъ языкѣ.

лектахъ армянскаго языка (С.-Петербургъ 1869), стр. 7 — 9, — можно думать, что онъ сознвалъ значеніе этихъ памятниковъ въ исторіи армянскаго языка; тѣмъ не менѣе, въ упомянутыхъ изслѣдованіяхъ онъ сосредоточилъ все свое вниманіе, съ одной стороны, на древне-армянскомъ языкѣ (грабарѣ), а съ другой, на ново-армянскихъ діалектахъ.

Послѣдующіе изслѣдователи ново-армянскихъ діалектовъ (Саргсянцъ, Нанузъ, Томсонъ и др.) также совершенно не использовали матеріаловъ, заключающихся въ памятникахъ средне-армянскаго языка; подобный же пробѣлъ былъ допущенъ и нами въ первой части нашихъ *Этюдозъ по армянской діалектологіи* ¹⁾. Такимъ образомъ, настоящее изслѣдованіе является первою попыткою изученія фактовъ одного изъ ново-армянскихъ діалектовъ въ сопоставленіи съ фактами не только древне-армянскаго (грабара), но и средне-армянскаго языка.

Значеніе средне-армянскаго въ исторіи армянскаго языка вообще является, какъ мы уже замѣтили, весьма существеннымъ. Въ этомъ языкѣ, въ большинствѣ случаевъ, уже начался (и отчасти закончился) процессъ образованія тѣхъ фактовъ, которые составляютъ характерныя и существенныя черты ново-армянскаго языка (разумѣя суммарно подъ этимъ терминомъ всю совокупность современныхъ армянскихъ діалектовъ), въ сравненіи съ древне-армянскимъ. Изъ этого положенія видно, насколько важно для надлежащаго пониманія генезиса и эволюціи фактовъ ново-армянскихъ діалектовъ изученіе соответствующихъ фактовъ средне-армянскаго ²⁾. Такимъ об-

¹⁾ Относящійся къ этой части матеріалъ, извлеченный изъ памятниковъ средне-армянскаго, будетъ напечатанъ въ приложеніи ко второму выпуску настоящей части.

²⁾ Съ другой стороны, равнымъ образомъ, для выясненія особенностей средне-армянскаго весьма важно знакомство съ фактами ново-армянскихъ діалектовъ. Плодотворность такого, сравнительнаго изученія можно видѣть изъ прекраснаго труда Карста по языку извѣстныхъ средне-армянскихъ памятниковъ — *Aussprache und Vokalismus des Kilikisch-Armenischen* (Strassburg 1899) — труда, составляющаго часть имѣющаго появиться изслѣдованія по грамматикѣ Киликійско-армянскаго языка (*Historische Grammatik des Kilikisch-Armenischen*).

разомъ, факты средне-армянскаго служатъ для насъ, въ большинствѣ случаевъ, тѣми посредствующими ступенями, по которымъ мы можемъ какъ нисходить отъ фактовъ древне-армянскаго (грабара) къ фактамъ ново-армянскаго языка, такъ и восходить отъ фактовъ ново-армянскаго къ фактамъ древне-армянскаго. (Въ этомъ отношеніи, роль средне-армянскаго, какъ посредствующаго звена между древне- и ново-армянскимъ, можетъ быть сопоставлена съ соотвѣтствующею ролью средне-персидскаго [пехлеви] въ исторіи персидскаго языка вообще).

Матеріаль по средне-армянскому языку извлеченъ нами самими, главнымъ образомъ, изъ слѣдующихъ памятниковъ: изъ «Сборниковъ притчъ Вардана» (по изданію Марра) ¹⁾, изъ надписей Ани (по изданію Эмина), изъ «Загадокъ» (aġak-kh или haneluk-kh) Нерсеса Благодатнаго (Šnorhali), изъ «Новаго собранія средневѣковыхъ армянскихъ стихотвореній» К. Костанянца и нѣкоторыхъ старыхъ польско-армянскихъ текстовъ ²⁾. Что же касается фактовъ, принадлежащихъ «киликійскому» средне-армянскому, то мы воспользовались ихъ собраніемъ въ I части спеціальнаго изслѣдова-

¹⁾ Относительно времени составленія этихъ Сборниковъ срв. 7-е положеніе проф. Марра къ его изслѣдованію „Сборники притчъ Вардана“: „Основнымъ слоемъ въ вардановскихъ сборникахъ являются притчи, сочиненныя въ подражаніе Вардану, армянскому писателю XII—XIII вѣка, отчасти его подлинныя иносказанія“.

(По языку этихъ притчъ проф. Марръ имѣетъ въ виду [см. о. с. ч. I стр. 265, подстр. прим. 1) издать особую работу. Можно только пожелать скорѣйшаго появленія этой цѣнной для исторіи армянскаго языка работы).

²⁾ Старые польско-армянскіе тексты, использованные нами, слѣдующіе: 1) напечатанныя въ изданіи о. Алишана — Kamenich. Taregirikh hayocġ Leġastani ev ġumenioy (Каменецъ. Армянскія лѣтописи Польши и Румыніи). Венеція 1896; 2) неизданныя „Книги армянскаго суда“, хранящіяся въ Центральномъ архивѣ при кievскомъ университетѣ. Мы пользовались выписками, любезно предоставленными въ наше распоряженіе Хр. Кучукъ-Гоаннесовымъ, изучавшимъ, по порученію Императорскаго Московскаго археологическаго общества, упомянутыя „Книги“. [Число этихъ „Книгъ“ — 32 тома; они были переведены въ кievскій Центральный архивъ изъ г. Каменецъ-Подольска; содержаніе ихъ — судебныя дѣла каменецъ-подольскихъ армянъ XVI и XVII вѣка.

ня Karst'a—Ausprache und Vokalismus des Kilikisch-Armenischen (Inaugural—Dissertation), Strassburg 1899.

Далѣ, мы должны упомянуть о матеріалѣ, который былъ извлеченъ нами изъ двухъ грамматическихъ трудовъ по армянскому языку начала XVIII вѣка, — матеріалѣ, представляющемъ факты по наиболее старому ново-армянскому языку. Труды эти принадлежатъ Joh. Schröder'у и Мхитару (Mxithar) Севастійскому. Голландецъ Joh. Schröder — одинъ изъ старѣйшихъ арменистовъ западной Европы — въ своемъ замѣчательномъ трудѣ — *Thesaurus linguae armenicae etc.*, изданномъ въ Амстердамѣ, въ 1711 году, представилъ въ отдѣлѣ «*Synopsis linguae civilis armenorum*» (pp. 303 — 324) краткій обзоръ морфологій и синтаксиса «восточной» армянской рѣчи, съ которою онъ былъ знакомъ благодаря персидскимъ армянамъ, находившимся, по торговымъ дѣламъ, въ Амстердамѣ. Эта рѣчь персидскихъ армянъ представляетъ въ основѣ араратское нарѣчіе ¹⁾. Транскрипція формъ, цитуемыхъ изъ *Thesaurus'a*, представляетъ обычную транскрипцію, употребляемую нами для грабара (Этюды I стр. XXIV). Мхитаръ Севастійскій, основатель венеціанской конгрегаціи мхитаристовъ ²⁾, издалъ въ 1727 г. ³⁾, въ Венеціи, небольшую книжку подъ заглавіемъ: *Duḡn kherakanuthean aš/aghabaḡ lezvin hayoḡh etc.* (pp. 149), т. е. Врата грамматики на-

¹⁾ Образчикомъ рѣчи персидскихъ армянъ начала XVIII вѣка послужить для насъ также „Дневникъ Петра Галигенца“ (на джюльфинскомъ діалектѣ); см. § 114 съ подстр. прим. 3.

²⁾ Объ этой конгрегаціи см. нашу статью—Двѣ ученыхъ обители. (Венеціанскіе и вѣнскіе мхитаристы). М. 1898.

³⁾ Относительно даты этого изданія у Патканова, Исслѣдованіе объ діалектахъ армянскаго языка стр. 13, вкралась описка (1724), перешедшая и къ Томеону, Историч. грамматика современнаго арм. языка г. Тифлиса стр. III.

Эта грамматика Мхитара Севастійскаго представляетъ сокращеніе болѣе подробнаго труда, сохраняющагося въ рукописи. См. „Вазмаḡer“ 1843, стр. 109, срв. Aiduniaп, Критическая грамматика современнаго армянскаго языка подстр. прим. на стр. 321—322.

Считаемъ нужнымъ заявить, что мы имѣли возможность пользоваться экземпляромъ этого рѣдкаго изданія лишь благодаря любезности венеціанской конгрегаціи мхитаристовъ, выславшей намъ экземпляръ, принадлежащій ея библіотекѣ.

родного армянскаго языка и пр. Въ этой книжкѣ были изложены элементы ново-армянскаго языка «западной» группы, именно того, «которымъ говорятъ армяне, живущіе въ Малой Азіи... и въ Малой Арменіи» (Слово къ читателямъ, стр. 3). Транскрипція формъ этого діалекта установлена нами (быть можетъ не съ достаточною точностью) на основаніи транскрипціи турецкихъ словъ знаками армянскаго алфавита, примѣняемой самимъ Мхитаромъ въ его этомъ трудѣ (написанномъ по турецки).

Что касается, наконецъ, матеріала по мушскому діалекту, то онъ нѣсколько обширнѣе, нежели использованный нами въ I ч. Этюдовъ. Именно, мы чаще пользуемся фактами изъ текста былины (сказанія) «Давидъ Сасунскій», изданной еп. С р в а н ц т я н ц е м ъ и переизданной проф. П а т к а н о в ы м ъ ¹⁾, (Подробнѣе объ этомъ памятникѣ народной словесности см. въ Этюдахъ I стр. XIV); далѣе, мы приводимъ (хотя и изрѣдка) также и формы изъ текста четырехъ сказокъ, ²⁾ изданныхъ у П а т к а н о в а во 2 вып. Матеріаловъ для изученія армянскихъ нарѣчій (стр. 28—44). Впрочемъ, выборъ формъ изъ упомянутыхъ текстовъ производится нами съ большою осторожностью, въ виду того, что текстъ былины «Давидъ Сасунскій» «нельзя считать образчикомъ чистаго мушскаго діалекта» (Этюды I стр. XIV), а текстъ четырехъ сказокъ представляетъ своеобразныя особенности, обзору которыхъ будетъ отведенъ, въ концѣ изслѣдованія (во второмъ выпускѣ настоящей части), особый экскурсъ.

Изъ ново-армянскихъ діалектовъ мы привлекли къ сравненію, какъ и въ I ч. Этюдовъ, главнымъ образомъ, слѣдующіе: агулисскій, тифлисскій, ахалцыхскій, польско-армянскій, константинопольскій; отдѣльные факты приводятся также по ді-

¹⁾ Нѣсколько разъ, въ настоящемъ выпускѣ, вм. „языкъ четырехъ сказокъ“ написано „языкъ четырехъ басенъ“, что должно быть исправлено.

²⁾ Отмѣтимъ, что какъ текстъ былины „Давидъ Сасунскій“, такъ и другіе тексты, напечатанные у П а т к а н о в а (во 2-мъ вып. „Матеріаловъ для изученія армянскихъ нарѣчій“) были недавно (въ 1899 г.) переизданы въ *Sprachwissenschaftliche Abhandlungen* (Bd. I. Heft 11/12), въ латинской транскрипціи, L. Patrubány. Транскрипція эта сдѣлана съ точки зрѣнія обычной грабарной орфографіи.

лектамъ: карабахскому ¹⁾, араратскому ²⁾, ванскому, мохскому и нѣк. др. ³⁾.

Планъ настоящаго изслѣдованія слѣдующій: приводя известную форму мушскаго діалекта, мы стараемся, съ одной стороны, опредѣлить ея отношеніе къ соотвѣтствующимъ формамъ другихъ новыхъ діалектовъ, средне-армянскаго и грабара, а съ другой — по возможности возвести ее до формы обще-армян-

¹⁾ По карабахскому діалекту начато печатаніемъ изслѣдованіе Г. Аджаряна (Н. Асаѣан) съ сентябрьской тетради арм. журнала „Агагат“ за 1899 г. (Пока печатается отдѣлъ фонетики). Данное изслѣдованіе составитъ 3-ю часть Этюдовъ по армянской діалектологіи (Մտնասիրութիւններ հայկական բարձրագույն դպրոցի համար) г. Аджаряна. Что касается двухъ предыдущихъ, то первая заключаетъ (краткое) описаніе асланбергскаго діалекта (Венеція 1898), а вторая, начатая печатаніемъ съ мартовской тетради журнала „Вазмачѣр“ за 1899 г., представляетъ обстоятельное изслѣдованіе по діалекту сучавскихъ армянъ (Suczava—городъ въ Буковинѣ, на австро-румынской границѣ). Діалектъ сучавскій, въ общемъ, близокъ къ польско-армянскому. (Пока напечатана часть, заключающая фонетику). Далѣе, отмѣтимъ изслѣдованія Меликъ Давидъ-Бега по фонетикѣ марашскаго діалекта (при участіи проф. Meillet) въ „Handès Amsōreay“ за 1896, №№ 2, 4, 8, 12 (въ сокращенномъ изложеніи на французскомъ языкѣ, сдѣланномъ самимъ авторомъ, это изслѣдованіе помѣщено въ *Mélanges Charles de Harlez, Leide 1896, pp. 204—211: S. Melik David-Beg, Le dialecte de Marach*) и по арабкирскому діалекту (начатое печатаніемъ съ августовскаго № „Handès Amsōreay“ за 1900 г.; пока печатается первая часть, заключающая тексты и глоссарій). — Въ лицахъ г-на Г. Аджаряна и Меликъ Давидъ-Бега арменовѣдніе приобрѣло весьма крупныя силы въ дѣлѣ изученія діалектовъ.

Обращаемъ вниманіе также на изслѣдованіе Газанджяна (Gazanċean) по діалекту евдокійскихъ (г. Евдокія) армянъ, печатаніе котораго началось съ апрѣльскаго № „Handès Amsōreay“ за 1898 г. и закончилось въ іюльскомъ № за 1899 г. (Въ морфологическомъ отношеніи этотъ діалектъ вообще близокъ къ константинопольскому).

²⁾ Многими свѣдѣніями относительно араратскаго діалекта (и, въ частности, относительно аптаракскаго) мы обязаны любезности г. С. Шахъ-Азиза, которому и приносимъ нашу благодарность.

³⁾ За послѣднее время было издано довольно много текстовъ по различнымъ армянскимъ діалектамъ и говорамъ (преимущественно въ константинопольскомъ журналѣ „Biugakn“). Однако, использовать эти тексты (по крайней мѣрѣ, нѣкоторые изъ нихъ) для нашего изслѣдованія мы не нашли возможнымъ въ виду ихъ недостаточности въ лингвистическомъ отношеніи.

скаго и далѣе индо-европейскаго праязыка. (См. также «предварительныя примѣчанія» — §§ 1 и 68).

Обращаясь къ сравнительно-историческому выясненію той или другой формы грабара, мы, по большей части, приводимъ мнѣнія отдѣльныхъ ученыхъ. Дѣлаемъ мы это, отчасти, съ цѣлью представить ходъ изученія интересующаго насъ вопроса (причемъ, иногда, выясняется зависимость одного изслѣдователя отъ другого), отчасти, чтобы подвергнуть его новому разсмотрѣнію.

Изъ индо-европейскихъ языковъ мы останавливаемся нѣсколько больше на иранскихъ языкахъ, преимущественно на древне-, средне- и ново-персидскомъ; срв., напримѣръ, экскурсъ на стр. 22—23 (подъ а); экскурсъ объ именахъ, исходящихъ въ звательномъ на -о, стр. 72 слд.; § 161 (по поводу образованія множ. числа); подстрочное прим. 1-е на стр. 57 и т. д. — Изъ языковъ, не принадлежащихъ къ индо-европейской семьѣ, мы должны были остановиться на сирійскомъ (см. экскурсъ на стр. 23—24, подъ в; по поводу сирійскаго уаѣ, Addenda p. XV), турецкомъ (по поводу образованія множ. числа въ ново-армянскомъ, §§ 161, 169) этрусскомъ и нѣк. др. (По отношенію къ этимъ языкамъ, за исключеніемъ турецкаго, мы не самостоятельны).

Транскрипція звуковъ мушскаго діалекта, употребляемая нами въ настоящей части та же, что и въ I-й (см. Этюды I стр. XV слд.); транскрипція грабара (Этюды I стр. XXIV) отличается лишь тѣмъ, что вм. *u*, въ положеніи передъ гласными, мы, вслѣдъ за Гюбшманомъ (Aqm. Gramm. I p. 2), пишемъ *v*. Измѣненія въ транскрипціи индо-европейскихъ звуковъ, сравнительно съ первою частью Этюдовъ, заключаются въ обозначеніи слоговыхъ сонорныхъ (*liquida et nasalis sonans*) по примѣру сонантиковъ (Бругмана, Гюбшмана и др.), т. е. *ŋ*, *ŋ̃* и т. д. (Въ I-й части мы обозначали по системѣ проф. Фортунатова; см. его статью — «Плавныя согласныя въ древне-индійскомъ языкѣ» въ юбилейномъ сборникѣ проф. Э. Корша — *Χαριστήρια*, стр. 484 слд.). Тексты «Сборниковъ притчъ Вардана», «Собранія Костанянца, надписей Ани — транскрибируются какъ грабарныя. Въ транскрипціи киликійскаго средне-армянскаго мы слѣдуемъ Karst'y. О транскрипціи формъ, цитруемыхъ изъ Schröder'a и

Мхитара Севастійскаго, было сказано выше. Формы ново-армянскаго литературнаго языка транскрибируются какъ грабарныя.

Въ заключеніе, считаемъ своимъ пріятнымъ долгомъ выразить искреннюю благодарность всѣмъ учрежденіямъ и лицамъ, оказавшимъ намъ свое содѣйствіе, а именно: Историко-филологическому факультету Императорскаго Московскаго Университета и, въ частности, его декану — проф. А. И. Кирпичникову за предоставленіе страницъ «Ученыхъ Записокъ» для настоящаго изслѣдованія, Венеціанской и Вѣнскаго конгрегаціямъ мхитаристовъ, арменистамъ: Г. Гюбшману, Н. Марру, А. Meillet, С. Шахъ-Азизу и Х. Кучукъ-Іоаннесову.

Л. Мсеріанць.

4 (17) января 1901 г.
Москва.

СОКРАЩЕНІЯ.

Кромѣ сокращеній, упомянутыхъ въ I части Этюдовъ (стр. IX—X), отмѣтимъ еще слѣдующія:

Этюды I = Л. Мсеріанць, Этюды по армянской діалектологіи. Ч. I. Сравнительная фонетика мушскаго діалекта и т. д. Москва 1897 (=Ученыя Записки Императорскаго Московскаго Университета, отдѣлъ Историко-филологическій, вып. XXIV) ¹⁾.

Нովнапіан I = Нովнапіан [Yovnapéan], Hetazōtu-

¹⁾ Краткое изложеніе на французскомъ языкѣ основной части этого труда, представленное нами XI международному конгрессу ориенталистовъ (собравшемуся въ Парижѣ, въ 1897 г.), было издано подъ заглавіемъ — Notice sur la phonétique du dialecte arménien de Mouch (Paris 1899, pp. 18) = Actes du cinzième congrés international des orientalistes. Paris — 1897. Première section. Langues et archéologie des pays ariens. Paris 1899, pp. 299 — 316. Болѣе подробное изложеніе на нѣмецкомъ языкѣ сдѣлано Л. Patrubány (приватъ-доцентъ въ Будапештѣ) и помѣщено подъ заглавіемъ — Lautlehre der Mußer Mundart nach L. Mseriantz въ издаваемомъ имъ журналѣ „Sprachwissenschaftliche Abhandlungen“, Bd. I, Heft 11/12 [1899], pp. 271 — 288.

thiunkh пахнеач ƒamkōrēni vraу (Наслѣдованія по средне-армянскому языку), часть I (въ двухъ выпускахъ). Вѣна 1897.

Karst, Kilikisch-Armenisch I = Aussprache und Vokalismus des Kilikisch-Armenischen. Erster Teil einer historisch-grammatischen Darstellung des Kilikisch-Armenischen. Inaugural-Dissertation von J. Karst. Strassburg 1899.

Schröder (Шгрөдеръ), Thesaurus (ling. arm.) = Joh. Joachimi Schröderi Thesaurus linguae armenicae antiquae et hodiernae etc. Amstelodami MDCCXI.

Мхитаръ Севастиѣскій, Грамматика = Duġa kherakanuthean ашарһабаġ lezvin hayoch (Врата грамматикки народнаго армянскаго языка). Венеція 1727.

Эминъ, Армянскія надписи въ Карсѣ, Ани etc. = Армянскія надписи въ Карсѣ, Ани и въ окрестностяхъ послѣдняго. Переводъ Н. О. Эмина. Москва 1881.

«Сборники притчъ Вардана» (изд. Марра) = Н. Марръ, Сборники притчъ Вардана. Матеріалы для исторіи средневѣковой армянской литературы. Часть II. Текстъ. С.-Петербургъ 1894.

Собрание Костанянца I, II, III = К. Kostaпeanч. Nor žovovasi: miġnadarean hayoch taуer ev otanavorner (Новое собраніе средневѣковыхъ армянскихъ стихотвореній и духовныхъ стиховъ). Выпуски: I, II, III. (Тифлисъ 1892—96).

M.S.L.P. = Mémoires de la Société de linguistique de Paris.

ADDENDA.

Къ § 78 подстр. прим. 4 (стр. 59). — Форма Masikh встрѣчается у *Θομῆς Ἀρτζруνι* (петербургское изд. стр. 52). [Этимъ указаніемъ мы обязаны проф. Н. Я. Марру].

Къ § 79 (стр. 59). При авестійской формѣ *dāma* существовали также *dāma* и (рѣже) *dāma*.

Къ § 90. — Къ вопросу о префиксѣ *accusativi z-*. Объяснить граб. *z-* пытался и Боппъ въ своей «Сравнительной грамматикѣ» (I § 237, 3).

Считаемъ не лишнимъ обратить вниманіе на интересную аналогію, представляемую семитическими языками. Именно, срв. употребление въ сирійскомъ, въ качествѣ префикса «опредѣленнаго» винительнаго, *ʾāʾ* (12 разъ въ переводѣ В. З.). Этотъ же префиксъ въ палестинско-арамейскомъ языкѣ Targum'a употребляется постоянно для обозначенія «опредѣленнаго» винительнаго. (Такимъ же образомъ и въ другихъ семитическихъ языкахъ: въ еврейскомъ *'ēʾ* [съ именами] и *'ōʾ* [съ мѣстоименіями], въ финикійскомъ *'ūuʾ* и т. д.) ¹⁾ Интересно знать, насколько памятники сирійскаго языка могли оказать вліяніе на грабарное употребленіе *z-*?

¹⁾ Разобраться въ вопросѣ объ этомъ семитическомъ префиксѣ любезно помогъ намъ М. В. Никольскій, которому мы и приносимъ нашу благодарность.

Пользуемся случаемъ, чтобы выразить многоуважаемому М. В. Никольскому нашу благодарность также и за его указанія и руководство при нашихъ занятіяхъ вопросами, имѣющими отношеніе къ „ванской“ („алародійской“) клинописи.

Къ § 91 (стр. 78). — Къ примѣрамъ на винительный отъ одушевленныхъ именъ въ формѣ родительнаго (дательнаго): aġc̄ haŋ-cuġ aġvəsun = медвѣдь спросилъ лисицу.

Къ § 107. — Слѣдуетъ прибавить примѣръ основы на -i-: gen. sərti = srti къ sirt 'сердце' = sirt.

Къ § 123. — О грабарномъ исходѣ -oġ см., въ настоящее время, въ статьѣ Meillet, Notes sur quelques faits de morphologie, VII (въ M.S.L.P. XI p. 6 sq.).

Къ § 133 подстр. прим. 2 (стр. 125). По дополнительному сообщенію г. Шахъ-Азиза, въ Эривани говорятъ raġi tal (= аштаракскому raġi tal 'кататься по льду').

Къ § 134 подстр. прим. 1 (стр. 127). — Мушское di- 'сторона', полученное изъ *dih, представляетъ (какъ и соответствующіе эквиваленты въ другихъ ново-армянскихъ діалектахъ) соответствіе грабарному deh 'сторона'. Граб. deh представляетъ заимствованное средне-персидское *dēh, срв. пазендское deh 'Dorf', ново-перс. h, dīh, 'id.'; срв. Арм. Грамм. I p. 139. Въ средне-армянскомъ мы находимъ формы: deh, dih, di (см., напримѣръ, «Сборники притчъ Вардана»); срв. виликійскую средне-армянскую форму tih при tēh (Karst, Kilikisch-Arm. I § 43, с.). Гюбшманъ, l. с., принимаетъ въ ново-армянскомъ для deh значеніе «Land»; по нашимъ свѣдѣніямъ, въ ново-армянскихъ діалектахъ (такъ же, какъ въ древне- и средне-армянскомъ) deh etc. значить «сторона».

Къ § 137 (конецъ). — Къ примѣрамъ изъ «Сборниковъ притчъ Вардана» слѣдуетъ прибавить слѣдующій: nsaf-ov 'собс. со справедливостью, т. е. справедливый', твор. къ nsaf (заимствованное арабское insaf 'justice, équité, modération etc.').

Къ § 137 (стр. 131). Интересно отмѣтить, что -okh въ нѣкоторыхъ діалектахъ получило характеръ словообразовательнаго суффикса, срв., напр., въ евдокійскомъ діалектѣ deskh-okh 'красивый' отъ плурализованнаго des-kh 'видъ, наружность', граб. tes (ном. pl. tes-kh); см. Gazančean, «Handes Amsōreay» 1899, p. 48.

Къ § 137 (стр. 131). — Изъ языка венгерскихъ (трансильванскихъ) армянъ приведемъ: anuš lezvov mart er = (онъ) былъ человекъ любезный (привѣтливый, собс. съ пріятнымъ языкомъ); «Vazmanēr» 1843, p. 111.

Къ § 137-bis. — Впрочемъ, примѣромъ творительнаго ед. числа въ значеніи прилагательнаго, въ грабарѣ, могло бы служить, на-примѣръ, *igav* (собс. твор. отъ *ig* 'вещь') — «дѣйствительный (реальный), истинный, правый», противоположное понятіе: *an-igav* «неправый».

Къ § 138. — О *haziv* см. *Arm. Gramm.* I pp. 174, 462 (cf. *Bugge*, *K. Z.* XXXII p. 12), о *bnav* о. с. p. 123.

Къ § 138. примѣчаніе. — Къ грабарнымъ примѣрамъ на *-ov-in* слѣдуетъ прибавить *egam-ov-in* 'стаями, толпами' (то же, что и *egama[u]g[en]*) изъ твор. ед. ч. *egam-ov* къ *egam* 'стая, толпа'.

Къ § 150, 1. Форма *erkn-uch* представляетъ *ablativus* къ ном. *erkin*, при которомъ существуетъ также и плурализованное *erkin-kh*.

Къ § 157, 2 (стр. 158). «Танъ» — названіе извѣстнаго рода супа, основною частью котораго служитъ кислое молоко. Приготовление этого кушанья варьируется по различнымъ мѣстностямъ; срв., напр., что говоритъ *Ma IX a s e a n*, «*Azgagrakan handēs*» (= Этнографическое обозрѣніе) VI p. 195.

Къ § 161. подстр. прим. 4 (стр. 163). — Характернымъ показателемъ множественности въ грузинскомъ нами выставлено *-bi-*, какъ въ цитованныхъ трудахъ *Ленормана* и *Патканова*; это *-bi-* должно исправить въ *-eb-*; срв. груз. ном. sing. *saχl-i* 'домъ', ном. plur. *saχl-eb-i*; gen. sing. *saχl-is(a)*, gen. plur. *saχl-eb-is(a)* и т. д.

Къ § 170. — Примѣры винительнаго на *-kh* вм. *-s* можно указать уже и въ памятникахъ древне-армянскаго языка (подъ влияніемъ народной рѣчи); примѣры собраны у *Aidunia p'a I* p. 78 подстр. прим. 34. Классическій примѣръ: *ev šat chavechoich z-mēgkh* (вм. *z-mēgs*) *pharhuk otigordin* = и сильную причинилъ боль стану (*z-mēgkh*) нѣжной царевны [пер. Эминая] (у Моисея Хоренскаго, *Ист. Арменіи* кн. II гл. 50, въ отрывкѣ изъ народнаго эпоса); срв. *Паткановъ*, *Исследование о діалектахъ* стр. 6—7.

Къ § 171, 3. Суффиксъ-показатель *pluralis -ti-kh* извѣстенъ въ средне-армянскомъ, а также въ старомъ ново-армянскомъ; срв. *-di-kh* изъ языка начала XVIII в., описаннаго Мхитаромъ Севастійскимъ, напр.: *gnkh-di-kh* 'жены', *dirvə-di-kh* 'господа' (*Грамматика* стр. 24).

Къ § 174. — При плурализованной формѣ *сдос-kh* существуетъ въ мужскомъ также и *сдосh = сосh*.

Къ § 175. — Подобно старому польско-армянскому, *-ni* (gen.-dat. *-ni[n]*, срв. § 176) встрѣчается въ большомъ употребленіи въ языкѣ венгерскихъ (трансильванскихъ) армянъ. (Вообще венгерско-армянскій ¹⁾ близко стоитъ къ польско-армянскому).

Къ стр. VI предисловія. — О грамматикѣ *Айдыняна* см. также докладъ *Petermann*'а (автора часто цитуемой нами первой научной грамматики древне-армянскаго языка) — *Über die kritische Grammatik der armenischen Vulgärsprache von... Aitenean* (въ «*Monatsbericht d. Königl. Akademie d. Wissenschaften zu Berlin*» 1867, pp. 674—679).

¹⁾ За послѣднее время издано не мало текстовъ по языку венгерскихъ армянъ; особенно обращаетъ на себя вниманіе двухтомный трудъ *Г. Говрикяна* (*G. Govrikean — Naŭkh u-Eŭisabethropolis etc. Вѣна 1893—99*). Мы вправѣ ожидать изслѣдованія фонетическихъ и морфологическихъ особенностей этого діалекта отъ его знатока, будапештскаго армениста — *Л. Патрубяну* (*Patrubaeuan*).

О Г Л А В Л Е Н И Е.

	<i>Стран.</i>
Предисловіе	V.
Addenda	XV.
Сравнительная морфологія мушскаго діалекта въ связи съ морфологіей грабара и средне-армянскаго.	
<i>Обзоръ именныхъ основъ и словообразовательныхъ суффиксовъ въ мушскомъ діалектѣ (§§ 1—67).</i>	
Предварительное примѣчаніе	1
<i>Мушскія соответствія индо-европейскимъ именнымъ основамъ съ различными суффиксами.</i>	
Индо-европейскія основы съ именнымъ суффиксомъ *-o-	3
Индо-европейскій суффиксъ *-tro-	4
Индо-европейскій суффиксъ *-до- (-vo-)	7
Индо-европейскіе суффиксы *-по- и *-по-	7
Индо-европейскій суффиксъ *-оно-	10
Индо-европейскій суффиксъ *-мо-	11
Индо-европейскій суффиксъ *-го-	11
Индо-европейскій суффиксъ *-го-	11
Индо-европейскій суффиксъ *-lo- [*-lā-]	12
Индо-европейскій суффиксъ *-to-	13
Индо-европейскій суффиксъ *-k ^o -	14
Индо-европейскіе суффиксы *-ik ^o -, *-īk ^o -	14
Индо-европейскій суффиксъ *ūk ^o -	16
Индо-европейскій суффиксъ *ak ^o -	18
Грабарный „суффиксъ“ -[a]-vor	18
Индо-европейскіе основы на *-ā-	20
Экскурсъ объ иранскихъ, сирійскихъ и греческихъ заимствованіяхъ	22
Индо-европейскія основы на *-jo- и *-jā-	25
<i>Грабарные суффиксы, исходящіе на -i и ихъ соответствія въ мушскомъ (§§ 30—34).</i>	
Грабарные суффиксы -el-i, -al-i	28
Грабарный суффиксъ -an-i	29
Грабарные суффиксы на -ach-i, -ech-i	30

Средне- и ново-армянскій суффиксъ -ov-i.....	31
Добавленіе. — Мужскія соотвѣтствія грабарнымъ формамъ на -ikh (пом. plur.)	31
Индо-европейскія основы съ именнымъ суффиксомъ *-i.....	31
Индо-европейскій суффиксъ *-ni.....	32
Индо-европейскій суффиксъ *-ti.....	32
Индо-европейскія основы съ именнымъ суффиксомъ *-u.....	32
Индо-европейскій суффиксъ *-ju.....	33
Индо-европейскій суффиксъ *-gi.....	34
Индо-европейскій суффиксъ *-tu.....	34
Индо-европейскій суффиксъ *-en.....	34
Индо-европейскій суффиксъ *-men.....	35
Индо-европейскіе суффиксы *-er- и *-ter.....	36
Индо-европейскія формы на -gъ въ пом.-асс. neutr.....	36
Индо-европейскія основы съ суффиксомъ *-s.....	36
Индо-европейскія имена безъ словообразовательныхъ суффиксовъ.....	38

Грабарные словообразовательные суффиксы и ихъ соотвѣтствія въ мужскомъ (§§ 49—62).

Грабарный суффиксъ -iv.....	39
Грабарный суффиксъ -ord.....	39
Грабарный суффиксъ -u-thium.....	40
Грабарный суффиксъ -och.....	41
Грабарный суффиксъ -apoch.....	41
Грабарный суффиксъ -eni.....	41
Грабарный суффиксъ -ot.....	42
Грабарный суффиксъ -ain.....	42
Грабарный суффиксъ -u.....	43
Грабарный суффиксъ -eay.....	43
Грабарный суффиксъ -ach.....	44
Грабарный суффиксъ -achu.....	44
Грабарный суффиксъ ac.....	45
Средне- и ново-армянскій суффиксъ -cv.....	46
Ново-армянскіе суффиксы -va, -vap.....	46
Диалектическія собственныя и нарицательныя имена на -o.....	46
<i>Замѣтованные суффиксы, являющіеся въ мужскомъ диалектѣ.</i>	
Суффиксъ -ci.....	47
Суффиксъ -stan.....	47

Именная флексія.

Мужское именное склоненіе въ связи со склоненіемъ въ грабарь и средне-армянскомъ (§§ 68—181).

Предварительное примѣчаніе.....	49
---------------------------------	----

Едиственное число.

Именительный падеж (§§ 69—87).....	49
Звательный падеж (§ 88).....	69
Экскурсъ объ именахъ, исходящихъ въ звательномъ на -о.....	72
Винительный падеж (§§ 89—94).....	74
Родительный падеж (§§ 95—124).....	81
Дательный падеж (§§ 125—133).....	115
Творительный падеж (§§ 134—139).....	125
Отложительный падеж (§§ 140—152).....	137
I. Отложительный простой.....	138
II. Описательный отложительный.....	152
Мѣстный падеж (§§ 153—160).....	153

Множественное число.

Принципы обычнаго образованія множественнаго числа въ ново-армянскомъ вообще и въ мужскомъ въ частности (§§ 161—167).....	162
<i>Особья формы множественнаго числа, вступающія въ мужскомъ діалектѣ (§§ 168—181).</i>	
Именительный-винительный.....	173
Родительный (дательный).....	182
Творительный.....	186
Отложительный.....	186

Сравнительная морфология мушского диалекта въ связи съ морфологіей грабара и средне-армянскаго.

ОБЗОРЪ ИМЕННЫХЪ ОСНОВЪ И СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХЪ СУФФИКСОВЪ ВЪ МУШСКОМЪ ДИАЛЕКТЪ.

§ 1. Предварительное примѣчаніе. Обращаясь къ обзору именныхъ основъ мушскаго диалекта, равно какъ къ разсмотрѣнію наличнаго состава словообразовательныхъ суффиксовъ этого диалекта, мы будемъ имѣть точкою отправленія два слѣдующихъ пункта: при обзорѣ именныхъ основъ мы будемъ исходить изъ индо-европейскаго праязыка, отъ котораго (черезъ обще-армянскій) мы будемъ исходить къ мушскому, имѣя постоянно въ виду факты, представляемые грабаромъ и, отчасти, средне-армянскимъ; съ другой стороны, при разсмотрѣніи специально-армянскихъ словообразовательныхъ суффиксовъ ¹⁾ въ мушскомъ, точкою отправленія мы будемъ имѣть грабарь, съ фактами котораго будутъ сопоставляться факты мушскаго (и другихъ ново-армянскихъ диалектовъ), причемъ и въ этомъ случаѣ также мы будемъ принимать во вни-

¹⁾ Подъ „специально-армянскими словообразовательными суффиксами“ мы разумѣемъ такіе, которые образовались, какъ можно думать, уже на почвѣ обще-армянскаго языка; впрочемъ, возникновеніе нѣкоторыхъ изъ этихъ суффиксовъ, быть можетъ, слѣдуетъ отнести еще въ до-армянскую эпоху.

Такіе специально-армянскіе суффиксы мы будемъ приводить подъ рубрикою грабарныхъ, хотя точнѣе было бы ихъ называть „обще-армянскими“. См. §§ 49—62.

маніе факты средне-армянскаго языка. Что касается особыхъ суффиксовъ, выработавшихся въ средне- и ново-армянскомъ, а также заимствованныхъ изъ другихъ языковъ, то имъ будутъ отведены особыя рубрики.

При обзорѣ именныхъ основъ мы будемъ, по мѣрѣ возможности, придерживаться того порядка, въ которомъ идетъ изложеніе у Бругмана во II-мъ томѣ Grundriss'a, въ отдѣлѣ—Nomina mit stambbildenden Suffixen (§§ 55—136).

§ 2. Въ своей «Исторической грамматикѣ армянскаго языка г. Тифлиса» проф. Томсонъ, между прочимъ, говоритъ: «Если... каждый изслѣдователь какаго-либо діалекта представитъ намъ, насколько возможно, исторію суффиксовъ изслѣдуемаго діалекта, примѣняясь къ тому, что въ это время будетъ извѣстно по словообразованію другихъ діалектовъ, то мы получимъ мало-по-малу всю исторію армянскаго словообразованія» (о. с. стр. 79). Мы, съ своей стороны, считаемъ нужнымъ дополнить данную цитату указаніемъ на важность изученія также исторіи суффиксовъ средне-армянскаго языка, такъ какъ нѣкоторые изъ суффиксовъ ново-армянскаго языка ¹⁾ не составляютъ его исключительной собственности, но выработались уже въ предшествующую эпоху исторіи армянскаго языка.

Что касается важности изслѣдованія ново-армянскаго (а также средне-армянскаго) словообразованія для исторіи армянскаго словообразованія вообще, то это явствуетъ уже изъ того обстоятельства, что извѣстныя явленія, относящіяся къ этой области, отсутствуютъ въ древне-армянскомъ литературномъ языкѣ (=грабарѣ) и являются лишь въ языкѣ послѣдующихъ эпохъ ²⁾.

¹⁾ Подъ выраженіемъ „ново-армянскій языкъ“ какъ въ данномъ случаѣ, такъ и въ послѣдующемъ изложеніи, мы разумѣемъ всю совокупность современныхъ, ново-армянскихъ діалектовъ. Точно такъ же, подъ коллективнымъ выраженіемъ „средне-армянскій языкъ“ мы подразумѣваемъ суммарно всю совокупность памятниковъ средне-армянской письменности.

²⁾ Другія соображенія по этому поводу (приблизительно, главнымъ образомъ, къ тифлисскому діалекту) см. у Томсона, Тифл. § 189 стр. 78 слд.

МУШСКІЯ СООТВѢТСТВІЯ ИНДО-ЕВРОПЕЙСКІМЪ ИМЕННЫМЪ ОСНОВАМЪ СЪ РАЗЛИЧНЫМИ СУФФИКСАМИ.

§ 3. **Индо-европейскія основы съ именнымъ суффиксомъ *-o-**. Въ индо-европейскомъ праязыкѣ основы съ суффиксомъ *-o- (на ряду съ основами на *-ā-) были, какъ извѣстно, самыми распространенными (Cf. Brugmann, Grundriss II § 59 p. 104). Онѣ обнимали имена мужскаго (на *-o-s въ nom. sing.) и средняго (на *-o-m въ nom.-acc. sing.) родовъ. Въ армянскомъ языкѣ этотъ классъ основъ былъ также весьма распространеннымъ.

Нижеслѣдующіе примѣры изъ обще-армянскаго, грабара, мушскаго (и другихъ ново-армянскихъ діалектовъ) мы приводимъ съ подраздѣленіемъ по категоріямъ рода. Такъ какъ грамматическій родъ утраченъ армянскимъ языкомъ, то это подраздѣленіе произведено, преимущественно, съ точки зрѣнія родственныхъ языковъ.

Masculina. Индо-европ. *uḷk²-o-s 'волкъ': обще-арм. *gali (изъ до-арм. формы на *-o-s), откуда граб. gail, мушс. gel, тифл. gel, ахалц. kal (Ахалц. § 62), польско-арм. kal, конст. (народная форма) khal, агул. güi (Саргсянцъ p. 48) ¹⁾ и т. д.; срв. въ родственныхъ языкахъ: др.-лив. vḷka-s, ст.-слав. вѣлъкъ и пр. Индо-европ. *sen-o-s 'старый': обще-арм. *hin (изъ до-арм. формы на *-o-s), откуда граб. hin, мушс. hin и т. д., срв. др.-инд. sana-s, авест. hana-, ḥva-ς и пр. Обще-арм. *orb (изъ до-арм. формы на *-o-s), откуда граб. orb 'сирота', мушс. vorp, конст. vorph, тифл. vurph, польско-арм. vorp и т. д.; срв. orb-us, ὄρφο- (въ ὄρφανότητι: ἐπίτροποι: ὄρφανῶν [Hesychius]).

Neutra. Индо-европ. *yug²-o-m 'армо': обще-арм. *luc (изъ до-арм. формы на *-o-m), откуда граб. luc; срв. въ родственныхъ языкахъ: др.-инд. yuga-m, जुग-म्, yuga-m и пр. Обще-арм. *gorc 'дѣло' (изъ до-арм. формы на *-o-m), откуда граб. gorc, мушс.

¹⁾ Срв. Petermann, Über d. armen. Dialect von Agulis etc. въ „Monatsbericht d. Königl. Akademie d. Wiss. zu Berlin“ 1866 p. 735—гдѣ неточно обозначенъ гласный: gul.

guroc, тифл. gurj ('руководѣіе'), ахалц. kuerj (Ахалц. § 75), конст. khorj и т. д.; срв. ξήρο-ν (Fήρο-ν) и пр.

§ 4. Въ вышеприведенныхъ армянскихъ формахъ (различныхъ эпохъ и діалектовъ) именительнаго ед. числа мы не находимъ уже болѣе слѣдовъ индо-европ. именного суффикса *-о-: онъ исчезъ въ положеніи въ первоначально-конечномъ слогѣ. (Срв. Этюды I § 47; Агт. Gramm. I р. 410). Это суффиксальное -о- мы имѣемъ въ грабарѣ и, отчасти, въ средне- и ново-армянскомъ, въ тѣхъ падежныхъ формахъ, въ которыхъ оно не находилось въ первоначально-конечномъ слогѣ; срв., напримѣръ, граб. gen.-dat. sing.: gail-ou, orb-ou, hn-ou (изъ *hin-ou), lc-ou (изъ *luc-ou), gorcou; instr. sing.: gail-ov, gorc-ov и пр.; мушк. instr. sing.: gel-цов (-цо- изъ -о- въ положеніи въ конечномъ слогѣ, о чемъ см. Этюды I § 49), vorp-цов, gorc-цов и пр.; тифл. instr. sing.: gil-ov, gurj-ov и т. д. Мы сказали, что суффиксальное -о- въ средне- и ново-армянскомъ мы имѣемъ лишь «отчасти», въ виду того, что въ родительномъ (дательномъ) въ мушскомъ (и въ другихъ ново-армянскихъ діалектахъ) мы находимъ -и въ соответствіи съ граб. (и обще-арм.) -о-у (Этюды I § 100), напр. gil-u, lus-u къ nom. lus ('свѣтъ') = lus-ou (къ nom. lois); срв. по суффиксу тифл. marh-u, польско-арм. mart-u и т. д. (соответствующія граб. mard-ou къ nom. mard 'человѣкъ' изъ индо-европ. *mrtō-s); это -и, какъ мы увидимъ далѣе, является, отчасти, уже въ средне-армянскомъ.—Что касается формы граб. dat.-loc. sing. на -u-m (см. о ней ниже), которой въ ново-армянскихъ діалектахъ восточной группы соответствуетъ также форма на -um (суффиксъ locativi), то здѣсь -и- получилось изъ стараго -о-, а -m изъ первоначальной группы *-sm- (о чемъ см. Armeniaca II pp. 123—124, въ частности р. 120); срв. тифл. gil-um, gorj-um и т. д. при граб. mard-um и пр.

§ 5. Индо-европейскій суффиксъ *-tr-o- (Grundriss II р. 112) мы имѣемъ въ граб. agaur (arōr) 'плугъ' ¹⁾, которое можно вы-

¹⁾ Это слово известно преимущественно изъ грабара. По указанію Ак. Слов. (в. в.) въ и р о с т о н а р о д н о й рѣчи (gamkakan) ему соответствуетъ nagor. Въ ново-армянскомъ литературномъ языкѣ (также и въ діалектахъ) употребляется guthan 'плугъ', соответствія котораго мы находимъ въ нѣкоторыхъ индо-европейскихъ и „кавказскихъ“ языкахъ; срв. осет. go[ū]thon, курд. kotan, груз. guthani,

водить изъ *ara[ā]-tro-m, *aro-tro-m или *arə-tro-m (Arm. Gramm. I p. 423) ¹⁾. Срв. также Armeniaca I p. 168 и Bugge, I. F. I pp. 438, 440; относительно звукового вида срв. Этюды I § 92, 2.

Къ индо-европ. суффиксу *-tr-o- проф. Бугге возводитъ (I. F. I pp. 437—438) грабарный суффиксъ -auγ, -ōγ (при -oγ; срв. Этюды I § 93), образовывавшій nomina agentis ²⁾, напр. sn-auγ, sn-ōγ 'genitor, patens' изъ *sin-auγ (срв. snanim изъ *sinanim 'ratio, gigno, nascor', aor. snaу изъ *sinaу—при sin 'рождение') изъ индо-европ. *g'ene-tro-s; срв. основу *g'ene- въ др.-инд. gāni-tar-, а по суффиксу—такія греческія образования, какъ *ἰητρός, δαιτρός*. (Подробнѣе I. F. I. p. 438; срв. также Этюды I § 92 прим.).

Въ мушскомъ грабарномъ суффиксу -auγ (-ōγ) соотвѣтствуетъ суффиксъ -oγ, образующій (какъ и въ другихъ ново-армянскихъ

туш. gutha и пр. Проф. Гюбшманъ полагаетъ, что „ein kaukas. Lehnwort... aus moderner Zeit scheint armen. gutha ...zu sein“ (Arm. Gramm. I p. 398). Указывая на противоположное мнѣніе Erskert'a (Die Sprachen des kaukas. Stammes p. 113), онъ обращаетъ вниманіе на то, что это слово „kommt in der arm. Litteratur nirgends vor“. Это не совсѣмъ точно. Правда, въ Ак. Слов. gutha[y] мы не находимъ и оно неизвѣстно изъ классическихкихъ памятниковъ грабара; однако, въ отдѣлѣ „Addenda“ къ Ак. Слов. мы находимъ guthaу (II p. 1049) съ подробнымъ поясненіемъ его значенія („большой плугъ, въ который запрягаются многія пары воловъ“) и съ приведеніемъ цитаты изъ одного произведенія средневѣковой армянской письменности („Oskiphorik“). Gutha[y] приводится и въ „Ручномъ словарѣ арм. языка“ (2-е изд., Венеція 1865, p. 225). Въ связи съ этимъ, арм. gutha[y] уже нельзя считать новымъ заимствованіемъ изъ кавказскихъ языковъ.

¹⁾ Иначе думаетъ Bartholomae, полагающій, что arauγ „enthält das suffix tru, wie lat. tonitru“ (Studien II p. 30). Но, въ такомъ предположеніи нѣтъ никакой необходимости. (Срв. что говоритъ Гюбшманъ въ Arm. Gramm. I p. 423: „Bartholomae's *arətru... hat keine Stütze“).

²⁾ Проф. Томеонъ говоритъ: „Суффиксъ -oγ образуетъ причастія настоящаго времени въ грабарѣ, ахалц., тифл. и въ другихъ діалектахъ“ (Тифл. § 213). Это замѣчаніе справедливо, какъ мы увидимъ въ настоящемъ §-ѣ, относительно средне- и ново-армянскаго, но не относительно грабара. Въ послѣднемъ суффиксъ -auγ (-ōγ) образовывалъ nomina agentis, что уже отмѣчено (взгѣдъ за мхитаристомъ Avetikean'омъ) Петерманомъ (Grammatica linguae arm. p. 195), а также Паткановымъ (Изсѣдованіе о составѣ стр. 75 подстроч. прим. 1).

діалектахъ ¹⁾, а также и въ ново-армянскомъ литературномъ языкѣ) participia praesentis, напр. Isoy 'слушающій' (срв. граб. Isoy 'auditor'), enoy 'дѣлающій', эсоу 'говорящій', chanoу 'сѣющій' и т. д.

Съ подобною же функціей мы встрѣчаемъ -ōу уже въ средне-армянскомъ (срв. Karst, Kilikisch-arm. I p. 65), а въ извѣстныхъ случаяхъ и въ грабарѣ формы на -auу, -ōу (на ряду съ -ou) могутъ быть переводимы не только латинскими существительными на -tor (nomina agentis), но и формами participii praesentis (такъ напр. вышеприведенное Isoy значить: 1) auditor и 2) audiens) ²⁾.

Кромѣ причастій настоящего, въ мушскомъ (равно какъ и въ другихъ діалектахъ, а также и въ средне-армянскомъ) можно отмѣтить и такія образованія на -ou, которыя, по своему значенію, не находятся въ живой связи съ глагольною системою. Сюда принадлежитъ, напримѣръ, мушс. haōou 'удачный' (срв. тифл. aōou) = aōou (yaōou) 'удобный, удачный, искусный', срв. aō 'правый; правая рука или сторона', aō-el 'чествовать, приглашать (какъ бы: «гладить рукою», по объясненію Ак. Слов.)'; отмѣтимъ также мушс. groу 'названіе мѣологическаго божества (генія смерти?)', живущаго до сихъ поръ въ народныхъ вѣрованіяхъ ³⁾, срв. тифл. groу (Тифл. стр. 96); этому groу соотвѣтствуетъ въ грабарѣ groу,

¹⁾ См., напримѣръ, относительно агулискаго—Саргсянка § 81, относительно тифлискаго—Тифл. §§ 218, 444, относительно польско-армянскаго—Напиз, Lautlehre d. polnisch-armen. Mundart p. 23. (При этомъ замѣтимъ, что Напиз считалъ, повидимому, исконнымъ грабарнымъ суффиксомъ, образующимъ nomina agentis, не -aut [-5r], но -ou).

²⁾ Въ этомъ отношеніи интересно наблюденіе, сдѣланное Вагтатуні (p. 681 подстроч. прим. 1) относительно дифференціаціи при помощи формы съ суффиксомъ -ou (для передачи греч. part. praesentis), къ которой прибѣгнулъ переводчикъ твореній Филета. У него же [l. c.] мы находимъ попытку объяснить двойственность графика нашего суффикса.

³⁾ Срв. мушс. выраженіе: groу tane ez-khezi 'возьми тебѣ groу'.—Въ языческихъ вѣрованіяхъ древнихъ армянъ мы имѣемъ извѣстіе о Tir'ѣ или Thur'ѣ (срв. Арм. Грамм. I p. 89 съ подстрочнымъ прим. 1)—„писецъ (grich) Орпуда“ (Агапанова). Литература предмета: Эминъ, Всеобщая исторія Степаноса Таронскаго (пер. съ арм.) стр. 269—271; Палаванова—Исторія армянской литературы (на арм. яз.), Тифлисъ 1866, стр. 188; Ališan, Древняя арм. религія (на арм. яз.), въ журналѣ „Ваятавѣр“ 1894 p. 488; Gelzer, Zur armen. Götterlehre (въ „Berichte... d. königl. Sächs. Gesell. d. Wiss. Phil.-hist. Cl. Sitzung v. 7 Dec. 1895“ p. 99 sq.).

которое, какъ имя нарицательное, значить (какъ и grich) «писецъ, секретарь», срв. grel 'писать'.

§ 6. **Индо-европейскій суффиксъ *-vo(-vo-)**. Остатки этого суффикса въ грабарѣ не могутъ быть указаны съ полною увѣренностью. Граб. kea- (единственный примѣръ!) въ kea-n-*kh* 'жизнь' (pl. tantum), возводимое Бругманомъ (Grundriss II p. 127), вслѣдъ за Гюбшманомъ (Arm. St. I p. 35), черезъ *kava- къ индо-европ. *g^hi-*vo-*¹⁾ (срв. др.-инд. gīva- и т. д.), но Bartholomae, который держится того взгляда, что въ грабарѣ «intervokalisches v nicht verloren geht» (Studien II p. 27 подстрочное прим.),—должно быть выводимо изъ индо-европ. *g^hiā- или *g^hiā-²⁾ (срв. Arm. Gramm. I p. 459)³⁾. Изъ мушскаго соотвѣтствіе граб. keankh намъ неизвѣстно; изъ другихъ діалектовъ срв. польско-арм. gankh (g—смягченное g), тюрк. kinkh и т. д.

§ 7. **Индо-европейскіе суффиксы *-no- и *-no-** (Grundriss II § 66). — Индо-европ. суффиксъ *-no- можетъ быть указанъ въ слѣдующихъ грабарныхъ примѣрахъ: gin 'цѣна', срв. др.-инд. vana-, лат. vena-m и т. д.; Гюбшманъ (Arm. Gramm. I p. 434) выводитъ граб. форму изъ индо-европ. *ves-no-m (хотя граб. [и обще-арм.] gin можетъ быть выводимо и изъ индо-европ. *ves-no-m; срв. Per Person, Studien zur Lehre von der Wurzelweiterung etc. p. 79 подстрочное прим. 3), а др.-индійскую и латинскую изъ *ves-no-m; въ мушскомъ соотвѣтствуетъ °gin въ an-gin 'безцѣнный, дорогой' = angin '1) безцѣнный т. е. дорогой, 2) adv. даромъ'; khun 'сонъ', срв. др.-инд. svarna-, авест. uvaīna-, soṣṣi-s (вѣроятно изъ *sper-no-s) и т. д. Въ то время какъ Гюбшманъ возводитъ граб. (и обще-арм.) khun къ индо-европ. *sper-no-s и *sup-no-s (Arm. Gramm. I p. 504), мы находимъ нужнымъ держаться взгляда Бругмана, по которому «khun beruht auf Combination von *sperno- und *supno-⁴⁾ (gr. σπνος, аксл. зъпъ)»

¹⁾ Впрочемъ, въ настоящее время, насколько можно судить по Grundriss I § 81, и Бругманъ выводитъ kea- изъ индо-европ. *g^hiā-.

²⁾ Срв. у него же, а. с. р. 184.

³⁾ Соотвѣтственно со всѣмъ вышеизложеннымъ должно быть допущено то, что говорится у насъ, въ Этьюдахъ I § 113.

⁴⁾ Въ Grundriss II pp. 132, 134 (срв. также I §§ 162, 201) Бругманъ выводитъ граб. khun изъ индо-европ. *sper no-.

(Grundriss I² § 331); въ мушскомъ граб. khup соотвѣтствуетъ также khun 'сонъ'. (О соотвѣтствіяхъ нашимъ примѣрамъ въ тифлисскомъ—см. Тифл. § 235).

§ 8. Индо-европ. суффиксъ -апа-,—который образовывалъ въ др.-индійскомъ извѣстныхъ прилагательныя (съ причастнымъ значеніемъ) и существительныя (nomina actionis) на -ана- (см. Whitney, Ind. Gramm. § 1150), напр. gōsana- 'leuchtend', tvagana- 'eilend', sadana- 'Sitzen', havana- 'Ruf' и пр., въ греческомъ—извѣстныхъ формы на -ανος- (ἐδαμῶς, στίφανος и пр.) и т. д.,—Томсонъ (Тифл. § 237) видитъ въ цѣломъ рядъ грабарныхъ образований на -ап, въ которыхъ не трудно усмотрѣть первоначальное причастное значеніе (именно—причастія настоящаго), о чемъ см. Марръ, Замѣтки по арм. языку стр. 4 (отд. отд.). Къ такимъ образованиямъ въ грабарѣ принадлежатъ, напримѣръ, слѣдующія: iṣḥ-ап 'князь, собс. «властвующій»', срв. iṣḥel 'быть властнымъ, править'; vīp-аp-ап 'сказитель, пѣвецъ', gov-аp-ап 'восхвалитель, воздающій хвалу', срв. avel 'говорить, пѣть (срв. лат. dicere)'; aḡz-ап 'достойный, стоящій, заслуживающій' (при aḡzап-i), срв. aḡzel 'стоять'; śarh-ап 'мѣра, измѣреніе', срв. śarhel 'мѣрить, намѣрять' и пр.

Причастный характеръ этого индо-европ. суффикса весьма ясенъ и въ различныхъ ново-армянскихъ діалектахъ (см., напримѣръ, относительно тифлискаго—Тифл. § 239). Изъ мушкаго, гдѣ мы въ соотвѣтствіи съ грабарнымъ и средне-арм. -ап (изъ обще-арм. *-ап) находимъ также -ап (см. Этюды I § 4 стр. 10), образующее отчасти причастія настоящаго (срв. Паткановъ, Мушскій р. XI), мы можемъ привести: ut-ап 'вдящій', zat-ut-ап 'прожорливый' къ ut-iel 'ѣсть' — utel; ḡas-ап 'кусающій' къ ḡas-iel 'кусать', срв. граб. ḡas-ап-el; as-ап (о курицѣ) 'несушка' къ as-iel 'нести (яйца)' = aсел; °as-ап въ sət-asап 'лгунъ, собс. ложь-говорящій', срв. граб. -asап въ vīp-asап (см. выше); eḡ-ап (относительно формы см. Этюды I § 187) 'дешевый' (срв. тифл. eḡап 'дешевый') = aḡzап 'достойный' (см. выше); am-baḡ-ап (a-baḡап, см. о. с. I § 11) 'нераздѣльный' = ап-baḡап, срв. baḡ 'часть; налогъ', baḡ-el 'облагать налогомъ' ¹⁾).

¹⁾ Сюда не принадлежатъ мушскія заимствования пəzап (запримѣръ въ выраженіи: пəzап dərjēch 'онъ обручилъ') и gusan 'пѣвецъ'. Относительно перваго см.

§ 9. На основаніи показаній, даваемыхъ всѣми періодами армянскаго языка (т. е. древне-, средне- и ново-армянскимъ) можно думать, что уже въ эпоху обще-армянскаго существованія довольно обширный рядъ именъ на *-an-kh, употреблявшихся какъ plur. tantum. Срв., напримѣръ, въ грабарѣ: čharčhar-an-kh 'мученіе, муки' при čharčhar-el 'мучить'; phogj-an-kh 'искушеніе, несчастіе' при phogj-el 'испытывать'; а҃аśh-an-kh 'просьба, мольба' при а҃аśh-el 'молить, просить' и мн. др. Не въ меньшихъ размѣрахъ были распространены имена на -an-kh въ средне-армянскомъ и продолжаютъ жить въ ново-армянскомъ.

Изъ мушскаго, гдѣ грабарному -an-kh соответствуетъ также -an-kh, приведемъ: а҃аś-an-kh 'просьба, мольба' = а҃аśhankh; phogc-an-kh 'несчастіе, бѣда' = phogjankh; rat-an-kh 'саванъ' = ratankh 'саванъ' (очень рѣдко sing. ratan) при ratan 'повязка, обвертка' (rat-el 'обвертывать, охватывать'); arg-an-kh 'товаръ' = argankh 'жизнь' (срв. arg-il 'жить'); по значенію съ мушс. argankh срв. тюрк. argankh 'товаръ, скоть', польско-арм. abrankh 'betail' ¹⁾.

§ 10. Въ сочетаніи съ суффиксомъ -ak- (о немъ см. ниже § 22) -an образовывалъ въ грабарѣ (и уже въ обще-армянскомъ) сложный суффиксъ -ak-an, производившій новыя прилагательныя и существительныя; срв. напримѣръ: azg-akan 'родственникъ' (azg 'народъ, племя, поколѣніе, родъ'); thagavor-akan 'царюшій' (thagavor 'царь'). Соответствующіе грабарному -akan суффиксы мы встречаемъ и въ средне- и въ ново-армянскомъ. Изъ мушскаго мы можемъ привести только ваśаг-akan 'купецъ' = ваśагакан (ваśаг 'торговля; товаръ; рынокъ'); впрочемъ, это мушское слово мы считаемъ грабарнымъ заимствованіемъ, о чемъ подробнѣе см. въ Этю-

Этюды I стр. 146; что же касается gusan = граб. gusan, которое „у Фауста Византийскаго, [Монсея] Хоренскаго и у другихъ древнихъ писателей означаетъ пѣвца, пѣвицу“ (Паткановъ, Матеріалы I стр. 89), то оно, по всей вѣроятности, какъ указалъ Паткановъ (l. c.), представляетъ иранское заимствованіе, соответствующее ново-перс. kū[ō]sān (въ „Vis u Rāmīn), которое Staschelberg, Z.D.M.G. XLVIII p. 495, читаетъ какъ gōsān. (Иначе Гюбшманъ, Атл. Грамм. I p. 131).

¹⁾ Значеніе „товаръ; скоть“, обычное въ ново-армянскомъ, мы находимъ уже установившемся въ средне-армянскомъ. Въ позднѣйшихъ памятникахъ грабара мы находимъ argankh также въ значеніи: „victus“.

дакъ I стр. 15—16. Распространенность суффиксовъ, соответствующихъ грабарному -ak-an, въ другихъ ново-армянскихъ диалектахъ (см., напримѣръ, относительно тифлисскаго—Тифл. § 240) даетъ намъ право предполагать существованіе такого же суффикса (въ формѣ *-[ə]kan) и въ мушскомъ, хотя примѣры намъ неизвестны.

Примѣчаніе. Гю б ш м а н ъ, Argm. Gramm. I pp. 94—95 считаетъ граб. суффиксъ -akan средне-персидскимъ заимствованіемъ (срв. средне-перс. -akān, ново-перс. -agān при -gān). Сначала онъ являлся въ заимствованіяхъ, а затѣмъ перешелъ и на настоящія армянскія слова.

§ 11. Въ отношеніи флексіи грабарныя имена на -an (-ak-an) принадлежатъ склоненію смѣшанныхъ грабарныхъ основъ на -i/-a ¹⁾: Срв. gen.-dat. sing. iṣyan-i, instr. iṣyan-av, gen.-dat. pl. iṣyan-ach къ nom. sing. iṣyan 'князь'; gen.-dat. pl. arpan-ach, instr. arpan-au-kh (-ō-kh) къ nom. pl. arpankh 'жизнь' и пр. Не можетъ ли это обстоятельство служить указаніемъ на то, что среди армянскихъ образований на -an были также восходящія къ индо-европейскимъ на *-nai-, которыя послужили основаніемъ, напримѣръ, для известныхъ др.-индійскихъ (какъ svet-anā- и др.) и греческихъ (какъ στέφανη при στέφανος; и др.) образований.

§ 12. **Индо-европейскій суффиксъ *-ono-**, образовывавшій формы причастій (Grundries II p. 142 sq.), откуда, напримѣръ, пра-арійское *-āna-, др.-инд. и авест. -āna- (срв. др.-инд. iṣāna- 'besitzend, Herrscher', авест. iṣāna- 'herrschend, mächtig'),—можно вмѣстѣ съ Томсономъ (Тифл. § 254) видѣть въ грабарныхъ формахъ на -un, изъ которыхъ нѣкоторыя сохранили причастное значеніе, другія же обратились въ прилагательныя и существительныя. Грабарное -un восходитъ къ обще-армянскому *-un, которое продолжаетъ жить и въ средне- и ново-армянскомъ.

Грабарными примѣрами могутъ служить: ač-un 'возрастающій' къ ač-el 'вырастать, увеличиваться'; χaus-un (χōs-un) 'одаренный способностью говорить' къ χaus-il (χōs-il) 'говорить'; thġch-un 'летающій; птица' къ thġch-il 'летать'; soṷ-un 'пресмыкающійся; пресмыкающееся животное, гадъ' (срв. лат. serpens къ serpo и ὁ ἔρπων

¹⁾ Г ю б ш м а н ъ: „Gemischte i-Stämme“ (Argm. St. I p. 85).

гамбъ къ ёрѣо) — къ соу-il (и соу-al) 'ползаять, пресмыкаться'; ал-ав-ип 'животное; безсловесный, неговорящій' къ ав-el 'говорящій' и пр.

Изъ мушскаго мы можемъ привести лишь апас-ип 'животное' = апасип. Объ суффиксѣ -ип въ тислисскомъ — см. Тисл. § 254.

Примѣчаніе. Meillet, Notes arm. p. 15 = M.S.L.P. VIII p. 165, выводитъ граб. -ип изъ индо-европ. *-ōno-

§ 13. **Индо-европейскій суффиксъ *-mo-** (Grundriss II § 72 p. 160 sq.) мы находимъ въ грабарномъ ġer-m 'теплый, горячій' изъ индо-европ. *g^her-mo-, срв. θερμός¹⁾; въ мушскомъ грабарному ġer-m соответствуетъ ġer-m- въ ġer-m-uk 'теплый источникъ' = ġer-m-uk (или во множ. -uk-kh). Далѣе, отмѣтимъ грабарныя: агм- въ агм-икн 'локоть' = мушс. агм-ипг (срв. грабарный вариантъ: агм-икн) — изъ индо-европ. *g^h-mo-, срв. др.-инд. igma-, авест. agema-, агмас и т. д.; jm- (изъ *jīm-) въ jm-eġn 'зима' = мушс. jəm-ġef — изъ индо-европ. *g^hīmo- или *g^hīmā-, срв. др.-инд. hima-, hīmā-, авест. zima-, δύσ-χίμας-ς.

§ 14. **Индо-европейскій суффиксъ -ro-** (Grundriss II § 74; срв. Тисл. § 215) мы имѣемъ въ грабарныхъ: surb 'святой, чистый' изъ *sub-ro-s (Grundriss I³ § 473, 3), срв. др.-инд. subh-га-; въ мушскомъ соответствуетъ surp, sup (при вариантахъ: sərp, sər; см. Этюды I § 187); khirtn 'потъ' изъ *khitr-an- (съ переходомъ въ разрядъ носовыхъ основъ), а *khitr- изъ индо-европ. *wuid-ro- (Arm. Грамм. I p. 503); въ мушскомъ соответствуетъ khərt-in-kh = ном. pl. khrtinkh (при khrtunkh); tur 'даръ', срв. दृ-र-व, ст.-слав. даръ.

§ 15. **Индо-европейскій суффиксъ *-ro-** (Grundriss II § 74; срв. Тисл. § 216) далъ въ обще-армянскомъ *-ar, откуда грабарное, средне- и ново-армянское -ar. Срв. граб. dal-ar 'зеленый, свѣжій' (срв. δαλ-αρ-ός); ard-ar 'правый, справедливый', въ которомъ ard- = др.-инд. r-ta-; въ мушскомъ соответствуетъ art-ar, срв. тисл. arth-ar и пр.; относительно граб. erk-ar 'длинный' при erk-aïn см. ниже § 57.

¹⁾ Мы не думаемъ, чтобы была необходимость объяснять е въ ġer-m какъ это дѣлалъ Гюбшманъ, предполагающій, что ġer-m происходитъ изъ индо-европ. варианта *g^hormo- (срв. др.-инд. gharma-, авест. garmha-, foghos и т. д.), будучи „im Vocal von ġer = ερος beeinflusst“ (Arm. Грамм. I p. 486).

Примѣчаніе. Суффиксъ *-го- Гюбшманъ предполагалъ одно время въ граб. пог 'новый' = мушс. *пдог*, приравнивая его греч. *νε(F)χ-ρός* (Arm. St. I p. 46) — изъ индо-европ. **neu-*го- (срв. Grundriss II p. 180). Въ настоящее время (см. Arm. Gramm. I p. 479) онъ склоненъ выводить пог изъ индо-европ. **neu-*го- или, по Bartholomae, Studien II pp. 28—29, изъ **поу-*го-.

§ 16. **Индо-европейскій суффиксъ *-lo- [-lā-]** (Grundriss II § 76; срв. Тифл. §§ 212 и 446) мы имѣемъ въ грабарномъ *dail* (при *dal*) 'молозиво, первое молоко матери', срв. тифл. *dal* 'id. ¹⁾'; въ грабарѣ *dail* (срв. въ родственныхъ языкахъ: *ἄη-λή*, др.-ирл. *del* и т. д.) не представляетъ армянской основы на -о- (срв. gen. *dai-l-i*, а не **dail-ou*); быть можетъ *dail* основа на первоначальное *-ā-.

Въ индо-европ. основамъ на *-lo- восходитъ, быть можетъ, граб. -l въ неопредѣленномъ наклоненіи, напр. *ta-l* 'давать', *berē-l* 'нести', *meḡali-l* 'умирать'. (См. Grundriss II p. 189 и Тифл. § 212 и, въ особенности, § 442).

Въ соответствіи съ грабарными формами *infinitiv*'овъ на -l мы находимъ также формы на -l въ средне- и ново-армянскомъ. Изъ мушскаго отмѣтимъ: *banal* 'открывать' = *banal*; *berē-l* 'нести' = *berel*; *karta-l* 'читать' = *kardal*; *χəmīe-l* 'пить' = *χmel* и т. д.

Грабарныя *participia praeteriti* (съ активнымъ и пассивнымъ значеніемъ) на -eal, какъ *ber-eal* къ *ber-el* 'нести', уже прое. П а т

¹⁾ Въ мушскомъ, въ соответствіи съ граб. *dail* мы могли бы привести *del*; но, это слово, являющееся съ специальнымъ значеніемъ и въ известнхъ выраженіяхъ, представляетъ собою заимствованіе изъ курдскаго языка. Въ курдскомъ мы имѣемъ *dēl* (*dēlik*) 'сука' (родственное съ граб. *dail*, *dal*; Arm. Gramm. I p. 437), которое перешло въ некоторые армянскіе діалекты отчасти съ значеніемъ „сука, собака“, срв., напримѣръ, мушское *del* въ ругательствахъ *del masekam* „негодная сука“ (см., напр., въ былинѣ „Давидъ Сасунскій“, Паткановъ, Мушскій стр. 22; срв. московское *šan dēler* въ московскомъ вариантѣ былинны, изд. А. Ве-геа п'а стр. 30),—отчасти съ переноснымъ значеніемъ „*femina libidiosa*“, приводимымъ *G a b a t a c e a n' o m* въ *Nor baḡagirkh etc. s. v.* [въ *Addenda*]; по этому поводу срв. замѣчаніе рецензента въ „*Handes Amsoḡeay*“ 1892 p. 288 (подстрочное прим.).

[Особое происхожденіе имѣетъ употребляющееся въ некоторыхъ діалектахъ (напр. въ араратскомъ) *del* въ выраженіи *del tal* „бредитъ (собственно: давать *de l*); въ переносномъ значеніи: говорить несообразное“].

кановъ сопоставилъ съ «причастіями на -л въ церковно-славянскомъ языкѣ» (Излѣдованіе о составѣ § 107); тѣ и другія образованы съ суффиксами, восходящими къ индо-европейскому *-lo-, образывавшему, между прочимъ, *nomina agentis* (Grundriss II § 76 pp. 186, 199—200). См. также Титл. § 212 и, особенно, §§ 442 и 446. — Въ средне-армянскомъ грабарному -eal соответствуетъ -el; срв. въ «Сборникахъ притчъ Вардана» (изд. Марра): *čh' em azel* 'я не сказалъ' (стр. 161) и пр.; изъ виликійско-армянскаго: *per'el* = *ber'eal* (къ *ber'el* 'нести'); *žov'el* = *žov'eal* (къ *žov'el* 'собирать') и пр.; см. Karst, *Kilikisch-arm.* I § 79, с; на надписяхъ Ширака (съ XI столѣтія) мы также находимъ -el = -eal (примѣры выписаны у Karst'a, о. с. р. 71). Къ средне-армянскимъ формамъ примыкаютъ непосредственно формы ново-армянскихъ диалектовъ; при этомъ діалекты восточной группы продолжаютъ сохранять тотъ же плавный (l), тогда какъ въ діалектахъ западной группы произошло измѣненіе въ г; это измѣненіе мы имѣемъ уже въ средне-армянскомъ («Сборники притчъ Вардана»: *teser'ekh* 'вы видѣли' [стр. 50]; Нерсесъ Шнорхали [XII в.]: *čh'ē tēser* 'онъ не видѣлъ' и т. д.). Такимъ образомъ, въ мушскомъ, въ соответствии съ граб. -eal, мы имѣемъ -i'er (срв. титл. -il, польско-арм. -il, *Hanusz, Lautlehre d. polnisch-arm. Mundart* p. 27, ахалц. -i'er), посредствомъ котораго образуются (какъ во франц., нѣм. и т. д.) нѣкоторыя «tempora composita», напр. *ber'i'er im 'j'ai apporté'* = *ber'eal em*, срв. титл. *beril im*; *as'i'er im 'j'ai dit'*; *tav'i'er e 'il a donné'*. См. Этюды I § 116 прим. и § 182; подробнѣе—въ отдѣлѣ о глаголѣ.

Примѣчаніе. Сохраненіе стараго плавнаго (l) мы имѣемъ въ мушс. *me'i'el* = *me'eal*, которое уже обратилось изъ причастія въ существительное со значеніемъ: «покойникъ, умершій», срв. титл. *me'il 'id.'* Впрочемъ, субстантивизація этого причастія известна уже въ средне-армянскомъ и въ грабарѣ.

§ 17. Индо-европейскій суффиксъ *-to- (Grundriss II § 79; срв. Титл. § 229) мы имѣемъ въ обще-арм. **mar-d* 'человѣкъ' (откуда граб. *mar-d*) изъ до-арм. **mar-do-s* — изъ индо-европ. **m_o-to-s*, срв. др.-инд. *m_ota-s* и т. д.; въ мушскомъ соответствуетъ *mar-t*, срв. титл. *marth*, конст. *marth*, польско-арм. *mar-t*, агул. *mord* и пр. Мы уже видѣли (§ 15), что къ индо-европ. основѣ на *-to-

восходить граб. ard- въ ard-ar 'справедливый' = мушс. art-ar, титл. arth-ar.

§ 18. **Индо-европейскій суффиксъ *-k²o-** (Grundriss II § 84 sq.; срв. Титл. § 274). Относительно граб. bok 'босний', восходить ли оно къ индо-европейскому *bhos-k²o- (Meillet, Notes arméniennes p. 4 = M.S.L.P. VIII p. 154), или же происходитъ изъ пра-арм. *bo- (=индо-европ. *bhovo-, срв. ст.-слав. бось и т. д.) + арм. суффиксъ -k, — см. Arm. Gramm. I p. 430.

Индо-европ. *-k²o- съ дальнѣйшимъ распространениемъ (посредствомъ носового суффикса) мы имѣемъ, напр., въ грабарныхъ: mi-k-n 'мышь' изъ *mīs-k²o- или *mūs-k²o- (Grundriss II p. 249); мушс. miuk (см. ниже § 43 прим.), срв. др.-инд. mūśaka-, mūśika- (при mūś- и пр.)¹⁾; ju-k-n 'рыба', мушс. juk, срв. ирвее. асс. pl. euc-kamš т. е. zu-ka-nš²⁾ и т. д. Наконецъ, отмѣтить *-k²o- въ граб. anju-k 'узкій', срв. ст.-слав. жъкъ при др.-инд. āhu-³⁾.

§ 19. **Индо-европейскіе суффиксы *-ik²o-, -ik²o-** (Grundriss II § 87 и § 89, a).—Индо-европ. суффиксъ *-ik²o-, являющійся въ др.-индійскомъ какъ -ika- (āhī-ika-), въ латинскомъ какъ -icū-s (mod-icū-s), въ греческомъ какъ -ικος (ἰπικος) и т. д., — въ грабарѣ, какъ показали Томсонъ (Титл. § 278), является въ видѣ -ik; срв. azg-ik 'знатный, родовитый' (azg 'племя, родъ'); ostan-ik 'придворный' (ostan 'дворъ, резиденція'; см. Паткановъ, Материалы для арм. словаря II стр. 5—6).

Примѣчаніе 1. Мы должны обратить вниманіе на то обстоятельство, что въ извѣстныхъ случаяхъ суффиксъ -ik можетъ быть и не-армянскаго происхожденія. Мы, конечно, имѣемъ въ виду не тѣ средне-персидскія заимствованія на -ik (cf. Pers. Stud. p. 241), которыя встрѣчаются въ грабарѣ (напр. pars-ik 'Персь, персидскій' = средне-перс. pārsīk; rōc-ik 'дневное содержаніе' = средне-перс. rōcīk 'das tägliche' и пр.), — но такіа армянскія слова, которыя могли принять -ik по образцу извѣстныхъ заимствованій. Такъ, напримѣръ, если мы

¹⁾ Весьма вѣроятно предположеніе, что граб. artukn 'локоть' (см. выше § 13) въ своемъ исходѣ обнаруживаетъ вліяніе miukn. См. Arm. Gramm. I p. 428; Grundriss II p. 249.

²⁾ Иначе Meillet, M.S.L.P. VII p. 58.

³⁾ Иначе смотреть на это -k- въ армянскомъ Meillet, M.S.L.P. VII p. 58.

сопоставимъ tohm-ik 'благородный, знатный' (вѣроятно средне-перс. *tuhm-ik; cf. Арм. Грамм. I р. § 253) съ azg-ik (см. выше), то возникаетъ вопросъ, не обязано ли своимъ происхожденіемъ послѣднее образованіе средне-персидскому образцу?

Отъ этого грабарнаго -ik Томсонъ отдѣляетъ «другой суффиксъ -ik, который выдѣляется своимъ специальнымъ значеніемъ» (о. с. § 278), служа для образованія уменьшительныхъ и ласкательныхъ существительныхъ, какъ напр. azg-ik 'народецъ'; hair-ik 'батюшка' (hair 'отецъ'); dstr-ik 'дочка' (dustr 'дочь') и пр. Сопоставляя эти образованія съ соответствующими славянскими на-икъ (напр. русс. свѣт-икъ и пр.), Томсонъ словенъ выводитъ суффиксы обоихъ языковъ изъ индо-европ. -ik²⁰-, откуда др.-инд. -ika- (dru-ika-), лат. -ici-з (am-ici-з) и пр.

Далѣе, суффиксъ -ik, съ деминутивнымъ значеніемъ, мы находимъ, въ большомъ распространеніи, въ средне- и ново-армянскомъ; относительно тифлискаго срв. Тифл. § 279; примѣры изъ польско-армянскаго см. у Hanusz'a, Lautlehre der polnisch-armen. Mundart pp. 26, 51. Въ мушскомъ грабарному (и обще-арм.) -ik соотвѣтствуетъ также -ik (Этюды I § 124), напр.:

a) Substantiva: her-ik 'батюшка' (her 'отецъ'); mer-ik 'матушка' (mer 'мать'); khur-ik 'сестрица' (khur 'сестра'); kov-ik 'коровушка' (kov 'корова'); әngәz-ik 'орѣшекъ' (әnguz 'орѣхъ'); әrt-ik 'сердечко' (sirt 'сердце'); hus-ik 'надеждочка' (срв. граб. yois 'надежда'); lus-ik 'свѣтиль' (lus 'свѣтъ'); gәlү-ik 'головка' (gәlү 'голова'); yorҗan-ik 'одѣяльце' (yorҗan—тур. заимствованіе—'одѣяло'); tot-ik 'ножка' (Этюды I § 124) и т. д.

b) Adjectiva: mandr-ik 'мелкій' (mandr 'id.', срв. Этюды I § 215); khaусr-ik 'сладенькій' (khaусr 'сладкій'); barcr-ik, banjr-ik 'высокій' (banjr 'id.');

рәst-ik 'маленькій', срв. польско—арм. bizdig; уorot-ik 'хорошенькій'; šek-ik 'рыженькій' (срв. граб. šek 'рыжий') и т. д.—Нѣкоторыя образованія на -ik являются со вставочнымъ -l-, напр. karс-l-ik 'коротенькій' = karс-ik (karс 'короткій'); это же явленіе наблюдается и въ другихъ діалектахъ (см., напр., относительно тифлискаго—Тифл. § 280, стр. 138).

Примѣчаніе 2. Относительно нѣкоторыхъ существительныхъ съ суффиксомъ -ik слѣдуетъ замѣтить, что они не имѣютъ деминутивнаго значенія. Такъ, сюда относятся мушск. kən-ik 'жена, женщина' изъ *kin-ik (срв. kin- = kin, въ аурэг-kin 'жена брата' и пр.) и ег-ik (также иг-ik) 'мужъ, супругъ', срв. граб. air 'vir'; срв. Этюды I стр. 145. То же мы видимъ и въ другихъ ново-армянскихъ діалектахъ (напр. въ польско-армянскомъ: gəniḡ, eḡiḡ), а также въ средне-армянскомъ: срв., напр., киликійскія формы: gniḡ, airiḡ; см. Karst, Kilikisch-arm. I § 49.

§ 20. **Индо-европейскій суффиксъ *-īkʰo-** (Grundriss II pp. 256—257) мы склонны предполагать въ основаніи нѣкоторыхъ грабарныхъ образованій на -uk съ причастнымъ значеніемъ, какъ-то: ber-uk (при ber-ik) 'плодоносный, плодородный' (то же, что и ber-ri, срв. ber-el 'ferre'); yaṭh-uk 'побѣждающій; сильный' (срв. yaṭh-el 'побѣждать'); ḡab-uk 'обманывающій, обманщикъ' (срв. ḡab-el 'обманывать') и пр. (См. Вагратуни р. 682)¹⁾. Это -uk мы, такимъ образомъ, сопоставляемъ съ др.-индійскимъ суффиксомъ -ūka-, являющимся въ извѣстныхъ adjectiva, въ основаніи которыхъ лежитъ глагольная удвоенная форма, какъ напр. daḡ-ḡa- 'beissend', и въ которыхъ можно видѣть причастное значеніе (срв. Whitney, Ind. Gramm. § 1180, c)²⁾.

Въ мушскомъ (равно какъ и въ ванскомъ, мокскомъ и нѣкоторыхъ другихъ діалектахъ) образованія на -uk являются формами participii (срв. Паткановъ, Мушскій р. X), какъ-то: kap-uk

¹⁾ Срв. также Aidynian I pp. 73—74 съ подстрочнымъ прим. 27.

²⁾ Слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что грабарныя формы на -uk, съ причастнымъ значеніемъ, быть можетъ должно сопоставлять съ древне-индійскими на -uka- „welche die Bedeutung und Construction eines Participii Präsens haben“ (Whitney, о. с. § 1180), какъ напр. daḡuka- 'beissend'. Именно, имѣя въ виду генезисъ др.-индійскихъ формъ на -uka- (см. Grundriss II р. 249), представляется возможнымъ объяснять возникновеніе грабарныхъ образованій на -uk такимъ же путемъ, т. е. первоначально формы на -uk образовывались отъ армянскихъ глагольных основъ на -u (напр. heṭ-uk 'жидкость, перв. нѣчто проливающаяся' къ heṭ-ul 'проливать, лить'; yeṭ-yeṭ-uk 'перемѣчивый' къ yeṭ-yeṭ-ul 'взмѣивать'), а затѣмъ изъ подобныхъ образованій былъ выдѣленъ суффиксъ -uk, который сталъ присоединяться и къ другимъ основамъ (ср. ber-uk къ ber-el).

‘стоящій’ (inf. kan-jel ‘стоять’ = kangnel, срв. конст. gainil); eng-uk ‘упавшій’; næst-uk ‘сидящій’, næstuk е ‘онъ сидитъ (собс. сидящій есть)’; kotr-uk е ‘онъ сломанъ’. (Подробнѣе въ отдѣлѣ объ глаголахъ).

Изъ средне-армянскаго ограничимся указаніемъ на форму изъ XII столѣтія: harchuk linēr ‘разспрашивалъ, развѣдывалъ (собс. разспрашивающимъ былъ)’ у Matthēos Ughaueshi—писателя <con un basso stile e senza purezza di lingua> ¹⁾—(стр. 150 2-го эчм. изданія) ²⁾; аналогичныя выраженія могутъ быть, впрочемъ, указаны и въ болѣе классическихъ памятникахъ грабара, какъ напр. yaŭthuk linel ‘περιγυρῶμαι, superior sum’ (при болѣе употребительномъ yaŭthku [изъ *yaŭthuk-u] linel).

При разсмотрѣніи исторіи граб. -uk должно имѣть въ виду, что его укрѣпленію въ армянскомъ языкѣ могло способствовать и то обстоятельство, что изъ средне-персидскаго (пехлеви) перешло извѣстное количество образованій на -ūk (H ü b s c h m a n n, Pers. Studien pp. 241—242), какъ-то: bazuk ‘рука’ (средне-перс. *bāzūk, срв. ново-перс. bāzū, осет. bazug, курд. bazk и пр.; cf. Arm. Gramm. I p. 114); gātuk ‘колдунъ’ (средне-перс. gātūk, болѣе древнее yātūk, срв. ново-перс. gādū; cf. о. с. р. 232).

§ 21. Помимо причастнаго значенія, въ большей или меньшей степени наблюдаемаго на всемъ пространствѣ армянскаго языка, суффиксъ -uk имѣетъ также значеніе дѣминутивное; срв. граб. mank-uk (при mank-ik) къ manuk ‘ребенокъ, дитя’; air-uk ‘барлигъ, собс. человѣчекъ’ къ air ‘vir’; is-uk ‘осленокъ’ къ ēs ‘осель’ и пр. Такое же значеніе -uk имѣетъ и въ средне- и ново-армянскомъ. Изъ мушскаго сюда принадлежатъ: aŭvəs-uk ‘лисичка’ = aŭvəsuk (срв. средне-арм. aŭvesuk, «Сборники притчъ Вардана», изд. Марра, стр. 31, 54); is-uk ‘осленокъ’ = isuk (срв. средне-арм. isuk, «Сборники etc.» стр. 238); raġav-uk ‘старушка’, срв. граб. raġav ‘старуха’; bəlbəl-uk ‘соловушка’ къ bəlbul (персидское заимствованіе) ‘соловей’; yaġ-uk ‘возлюбленная’ къ yaġ (персидское заимствованіе) ‘id.’ и т. д.

¹⁾ S. S o m a l, Quadro della storia letteraria di Armenia (Venezia 1829) p. 91 (=C. N e u m a n n, Versuch einer Geschichte d. arm. Literatur p. 169).

²⁾ Срв. замѣчаніе по поводу этой формы у Н о в н а н і а н I p. 20.—Замѣтимъ, что harchuk встрѣчается въ грабарныхъ памятникахъ съ значеніемъ „μάντις, vates“ (см. Аж. Слов. s. v.)

§ 22. **Индо-европейскій суффиксъ *ākʷ-** (Grundriss II § 89 p. 257),—являющійся въ др.-индійскомъ какъ -āka- (asṃāka-, вед. rāvāka-, вм. чего въ рук. преданіи rāvaḥa-), въ латинскомъ какъ -acu-s (merācus къ merus), въ ст.-славянскомъ какъ -акъ (нокакъ) и въ такихъ греческихъ образованияхъ, какъ *ῥέαξ* и пр.,—можно признать вмѣстѣ съ Томсономъ (Тифл. § 276) въ граб. суффиксъ -ak, какъ напр. *phaust-ak* (при *phaust-ak-an*) 'бѣглець'; *χλδr-ak* 'проситель, искатель'; *apuš-ak* 'сладостный, пріятный' (срв. *apoiš* 'пріятный, вкусный'); *au[ō]rin-ak* 'примѣръ, образецъ' (*augēn* 'законъ'); *tn-ak* 'домикъ' (то же, что и *tn-ik*—къ *tun* 'домъ'). Проф. Томсонъ не видитъ въ граб. -ak «опредѣленнаго значенія» (l. c.), съ чѣмъ врядъ ли можно согласиться, если мы сопоставимъ *tn-ak* съ *tun*, *apuš-ak* съ *apoiš* и т. д.; изъ этого сопоставленія видно деминутивное значеніе, присущее, между прочимъ, этому суффиксу.

Примѣчаніе. Помимо именъ съ собственно-армянскимъ суффиксомъ -ak, въ грабарѣ мы находимъ цѣлый рядъ именъ на -ak, представляющихъ средне-персидскія заимствованія. См. Pers. Studien pp. 241, 243; срв. Arm. Gramm. I p. 510.

Въ мушскомъ грабарному (и средне-армянскому) -ak соответствуетъ также -ak. Примѣры: *siṣaḡn-ak* 'ласточка', срв. граб. *siṣaḡn* (при *siṣeḡn*); мушской формѣ соответствовало бы **siṣaḡn-ak* (срв. граб. *siṣaḡn-uk*); *min-ak* 'единственный' = *miain-ak*, срв. тифл. *men-ak*. Въ тѣхъ случаяхъ, когда въ грабарѣ, вслѣдствіе присоединенія -ak, получалась группа *-i-ak, откуда далѣе -eak (см. Этюды I § 113), въ мушскомъ мы имѣемъ -jek, см. Этюды I § 116. Такимъ образомъ, грабарному *eganeak* 'блаженный', изъ *egan* ('блаженный') + ak, соответствуетъ мушское *egn-jek*, напр. въ выраженіи *egnjek khəzi* 'блаженъ ты!', срв. тифл. *egnek*. (*Aidunia*, I p. 73, указываетъ въ грабарѣ *egneak* въ значеніи междометія; въ Ак. Слов. нѣтъ). Грабарному *aḡavnēak* 'голубокъ' изъ *aḡavni* ('голубъ') + ak соответствуетъ мушс. *eḡvn-jek*.

§ 23. **Грабарный «суффиксъ» -[a]-vog.** Въ заключеніе нашего обзора индо-европейскихъ основъ на *-o- отмѣтимъ отдѣльно и н д о европ. основу *-b h o g o-, являющуюся во второй части сложныхъ словъ, со значеніемъ «несущій, приносящій»; срв., напримѣръ, греч. -φορσ-ς. Это *-bhogo- обратилось въ обще-армян-

скомъ въ *-vog, откуда грабарное (и средне-армянское) -vog во второй части compositi, напр. lus-a-vog 'свѣтлый, собс. свѣтоносный' (-a- такъ называемый «соединительный гласный», происхождение котораго остается невыясненнымъ; см. Grundriss, II § 28 Anm. 1; Этюды I § 12 подстрочное прим. 2-ое); zin-vog 'содать, собс. несущій оружіе (zēn)' и т. д. Срв. Hübschman, K. Z. XXIII p. 405; Этюды I § 46, 1; Grundriss I² § 138 и л. с.

Въ то время какъ, въ извѣстномъ рядѣ примѣровъ, въ граб. -[a]-vog еще чувствуется первоначальное значеніе («несущій»), въ другихъ оно уже успѣло значительно (или окончательно) утратиться, какъ напр. въ thag-a-vog 'царь, собс. корону-носящій' (изъ thag 'корона' [персидское заимствование] + a-vog; срв. др. перс. taka-baga- 'Kronen oder Flechten tragend, ein Beiwort der Griechen' [Spiegel, Altpers. Keilinschr.² p. 219], ново-перс. tağ-var 'царь') и нѣк. др. Такимъ образомъ, мы можемъ говорить о грабарномъ «суффиксѣ» -a-vog. Затемненіе первоначальнаго значенія -vog, какъ второй части compositi, уже начавшееся въ періодъ древне-армянскаго языка, надо полагать, окончательно наступило въ средне-армянскомъ, гдѣ, какъ и въ ново-армянскомъ, оно являлось лишь въ качествѣ словообразовательнаго элемента или суффикса ¹⁾.—Въ отношеніи флексіи грабарныя имена на -vog принадлежатъ склоненію смѣшанныхъ основъ на -i/-a (thagavor, gen.-dat. -vog-i, instr. -vog-av). Обращаясь къ средне- и, въ особенности, ново-армянскому, мы видимъ, что суффиксъ, соответствующій граб. -vog, является однимъ изъ наиболѣе распространенныхъ. Въ мушскомъ граб. -a-vog соответствуетъ -vцог, -a-vцог (Этюды I §§ 49, 179). Примѣры: thak-vцог (и thakavцог) 'царь' = thagavor, срв. тифл. thakhaur; ji-a-vцог = jiaavor, срв. агул. jiaavor; ot-a-vцог 'пѣшій', срв. граб. ot-an-avor; šəna-vцог 'собс. благо-приносящій, благодатный' (въ формулѣ: š. vцог

¹⁾ Проф. Томсонъ пытается (Тифл. § 224) выдѣлить тѣ тифлисскіе примѣры на -aиг (читайте: -a-иг), гдѣ еще сохраняется первоначальное значеніе „носящій, несущій“. Но, врядъ ли это значеніе существуетъ въ сознаніи современныхъ тифлисцевъ.

Что уже въ грабарѣ (т. е. въ древне-армянскій періодъ) первоначальное значеніе слабо сознавалось, это можно заключить изъ существованія сложений съ -ber (срв. ber-el 'нести') во второй части, на ряду съ сложениями съ -vog.

tagi 'съ новымъ годомъ!') = šnorhavor 'собс. приносящій šnorh т. е. милость, благодать' и т. д.; срв. также *verbum denominativum* — *lusavoriel* = *lusavorel* 'illuminare' (въ выраженіи: *astvac hok-i-n lusavore!* 'царство ему небесное, собс. да просвѣтитъ Господь его душу') — къ **lus-a-vor* = *lusavor* (см. выше). Относительно соотвѣствующихъ суффиксовъ въ другихъ ново-армянскихъ діалектахъ — см. Тифл. §§ 223—225 (о тифлисскомъ), *Na p u s z, Lautlehre d. polnisch-arm. Mundart* pp. 23, 71 (о польско-армянскомъ).

Въ средне-армянскомъ мы имѣемъ -*a-vor* или -*vor*. Изъ Нерсеса Шнорхали (XII в.) приведемъ *thag-vor* 'царь'; изъ «Сборниковъ притчъ Вардана» (изд. *M a r r a*) отмѣтимъ: *thag-avor* 'царь'; *dat-avor* 'судья' = *datavor*; *meḡ-avor* 'трѣшный' = *meḡavor* (*meḡ-kh* 'грѣхъ'); *dolvath-avor* 'богатый' (арабс. заимствование *dolvath*, срв. Этюды I § 220) и т. д. Въ виликійско-армянскомъ мы имѣемъ -*vor*: *thak-vor* 'царь' = *thag-a-vor* (*K a r s t, Kilikisch-arm. I* p. 42).

§ 24. **Индо-европейскія основы на *-а-** (*Grundriss II* § 60 sq.). Обычный взглядъ на исторію этихъ основъ въ армянскомъ языкѣ, господствующій въ лингвистической литературѣ, сводится къ тому, что склоненіе старыхъ основъ на *-*ā-* въ немъ исчезло. «*Die a-Declination, — читаемъ мы у Бругмана, — ging [im Arm.]... verloren*» (*Grundriss II* § 60 p. 107)¹⁾. Проф. Томсонъ, занявшись судьбою индо-европейскихъ основъ на *-*ā-* въ армянскомъ, пришелъ къ противоположному выводу и указалъ въ грабарѣ извѣстные остатки стараго склоненія основъ на *-*ā-* (Тифл. § 193)²⁾.

Въ качествѣ грабарныхъ основъ, восходящихъ къ индо-европейскимъ на *-*ā-*, обыкновенно приводятся: *kin* 'жена, женщина' (изъ обще-арм. **kin*), мушс. °*kin* въ такихъ *composita*, какъ *aḡrəg-kin* 'жена брата' и пр., срв. также мушское *kənik* 'жена, женщина' изъ **kin-ik* (Этюды I стр. 145); обще-арм. **kin* получилось изъ индо-европ. **g²enā* или **g²ēnā* (эквиваленты родствен-

¹⁾ Впрочемъ, тотъ же Бругманъ, нѣсколько выше (о. с. § 59, p. 104), выражается болѣе осторожно: „[Im Arm.] starb die *ā-Declination*, wie es schein̄t, überhaupt aus.“

²⁾ Нѣкоторые остатки этого склоненія былъ склоненъ допускать въ извѣстныхъ грабарныхъ формахъ уже и Гюбшманъ, въ своихъ *Arm. Studien I* p. 59 (въ концѣ).

ныхъ языковъ см. въ *Arm. Gramm.* I p. 460; срв. *Этюды I* § 123, 1); ам 'годъ', срв. др.-инд. *samā-* 'годъ'. Въ обѣихъ приведенныхъ формахъ *nom. sing. kin*, ам конечное старое *-ā должно было исчезнуть еще въ обще-армянскомъ (срв. *Этюды I* § 2; *Arm. Gramm.* I p. 410) ¹⁾.

§ 25. Считаю не лишнимъ нѣсколько остановиться на исторіи индо-европейскихъ основъ на *-ā- въ грабарѣ. Помимо приведенныхъ въ предыдущемъ §-ѣ *kin* и *am*, къ нимъ, вѣроятно, восходятъ также слѣдующія грабарныя и (мушскія) имена: *sal* 'наковальня', срв. др.-инд. *ḡilā*, индо-европ. *k'ələ-[?] (*Arm. Gramm.* I p. 487); *ḡil* (и *ḡiγ*) 'нервъ' = мушс. *ḡiγ* 'жила, нервъ', срв. ст.-слав. *жнмл*, лит. *gýsla*, индо-европ. *g'hīslā- (о. с. p. 353); *ske-sūr* 'свекровь' = мушс. *kesur* (*kisur*), срв. конст. *gesur*, срв. *ἐκυρά*; индо-европ. основа *k'ček'urā-, предполагаемая для грабарнаго *skesur*, возникла изъ *sček'rū-, черезъ *k'ček'rū-, по образцу *mascul. *sček'uro-*, о чемъ см. *Meillet, Notes arm.* p. 10 = *M.S.L.P.* VIII p. 160; *Arm. Gramm.* I p. 491; *lezu* 'языкъ' = мушс. *lezu* (срв. *Arm. Gramm.* I p. 452); *lu* 'блоха' = мушс. *lu* — изъ индо-европ. *bhluṣā- (о. с. p. 453); *nu* 'сноха', срв. др.-инд. *snucā* и т. д. — быть можетъ изъ индо-европ. *snusā- (при *snuso-; о. с. p. 479) ²⁾.

Разсматривая эти грабарныя имена съ точки зрѣнія ихъ флексій, мы должны подраздѣлить ихъ на двѣ группы: къ одной мы относимъ тѣ изъ нихъ, которыя во множ. числѣ и въ извѣстныхъ падежныхъ формахъ единственнаго еще удерживаютъ армянскую основу на -а- (соотвѣтствующую старой основѣ на *-ā-), тогда какъ

¹⁾ Индо-европ. суффиксъ *-tā- (*Grundriss II* § 79), быть можетъ, мы имѣемъ въ *and* въ *dr-and* ('прѣдуров, ѳерѣуров, οταμιός, πρόπιλον', срв. др.-инд. *a-tā-*, лат. *an-ta*. См. *Arm. Gramm.* I p. 419; *Тифл.* § 229. — Выше мы видѣли, что индо-европейскій суффиксъ *-lā- (*Grundriss II* § 76) быть можетъ, слѣдуетъ предполагать въ граб. *dail* (*dal*), о чемъ см. § 16.

²⁾ Вотъ еще два грабарныхъ примѣра, восходящихъ, какъ можно думать, къ индо-европ. основамъ на *-ā: *aich* (косвенные падежи неизвѣстны) 'разслѣдованіе; посѣщеніе' (въ выраженіи: *aich aḡnel* или *u-aich elanel* 'посѣщать, осматривать'), срв. др.-в.-нѣм. *eisca* 'Forderung', *eiscōn* 'forschen, fordern, fragen', ст.-слав. *искати*, др.-инд. *iśchati* 'онъ желаетъ, ищетъ' и т. д.; *Гюбшманъ* возводитъ *aich* къ индо-европ. *ais-sk'hā- (*Arm. Gramm.* I p. 418); *gerj* (pl. *gerj-kh*) 'glans, glandula', срв. ст.-слав. *жлѣза*, — изъ индо-европ. *g'helg'hā- (*B u g g e*; *K. Z.* XXXII p. 5; *Arm. Gramm.* I p. 433).

другіе падежи ед. числа (gen.-dat., abl.) образуются уже отъ армянской основы на -i- (это имена съ такъ называемымъ склоненіемъ смѣшанныхъ основъ на -a/-i); къ другой группѣ мы причисляемъ такія имена, которыя уже окончательно перешли въ склоненіе другихъ основъ.

Къ первой группѣ принадлежатъ: lezu 'языкъ' (instr. sg. lezv-av, gen.-dat. pl. lezv-ach и т. д.)¹⁾; форма nom. sing. lezu получила правильно изъ *lezua; skesur 'свекровь'; ğil 'первь'.

Ко второй группѣ относятся: lu 'блоха', арм. основа на -o- (срв. gen. sg. lv-ou); nu 'сноха', арм. основа на -o- (срв. gen. sg. lv-ou); sal 'наковальня', арм. основа на -i- (срв. gen. pl. sal-ich); dr-and 'дрѣворубъ', арм. осн. на -i- (срв. gen. pl. drand-ich).

ЭККУРСЪ.

Мы только что видѣли (§ 25), что нѣкоторыя имена со старыми армянскими основами на -a- (изъ индо-европ. основъ на *-a-) переходили въ нѣкоторыхъ падежахъ ед. числа въ склоненіе именъ съ армянскими основами на -i- (изъ индо-европ. основъ на *-i-). Подобныя имена въ габарѣ довольно многочисленны. Помимо собственно-армянскихъ словъ, мы встрѣчаемъ не мало и заимствованій: иранскихъ, сирійскихъ, греческихъ. Относительно каждаго ряда изъ этихъ заимствованій можно сдѣлать нѣкоторыя замѣчанія:

а) **Иранскія заимствованія.** Нельзя не замѣтить, что среди многочисленныхъ иранскихъ заимствованій, принадлежавшихъ въ габарной флексіи склоненію смѣшанныхъ основъ на -a/-i,—выдѣляются такія, древне-персидскія (и авестійскія) представители которыхъ являютъ собою основы на -a- (изъ обще-иранскаго *-a- = арийскому *-a-, изъ индо-европ. *-o-). Мы имѣемъ, напримѣръ, граб. kam-kh (plur.) 'воля, желаніе' при др.-перс. kama- (срв.

¹⁾ По образцу lezu могли пойти и другія имена на -u, напр. agu 'мужскаго пола' изъ формы на *-(u)os (?) (какъ agi 'ἀνδρεῖος' изъ формы на *-[i]os), причѣмъ въ аг- мы имѣемъ ту же основу, какъ и въ nom. pl. ar-kh 'viri', gen. sg. aḡ-n (=авест. aršnō) къ air 'vir'.

средне- и ново-перс. *kām*); *aragan-kh* (pl.) 'палаты, дворец' ¹⁾ при др.-перс. *aradāna-* (въ средне- и ново-персидскомъ неизвѣстно); *tašar* 'храмъ; дворецъ' при др.-перс. *tašara-* 'Magasin oder Tempel (Spiegel, Altpers. Keilinschr.² p. 220); Palast (по O p p e r t'у)' (срв. ново-перс. *tašar* 'heizbares Haus für den Winter; Speicher'); *šahar* 'начальникъ, комендантъ' при др.-перс. **šaδgarā-* (срв. др.-инд. *kṣatgara-* [на монетахъ], *κατράτης*)—на ряду съ засвидѣтельствованнымъ др.-перс. ном. sg. *šaδgarāvā* (ср. Arm. Gramm. I p. 208); *asrag* 'щитъ' при др.-перс. **sraga-*, которое мы имѣемъ право предполагать въ такой, именно, формѣ, на основаніи: 1) авест. формы *sraga-* и средне-персидской *srag* (срв. ново-перс. *sīrag* или *israg*); 2) переданной у Гезихія глоссы *σάρα-ζαράи* (= **sragabaga-*, въ грабарѣ *asrag-a-vog* 'πελαστικός'),—поясняемой черезъ «*σι γαρρροφόροι*»; *autar*, (*ōtar*) 'чужой' при др.-перс. **avi-tara-*, срв. авест. *aivi-tara-* 'andere (J u'sti); *benachbart* (Bartholomae, Geldner etc.); срв. Meillet, Rev. Critique 1896 p. 423. (Иначе Fr. Müller, W.Z.K.M. IX p. 229).

Всѣ вышеприведенные грабарные примѣры считаются обыкновенно за средне-персидскія заимствованія. Мы же, основываясь на томъ, что всѣ они принадлежатъ армянскому склоненію смѣшанныхъ основъ на -а/-і, предлагаемъ на совмѣстное разсмотрѣніе иранистовъ и арменистовъ слѣдующій вопросъ: нельзя ли въ этихъ примѣрахъ видѣть заимствованія уже изъ древне-персидскаго языка ²⁾, имѣя въ виду принадлежность ихъ оригиналовъ или къ иранскимъ основамъ на -а, или же къ разряду такихъ сложныхъ основъ, вторую часть которыхъ составляютъ корневые односложныя имена на -ā (напр. **šaδga-rā* 'охраняющій власть').

б) **Сирийскія заимствованія.** Какъ показала Nöldeke (Z.D.M.G. XLVI p. 228), съ которымъ вполне согласенъ Гюбшманъ (Arm. Gramm. I. p. 287), подлинники большей части сирийскихъ заимствованій въ грабарѣ—являлись въ той формѣ, кото-

¹⁾ Это заимствованіе представляетъ собою также и арм. основу на -і- (срв. gen. pl. *aragan-ich*).

²⁾ Въ данномъ случаѣ терминъ „древне-персидскій языкъ“ мы понимаемъ въ болѣе широкомъ смыслѣ и не ограничиваемъ его фактами клинообразныхъ памятниковъ древне-персидскихъ царей,—фактами, которые, какъ извѣстно, представляли лишь извѣстный древне-персидскій языкъ, а именно языкъ двора и канцеляріи Ахеменидовъ.

рая называется status emphaticus, т. е. въ сирійскомъ они исходили на -ā; это сир. -ā сохраняется въ грабарѣ въ видѣ -au лишь въ очень немногихъ заимствованіяхъ, въ огромномъ же большинствѣ оно исчезло безслѣдно. Это конечное -ā сирійскихъ подлинниковъ, какъ мы думаемъ, должно было способствовать тому, чтобы при переходѣ въ грабарѣ большинство изъ нихъ перешло въ склоненіе смѣшанныхъ основъ на -a/-i ¹⁾. Между тѣмъ, тѣ единичныя заимствованія, подлинники которыхъ являлись въ status absolutus (т. е. не на -ā), какъ напр. t̄aref 'листь' (status emphat.: t̄arpā), уже не принадлежатъ въ грабарѣ склоненію смѣшанныхъ основъ на -a/-i (соотвѣтствующее сирійскому t̄aref грабарное terev 'листь' — основа на -o-).

Въ качествѣ примѣровъ такихъ сирійскихъ заимствованій, которыя принадлежатъ въ грабарѣ къ разряду смѣшанныхъ основъ на -a/-i, отмѣтимъ: thargman 'переводчикъ' = сир. targmānā; γek 'руль' = сир. laqā; kharoz 'проповѣдь, проповѣдникъ' (относительно двойного значенія срв. лат. nuntius) = сир. kāgōzā 'nuntius, praeco'; khnar 'лира' = сир. kennāgā; kurm 'жрецъ' = сир. kumgā; khaγakh 'городъ' = сир. kaγā (?) ²⁾ и т. д.

с) **Греческія заимствованія.** Среди заимствованій изъ греческаго языка, подлинники которыхъ исходили на -x, -μx, -η, мы также замѣчаемъ тенденцію къ переходу въ разрядъ смѣшанныхъ основъ на -a/-i; отмѣтимъ, напримѣръ: agar = ἀγάρη; anon = ἀνωβονα (изъ лат. annona); bet = βήμα. Впрочемъ, примѣровъ можно привести вообще очень немного, отчасти и потому, что намъ неизвѣстны косвенные падежи отъ многихъ заимствованій этого рода, а слѣдовательно мы и не можемъ опредѣлить, къ какимъ основамъ они принадлежатъ въ грабарѣ.

Примѣчаніе. Такъ какъ греческія заимствованія являются наиболѣе поздними, сравнительно съ иранскими и сирійскими, то мы уже очень часто встрѣчаемъ слова, которыя исходятъ на -a (-au) и -ē, въ соотвѣтствіи съ греческими исходами на -x (напр. stoγa=στρά), -η (напр. hiγe [при hiγ] = ἔλη) и

¹⁾ Меньшинство такихъ заимствованій перешло въ склоненіе основъ на -i- и только очень немногія въ склоненіе другихъ основъ.

²⁾ См. по поводу khaγakh Arm. Gramm. I p. 318 и Andreas въ „Энциклопедія“ Pauly-Wissowa, v. v. Akola.

-ւա (напр. klimay [при klim] = κλίμα). Срв. Arm. Gramm. I pp. 331—332. [Brockelmann, Die griech. Fremdwörter im Armenischen в Z.D.M.G. XLVII pp. 1—42].

§ 26. **Индо-европейскія основы на *-iо- и *-iā-**. Изъ индо-европ. *-iо-s, *-i-om, *-i-ā (на которыя исходили формы nom. sing.) еще въ обще-армянскомъ получилось *-i, съ исчезновениемъ находившагося въ положеніи въ конечномъ слогѣ гласнаго и съ переходомъ *i въ *i (слоговое); отсюда -i въ историческую эпоху армянскаго языка (См. Этюды I § 35, 5). Такимъ образомъ, изъ индо-европ. *plē-iо-s, -iо-m, -iā получилось, черезъ *li-i, грабарная (и уже обще-армянская) форма li 'полный'. [Такъ Гюбшманъ, Arm. Gramm. I p. 452 и другіе; по Bartholomae li можетъ восходить также и къ *plē-to-, срв. im-ptē-tu-s] ¹⁾. Въ ново-армянскихъ діалектахъ обще-арм. *li видоизмѣнялось двоякимъ путемъ: 1) присоединеніемъ «показателя множественности» -kh(=kh), отсюда li-kh (тифл., срв. Тифл. § 200, конст. и нѣк. др.); 2) присоединеніемъ -kh, развитіемъ извѣстной протезы и назализаціи; сюда принадлежатъ, напримѣръ, формы: польско-арм. ə-li-n-k (изъ ə-li-n-kh?), нахич. i-li-n-kh, а также мушская ə-l-n-i-n (съ двойной назализаціей и безъ -kh).

Въ качествѣ другихъ грабарныхъ примѣровъ, восходящихъ къ индо-европ. основамъ на *-iо- (-iā-) могутъ быть приведены слѣдующіе: kogi 'масло (коровье)' (первоначально—«нѣчто происходящее отъ коровы») къ kov 'корова', срв. др.-инд. gavya- 'bovinus' къ gav- 'bos', изъ индо-европ. *g²ov¹io- (Этюды I § 35, 5; Arm. Gramm. I p. 461); kheḡi 'дядя со стороны матери' вѣроятно изъ индо-европ.

¹⁾ Начиная съ Windischmann'a (Grundlage des armenischen in arischen Sprachstamme [1846] p. 13 отд. оттиска) и кончая Гюбшманомъ (въ послѣдній разъ въ Arm. Gramm. I p. 470) — граб. ji 'лошадь' всѣми армянистами сопоставляется съ др.-инд. haṃa-. Однако, др.-инд. haṃa- только родственно съ ji, но не тождественно; именно, имѣя въ виду, что граб. li 'полный' получалось изъ *li-i, а это изъ индо-европ. *plēiо- (или, быть можетъ, изъ *plē-to-), представляется возможнымъ граб. ji выводить изъ индо-европ. основы *g¹he¹io-, при которой могла существовать параллельная основа *g¹he¹io-, къ которой и восходить др.-инд. haṃa-.

**vesr-jo-* (см. ниже)¹⁾; *arçvi* (изъ **arçivi*) 'орель'²⁾ изъ индо-европ. **g'ip-jo-*, срв. др.-инд. *g'irya-* и т. д., см. Этюды I с.; Arm. Gramm. I pp. 424—425; *gini* 'вино' (первоначально—*das von der Rebe stammend*) Grundriss II p. 120) къ *oivos* (изъ **foivos*); по Гюбшману форма *gini* получилась изъ **gēni* = *vogarm.* **voinjo-* (Arm. Gramm. I p. 434); *ayī* 'соленый' (срв. по поводу сопоставленія съ названіемъ рѣки "Αλος — Bugge, K. Z. XXXII p. 82), *an-ayī* (adj.) 'безъ соли' къ *ay* 'соль' (Arm. Gramm. I p. 414), срв. др.-инд. *gavya-* 'bovinus' къ *gav-* 'bos'³⁾.

§ 27. Въ извѣстныхъ случаяхъ, благодаря особымъ фонетическимъ условіямъ, въ формахъ *nominativī sing.* мы не находимъ конечнаго *-i*. Таковы, напримѣръ, слѣдующія формы: *ail* (въ болѣе древнемъ написаніи: *aiy*) 'alius' изъ индо-европ. **alio-* (Arm. Gramm. I p. 417); *mēg* 'средина' изъ **medhjo-* (ib. p. 474); *gail* 'волекъ' = мушс. *gel* — по Гюбшману изъ **vlyo-*⁴⁾ (ib. p. 431;

¹⁾ Томсонъ возводя *khēi* къ индо-европ. **svesr-jo-s*, предполагаетъ (Тифл. § 201), что первоначально оно значило: „относящійся къ сестрѣ, сестрицѣ“. Противоположнаго мѣтвія держится Гюбшманъ (Arm. Gramm. I p. 504).

²⁾ При формѣ *arçvi* существовала также болѣе рѣдкая и поздняя — *arçiv*. — Выводимая для *arçvi* праформа **arçivi* засвидѣтельствована для древнѣйшаго періода армянскаго языка грузинскимъ заимствованіемъ *arçivi* (Словарь Чубинова, стр. 25). Грузинскій языкъ представляетъ въ своемъ словарѣ значительное число армянскихъ заимствованій, которыя, какъ на это обратилъ наше вниманіе (на нашемъ магистерскомъ диспутѣ) проф. Н. Я. Марръ, могутъ свидѣтельствовать о звуковомъ видѣ этихъ заимствованныхъ словъ въ древнѣйшую эпоху самаго армянскаго языка. (По этому поводу см. также статью Марра — О предполагаемомъ коренномъ родствѣ трехъ армянскихъ словъ — въ „Запискахъ Вост. Отд. Императ. Русскаго Археологич. Общества“ т. XI стр. 298).

³⁾ Относительно другихъ грабарныхъ имевъ на *-i*, восходящихъ къ индо-европ. основамъ на **-jo-*, отсылаемъ къ Arm. Gramm. I — Гюбшману. См., напр., объясненія слѣдующихъ именъ: *ayauri* 'мельница' (p. 414; срв. также Grundriss II p. 112); *ali-kh* 'волны; сѣдина' (p. 412), откуда *alevor* (изъ **ali-a-vor*, срв. Этюды I § 12, 2, примѣчаніе) 'сѣдой' = мушс. *alvōr*; *hachi* 'ясень' (p. 465) и въ др. — Относительно *ordi* 'сытъ' = мушс. *orti* — см. Bugge, производящаго эту форму изъ индо-европ. основы **g²otrjo-* (Beiträge p. 28). Съ этою этимологіей несогласенъ Bartholomae, Studien II p. 33, который изъ **g²otrjo-* ожидалъ бы **kōri* или **kōir*. Bartholomae склоненъ считать *ordi* не собственно-армянскимъ словомъ. (У Гюбшмана, въ Arm. Gramm. I, этого слова мы не находимъ).

⁴⁾ Раньше, въ Arm. Studien I p. 24 (срв. также Grundriss I' § 291, 1 и § 455),

по Bartholomae изъ «*ul_ok²y-», Studien II p. 13); hach 'хлѣбъ' = мушс. hach, которое можетъ восходить къ индо-европ. формѣ на *-i_o-s, если мы вслѣдъ за проф. Фортунатовымъ (В. В. VII p. 88) примемъ, вопреки Гюбшману (Arm. Gramm. I p. 465), происхождение граб. -ch изъ индо-европ. группы *-si- (Этюды I § 156, 3) и отождествимъ, такимъ образомъ, граб. hach съ др.-инд. sasya-, авест. hahya-.

Примѣчаніе. Грабарныя камау 'добровольный' и vкау 'свидѣтель' не могутъ быть принимаемы во вниманіе (какъ это дѣлаетъ Томсонъ, Тифл. § 203), такъ какъ эти слова — средне-персидскія заимствованія, а ихъ конечное -у, какъ справедливо думаетъ (относительно камау) Гюбшманъ, графическаго характера (Pers. St. p. 243).

§ 28. Относительно флексіи грабарныхъ именъ, которыя восходятъ (или могутъ восходить) къ индо-европейскимъ основамъ на *-i_o-, слѣдуетъ имѣть во виду слѣдующее:

1) Односложныя (въ формѣ nominativi sing.) всецѣло перешли въ склоненіе армянскихъ основъ на -o-, напр. ail, gen. sing. ail-ou; li, li-ou; ji, ji-ou; mēg, mi_oou и т. д.

2) Не-односложныя перешли въ склоненіе, которое можетъ быть названо армянскимъ склоненіемъ основъ на -i_o- (ср. Arm. St. I p. 85); отмѣтимъ слѣдующіе примѣры: gini, gen. sing. gin-v-ou; gari, gar-v-ou; ali-kh, gen. pl. aleach (изъ *ali-ach) и т. д.

Примѣчаніе. Отдѣльно отмѣтимъ переходъ въ склоненіе армянскихъ основъ на -i- грабарнаго hach — gen. sing. hach-i, gen. pl. hach-ich.

§ 29. Отдѣльно должны быть отмѣчены такіе случаи, когда въ мушскомъ, въ соотвѣтствіи съ грабарными формами на -i, находимъ формы безъ -i. Сюда принадлежатъ, на примѣръ, tjeχ 'мѣсто' и сагау 'жаждущій', — формы, которыя можно сопоставлять не только съ обычными грабарными теуі и сагауі, но и съ ихъ параллелями теу (ср. Aidunia n I p. 65) и сагау (последняя форма, впрочемъ, считается

Гюбшманъ принималъ основаніемъ для граб. gail индо-европ. основу *ul_ok²o-; эту же основу выставилъ Томсонъ (Ахалц. p. 26), а также и мы (Этюды I § 81, 2). Выше (§ 3) мы также принимаемъ индо-европ. *ul_ok²o-

Агад. Сл., в. v., «простонародною» ¹⁾). По поводу подобныхъ формъ должно, вообще, замѣтить, что уже и въ грабарѣ можно отмѣтить параллельныя формы: на -і и безъ -і; срв. напримѣръ: птап-і 'подобный, схожий' и птап; kendan-і 'живой (въ противоположность мертвому)' и kendan; an-mard-і 'безчеловѣчный; безлюдный, необитаемый' и an-mard и т. д. ²⁾).

Формы безъ -і извѣстны и въ средне-армянскомъ; отмѣтимъ, напримѣръ: киликійскую форму dieu 'мѣсто' = teṛi (Karst, Kilikisch-agm. § 41); форму teṛ въ «Сборникахъ причтъ Вардана» и т. д.

Примѣчаніе. Съ другой стороны, въ то время какъ въ однихъ діалектахъ мы имѣемъ формы на -і, въ другихъ, въ соотвѣтствующихъ случаяхъ, встрѣчаемъ формы безъ -і. Срв., напримѣръ, мушс. arçeli 'бритва' (см. ниже § 30) = aceli при тифл. acil (Тифл. § 202).

ГРАБАРНЫЕ СУФФИКСЫ, ИСХОДЯЩІЕ НА -І И ИХЪ СООТВѢТСТВІЯ ВЪ МУШСКОМЪ (§§ 30—34).

§ 30. Грабарные суффиксы -el-і, -al-і употреблялись съ двойною функціей:

1) Для образованія причастій, соотвѣтствующихъ греческимъ adjectiva verbalia какъ на -τός, такъ и на -τός (слѣдовательно въ значеніи латинскихъ образованій на -tus, -ndus, -bilis);

2) (значительно рѣже) для образованія причастій настоящаго времени дѣйствительнаго залога.

Кромѣ того, извѣстныя образованія на -el-і (-al-і) уже въ грабарѣ приняли значеніе прилагательныхъ и существительныхъ, выдѣлившись, такимъ образомъ, изъ глагольной системы. Въ такомъ, именно, и менномъ значеніи и употребляются соотвѣтствующія образованія какъ въ средне-армянскомъ, такъ и въ мушскомъ и

¹⁾ Обычное значеніе saḡav въ грабарѣ— „жажда“.

²⁾ Не входя въ подробное разсмотрѣніе подобныхъ параллелей, замѣтимъ, что, быть можетъ, многія изъ исходящихъ на -і болѣе позднago (вторичнаго) происхожденія, т. е. по аналогіи извѣстныхъ образованій на -і въ которыхъ имена также могли присоедиить въ своей старой формѣ -і; такимъ образомъ, напр., форма an-mard должна считаться болѣе древней, нежели an-mard-і.

другихъ ново-армянскихъ діалектахъ (относительно тифлискаго см. Тифл. § 205), хотя, при этомъ, старое значеніе отглагольнаго прилагательнаго просвѣчиваетъ иногда болѣе или менѣе ясно.

Грабарными примѣрами могутъ служить: *gorc-eli* 'faciendus, agendus; faciens, agens'; *tesan-eli* 'visibilis, videndus; videns'; *sir-eli* 'amatus, amabilis, carus; amans' и пр. Въ качествѣ существительныхъ и прилагательныхъ приведемъ: *ban-ali* 'ключъ' къ *inf. ban-al* 'отворять'; *tesan-eli-kh* (pl.) 'зрѣніе' (срв. вышеприведенное *tesaneli*); *ls-eli-kh* (pl.) 'слухъ' (срв. *ls-eli* 'audibilis; auditus'); *sosk-ali* 'ужасный' (къ *sosk-al* 'ужасаться'); *ac-eli* 'бритва' въ связи съ глаголомъ *ac-el* 'вести' и пр.

Изъ мушскаго діалекта мы можемъ привести лишь слѣдующіе, очень немногіе примѣры въ соотвѣтствіи съ грабарными на *-eli*: *angar-eli* (въ безличномъ выраженіи: *angareli e* 'невозможно') = *ankareli* 'impossibilis; impotens'; *erev-eli* 'знаменитый, извѣстный' (быть можетъ грабарное заимствование) = *ereveli* 'visibilis, illustris' (срв. *erevil* 'appareo' = мушс. *ereval*); *arc-eli* 'бритва' = *aceli* (см. выше); *hai-li* 'зеркало' = *hayeli* 'зеркало; какъ adj. прозрачный' (срв. *hayil* 'смотреть'); относительно *balni-kh* (и *banli-kh*) 'ключъ' см. ниже § 34.—Такимъ образомъ, въ соотвѣтствіи съ граб. *-eli*; *-ali* мы имѣемъ въ мушскомъ преимущественно *-[ə]li*.

§ 31. **Грабарный суффиксъ -an-i.** Соотвѣтствій этому суффиксу въ нашихъ мушскихъ текстахъ мы не находимъ. Тѣмъ не менѣе, мы полагаемъ, что и въ мушскомъ, подобно нѣкоторымъ ново-армянскимъ діалектамъ (см. напр. о тифлисскомъ — Тифл. § 244), существуетъ соотвѣтствующій суффиксъ. Въ мушскомъ грабарному *-an-i* (напр. *geγ-an-i* 'красивый', *anv-an-i* 'именитый, извѣстный', *pit-an-i* 'нужный' и т. д.) должно соотвѣтствовать **-əni* или **-ni*.

Примѣчаніе. Томсонъ, говоря о тифл. суффиксѣ *-an-i* = *-an-i*, посвятилъ особый § изслѣдованію происхожденія этого суффикса (см. Тифл. § 243). Мы находимъ слишкомъ сложнымъ процессъ, предполагаемый проф. Томсономъ. По нашему мнѣнію, гораздо проще вывести, на примѣръ, *anvan-i* изъ *gen. sing. anvan* 'nominis' (къ *nom. anun*) + *-i*, т. е. тотъ суффиксъ, который нерѣдко прибавлялся къ готовымъ падежнымъ формамъ для образованія новыхъ существительныхъ и прилагательныхъ. Срв. возникновеніе граб. суффикса *-ach-i* (§ 32), ново-арм. *-ov-i* (§ 33) и нѣкоторыхъ другихъ.

§ 32. Грабарные суффиксы **-a-schi**, **-e-schi** служили, главным образом, для обозначения местожительства или происхождения; образуемые при их помощи *nomina gentilia* были, собственно, прилагательными, которые приняли также значение существительных. (Срв. въ греческомъ: Ἀθηναῖος = аѳинскій и аѳинянинъ, въ латинскомъ: Atheniensis = аѳинскій и аѳинянинъ, Romanus = римскій и римлянинъ). Эти имена образовывались какъ отъ нарицательныхъ, такъ и отъ собственныхъ именъ городовъ, странъ и т. д. Срв. *khaçakh-schi* 'житель города, гражданинъ, горожанинъ'; *blg-schi* 'живущій на холмѣ' (*blg* 'холмъ'); *athen-schi* 'аѳинскій, аѳинянинъ' (*Athēn-kh* = Ἀθήνα); *physt-schi* 'филлистимлянинъ'; *ebrau-schi* 'еврейскій; еврей'; *phiuunik-schi* 'финикиянинъ'; *targaun-schi* 'таронскій; таронецъ' (*Targaun*, *Tarōn*—название древне-армянской области, см. Этюды I стр. XII) и т. д. ¹⁾

Въ основѣ этихъ образованій слѣдуетъ, вѣроятно, признать вслѣдъ за Бугге (*Beiträge* p. 48) такія, которыя возникали (быть можетъ уже въ обще-армянскомъ) изъ формы родительнаго множ. числа на **-sch** + **-i**; такія образованія мы находимъ, на примѣръ, въ грабарныхъ: *mtachi* 'умный, разумный' (gen. pl. *mtach* къ ном. *mit-kh*); *çelachi* 'разумный' (gen. pl. *çelach* къ ном. *çel-kh* 'разумъ'); *khaçakhachi* 'горожанинъ' (gen. pl. *khaçakhach* къ ном. *çing. khaçakh*) и нѣк. др. ²⁾ Далѣе, изъ подобныхъ образованій выдѣлился суффиксъ **-(a)schi**, посредствомъ котораго былъ произведенъ рядъ именъ, причѣмъ исходнымъ пунктомъ уже не являлась форма *genitivi plur.*; срв., напр., *blgachi* (см. выше) и т. д.

Въ мушскомъ сюда принадлежатъ образованія на **-ci**, **-eci**, **-эci** (**-с** изъ **-sch**-, Этюды I § 157). Въ качествѣ примѣровъ отмѣтимъ слѣдующіе: *məš-eci* 'мушскій; мушець', срв. *mšechi* на Багн-айрской надп. 1242 г. (Эминъ, Арм. надписи въ Карсѣ, Ани и пр.,

¹⁾ Менѣе значительный разрядъ составляютъ имена съ другими значеніями, какъ-то: *mtachi* 'умный, разумный', *augachi* 'дневной, обыденный' и т. д. Наконецъ, формы на **-schi** употреблялись въ грабарѣ и какъ *adverbia*, срв. *nšapachi* 'знаками' (напр. п. *çaxel* 'говорить знаками') къ *nšap* 'знаетъ'. (Примѣры на **-schi**, **-echi** см. у Вагратуни стр. 679).

²⁾ Раньше, Бугге думалъ (о. с. pp. 17—18), что граб. образованія на **-schi** должны быть сопоставляемы съ умбрійскими на **-āsio**-, латинскими на **-āgio**-. (Особый взглядъ мы находимъ у Томсона, Тифл. § 289).

№ 137); *pols-eci* 'константинопольскій; константинополецъ'; *hunan-ci*, *hary-eci*, *khertakom-ci* (названія жителей извѣстныхъ мѣстностей); *khaṅk-eci* 'житель города' = *khaṅakhachi*; *geṅ-ci* 'житель деревни' (*giēṅ* 'деревня' = *giuṅ*, *geṅ*), срв. тифл. *giṅ-achi* и *giṅ-eci* и т. д. О соответствующихъ суффиксахъ въ тифлисскомъ — см. Тифл. §§. 289—280.

§ 33. Средне- и ново-армянскій суффиксъ *-ov-i*, не имѣющій, по видимому, представителя въ грабарѣ, будетъ разсмотрѣнъ ниже въ отдѣлѣ именной флексіи.

§ 34. Добавленіе.—Мушскія соответствія грабарнымъ формамъ на *-ikh* (ном. plur.). Эти мушскія соответствія мы считаемъ необходимымъ выдѣлить въ особый §, такъ какъ съ точки зрѣнія нашего діалекта въ данномъ случаѣ является уже суффиксъ *-ikh*. Примѣрами могутъ служить: *baṅp-ikh* 'баня' = *baṅanikh* (pl. tant.); срв. средне-арм. *baṅnikh* (напримѣръ на анійской надп. 1215 г. асс. *baṅnis-n* [Эмиль, Арм. надписи etc., № 34]; «Сборники притчъ Вардана» р. 320: асс. *baṅnis*); *harsn-ikh* 'свадьба' = *harsanikh* (pl. tant.); *ban-ikh* (при *banl-ikh*) 'ключъ' = ном. plur. *banalikh* (къ ном. sing. *banali*), срв. приводимое Мхитаромъ Севастійскимъ изъ языка начала XVIII в. *ballikh*.

Такое же сознаніе суффикса *-ikh* можно отмѣтить и въ другихъ ново-армянскихъ діалектахъ (относительно тифлисскаго—см. Тифл. § 268), а также и въ средне-армянскомъ.

Склоненіе подобныхъ именъ на *-ikh* въ ново-армянскихъ діалектахъ, въ томъ числѣ и въ мушскомъ, происходитъ обычнымъ путемъ (значеніе множественности, присущее *-kh*, уже успѣло въ нихъ утратиться), тогда какъ въ грабарѣ они склоняются во множ. числѣ. Въ средне-армянскомъ мы еще можемъ наблюдать склоненіе во множ. числѣ (*gen. baṅpesh-n*—анійская надпись 1215 г.; *ballech gen.* къ *ballikh*—у Мхитара Севастійскаго и т. д.).

§ 35. Индо-европейскія основы съ именнымъ суффиксомъ **-i*. Основы съ суффиксомъ **-i* (Grundriss II § 93) въ индо-европейскомъ праязыкѣ обнимали имена не-средняго (на **-i-s* въ ном. sing.) и средняго (на **-i* въ ном.-асс. sing.) родовъ. Изъ грабара могутъ быть приведены слѣдующіе примѣры (съ подраздѣленіемъ на роды съ точки зрѣнія родственныхъ языковъ):

Masculina и femina: *iž* (*gen. iž-i*) 'змѣй', срв. др.-инд.

ah-i-š, авест. aži-i-š; aic (gen. aic-i) 'коза', мушс. ес, срв. основу aiči- въ aiči-šotə-š.

Neutra: ačh-kh (plur.) 'глаза', мушс. ač-kh (sing.) 'глазь', срв. ܕܫܥܥܐ, лит. akì-s (fem.), ст.-слав. оуи (du.) — индо-европ. основа *okʷi- (Arm. Gramm. I p. 413; Hübschmann, I. F. IV p. 112 sq.). Что касается флексии грабарнаго ačh-kh, то оно не принадлежит армянскому склоненію основъ на -i, но склоненію смѣшанных основъ на -a/-i (gen. pl. ačh-ach, а не *ačh-ich).

§ 36. Индо-европейскій суффиксъ *-ni- (Grundriss II § 94) мы имѣемъ въ граб. ban (gen. ban-i) 'слово, рѣчь; дѣло', мушс. ban дѣло' — изъ индо-европ. основы *bhā-ni-, срв. англо-сакс. bēn Bitte'; срв. Титл. § 235. Относительно srun-kh (plur.) 'голеня', см. Grundriss II p. 269 и Arm. Gramm. I p. 494.

§ 37. Индо-европейскій суффиксъ *-ti- (Grundriss II § 99 sq.) мы имѣемъ въ граб. z-gest (gen. z-gest-i при z-gest-u и z-gest-oy) 'одежда', срв. лат. vesti-s; sast (gen. sast-i) 'угроза, наказаніе' изъ индо-европ. основы *kʷesti-, срв. др.-инд. çīsti- (при çāsti-). Срв. Grundriss II p. 281; Титл. § 229. Соответствія изъ мушскаго намъ неизвѣстны.

Примѣчаніе. 1. Объ суффиксъ *-ti-, какъ составной части сложнаго индо-европ. суффикса *-oz-ti- (Grundriss II § 101), см. ниже § 47 примѣчаніе.

2. О суффиксъ *-ti-(?) въ грабарномъ суффиксъ -or-d—см. ниже § 50.

3. О суффиксъ *-ti- въ грабарныхъ образованіяхъ на -u-thi-un—см. ниже § 51.

§ 38. Индо-европейскія основы съ именнымъ суффиксомъ *-u-. Основы съ суффиксомъ *-u- въ индо-европейскомъ праязыкѣ (Grundriss II § 104) обнимали имена не-средняго (на *-u-s въ ном. sing., за исключеніемъ прилагательныхъ женскаго рода) и средняго (на *-u въ ном.-асс. sing.) родовъ.—Вопросъ о томъ, жъ какому роду принадлежит армянскій рефлексъ извѣстной индо-европ. основы на *-u-, рѣшается показаніями родственныхъ языковъ; срв. что было сказано въ §§ 3, 35.

§ 39. Еще въ до-армянскую эпоху индо-европейскія основы на *-u- подверглись извѣстнымъ осложненіямъ, которыя вырази-

лись въ грабарѣ (и уже въ обще-армянскомъ языкѣ) въ двухъ слѣдующихъ распространеніяхъ:

1) Въ распространеніи посредствомъ -k; срв. anju-k (ancu-k) 'узкій; тѣсный; тѣснина', изъ индо-европ. *ang^hhu-k²⁰- (срв. ст.-слав. жѣкъ-къ), при др.-инд. ahu- и т. д.—Что касается hazuk 'рука', то оно не собственно-армянское слово, но средне-персидское заимствование. (См. Arm. Gramm. I p. 114).

2) Въ распространеніи въ формѣ nominativi (и accusativi) sing. посредствомъ -г ¹⁾, о чемъ подробнѣе будетъ сказано ниже (см. § 76); здѣсь же ограничимся приведеніемъ нижеслѣдующихъ примѣровъ: barj-г (gen. barj-u) 'высокій', изъ индо-европ. *bhrg^hhu- (Arm. Gramm. I p. 428), мушс. banjəg (Этюды I § 186), срв. тифл. bachr, ахалц. ranchr; can-г 'тяжелый', мушс. can-d-г ²⁾, срв. тифл. sandr, ахалц., польско-арм. jandr и т. д.; sunr 'колѣно', срв. др.-инд. gānu-, γόνυ (изъ индо-европ. *g^honu-; Arm. Gramm. I p. 457), мушс. sun-d-г, срв. тифл. sundr въ sundr dnil 'колѣно-преклоняться'. Другіе примѣры см. ниже §§ 76—77.

Подъ вліяніемъ формы именительнаго, въ грабарѣ иногда появлялось -г- и въ косвенныхъ падежахъ. Такимъ образомъ, мы имѣемъ параллельныя формы: thanju и thanjru — gen. (dat.) sing. къ thanjr 'густой' (объ этимологіи см. Arm. Gramm. I p. 448) и нѣк. др. Это явленіе — распространеніе -г- изъ формы именительнаго уже обычное явленіе въ ново-армянскомъ.

§ 40. Индо-европейскій суффиксъ *-ju- (Grundriss II § 105) были склонны видѣть въ грабарномъ marh (gen. marhu) || mah (gen. mah) 'смерть' (см. l. c.; Arm. St. I p. 41), которое возводили къ той индо-европ. основѣ, которая дала др.-инд. mṛtyu-, авест. mərədu-; въ мушскомъ (и въ другихъ диалектахъ) mah. Въ настоящее время, вслѣдъ за Bugge (I. F. I p. 459), выводятъ marh (mah) изъ *martr [внутреннее граб. rh, откуда далѣе h, какъ уже замѣчено было Lagarde'омъ, можетъ восходить къ группѣ *-rtr-], которое въ свою очередь, получилось изъ индо-европ.

¹⁾ Къ литературѣ вопроса: Meillet, Notes arméniennes p. 12—M.S.L.P. VIII p. 162; Тифл. §§ 98 и 221.

²⁾ Относительно -d- въ can-d-г, равно какъ и въ нижеслѣдующемъ sun-d-г см. Этюды I § 215.

*mrtro-m = готс. maurog. (См. Grundriss I² pp. 434, 461; срв. Arm. Gramm. I p. 472).

§ 41. **Индо-европейскій суффиксъ *-ru-** (Grundriss II § 107) можно видѣть въ грабарномъ moḡu-kh, mauro-kh (mōru-kh), murukh, мушс. murukh; граб. основа moḡu- можетъ восходить, черезъ болѣе древнюю ступень *smoḡu-, къ индо-европ. *smok¹ru- (или *smok²ru-), срв. др.-инд. smaḡru- (изъ *smaḡru-). Срв. Grundriss I. c.; Arm. Gramm. I pp. 476—477. (Подробнѣе см. ниже § 78, 3 съ подстроч. примѣчаніемъ).

§ 42. **Индо-европейскій суффиксъ *-tu-** (Grundriss II § 108) можно видѣть въ грабарномъ ar-d (при z-ar-d 'украшение¹⁾), gen. zard-u) изъ индо-европ. *ar-tu-, срв. ἄρ-τύ-ς 'соединеніе' (Hesychius), ar-tu-s; см. Arm. Gramm. I p. 423 и Grundriss II p. 308. Относительно orth 'телепокъ', мушс. horth (и hort-ik съ суффиксомъ -ik, § 19), см. ниже § 77.

§ 43. **Индо-европейскій суффиксъ *-en-** (Grundriss II § 114; срв. Тил. § 233) мы находимъ, напримѣръ, въ слѣдующихъ грабарныхъ примѣрахъ: gen.-dat. sing. aḡn (къ ном. air 'vir'), срв. авест. gen. sing. arš-nō изъ индо-европ. *r̥s-nos (по поводу сопоставленія грабарной и авестійской формъ — см. у Гюбшмана, Armeniaca III pp. 121 — 122), ἄρσ-ην ἄρρ-ην; отъ индо-европ. основы *r̥sen- мы ожидали бы въ грабарѣ форму ном. sing. въ видѣ *aḡn (которая формально совпала бы съ формою gen.-dat. sing. aḡn), а форму ном. plur. — *aḡin-kh; въ виду этого, весьма правдоподобно предположеніе Гюбшмана, что ном. sing. air (ном. pl. ar-kh), — срв. мушс. er-ik (ir-ik) 'мужъ, супругъ' = *air-ik (см. § 19 прим. 2), — «gehört zu einem andern Stamme». (Arm. Gramm. I p. 418); gaḡn (gen. gaḡin) 'ягненокъ', мушс. gaḡ (gen. gaḡan), срв. ἄρῆν (гортиас. Φαρῆν) и т. д., — изъ индо-европ. основы *r̥gen- (срв. Arm. Gramm. I p. 432); šun (gen. šan) 'собака', мушс. šun и т. д., срв. др.-инд. śv-an-, खῶν. (см. Grundriss II p. 325; Arm. Gramm. I p. 480); akn (gen. aḡan) 'глазъ'; носовая основа, являющаяся въ именительномъ и другихъ падежахъ ед. числа, явилась подъ вліяніемъ формы gen. (dat.) sing. akan, въ которой мы имѣемъ обра-

¹⁾ z- въ z-ard (какъ и въ z-gest) 'одежда' — особый армянскій префиксъ; см. о немъ Arm. Gramm. I p. 446.

зование отъ индо-европ. носовой основы, срв. др.-инд. akṣ-an-; по поводу флексии этого имени см. Hübschmann, I. F. IV p. 112 sq. (тутъ же и остальная литература вопроса); срв. также Grundriss II p. 326. (Другіе примѣры будутъ приведены ниже; см. § 80).

Примѣчаніе. Уже въ обще-армянскомъ существовалъ обширный рядъ именъ съ носовою основою, которыя, однако, не могутъ быть разсматриваемы какъ рефлексы соответствующихъ индо-европейскихъ основъ. Таково, на примѣръ, muk-n (gen. mkan) 'мышь', мушс. muk и т. д., на ряду съ др.-инд. mūṣaka-, mūṣika- (при mūṣ-); въ такихъ образованіяхъ мы въ правѣ предполагать дальнѣйшее распространеніе старой не-носовой основы посредствомъ -n, о чемъ срв. выше § 18. Подобное же распространеніе мы имѣемъ въ jēṅ-n 'рука' = мушс. jēṅ; ot-n 'нога', срв. мушс. vot-kh (= граб. пом. pl. ot-kh); duṅ-n 'дверь' = мушс. duṅ; основаніемъ для такого распространенія послужило, быть можетъ, ак-n, о чемъ см. Hübschmann, I. F. IV p. 114 sq.

§ 44. **Индо-европейскій суффиксъ *-men-** (Grundriss II § 117 срв. Титл. § 234) мы находимъ въ слѣдующихъ примѣрахъ: anup (gen. anvan) 'имя', мушс. anup (срв. титл. anup и anup, эрив. anup и т. д.), изъ обще-арм. *anup; обще-арм. *anup получило изъ болѣе ранней формы *an-van (или *anivan), а эта—изъ индо-европ. *anm̥ (или *anōm̥), причемъ слѣдуетъ принять переходъ стараго *m̥ въ *v, Арм. Gramm. I p. 420 ¹⁾; geṅ-mn (gen. geṅman) 'волна, руно' изъ *geṅ-man = индо-европ. *uel-mn̥, срв. лат. vellus (= *vel-nos-), Арм. Gramm. I p. 434 (срв. Grundriss II p. 347). Переходъ въ разрядъ армянскихъ основъ на -o- представляетъ matšin (gen. matšin-ou) 'тѣло' (-m̥n- изъ *-men-, см. Этюды I

¹⁾ Слѣдовательно форма *an-van должна была ближайшимъ образомъ получиться изъ *an-man. Принимаемый Гюбшманомъ (Арм. St. I p. 75; cf. Арм. Gramm. I p. 420), Буггъ (I. F. I p. 458) и другими переходъ въ известныхъ случаяхъ *m̥- въ *v- (срв. Grundriss I² § 406 Арм.) отрицается Bartholomae, Studien II p. 37 подстрочное примѣчаніе.

По поводу этимологіи граб. anup—см. также Meillet, Notes arm. p. 6 = M.S.L.P. VIII p. 156; ib. IX p. 147.

§ 35, 3), срв. др.-инд. *maṅ-maṅ-* (п.) 'membrum'; Г ю б ш м а н ъ (Агт. Gramm. I р. 473) выводитъ *maṅmān* изъ индо-европейской основы **mṅ-men-o-* (сопровождая эту праформу знакомъ вопроса).

Примѣчаніе. Въ грабарѣ существуетъ рядъ именъ на -*um* въ ном. sing., которымъ въ мушскомъ соотвѣтствуетъ -*um*, напр. граб. *erd-um* (gen. *erd-man*) 'клятва' = мушс. *ert-um* (gen. *ert-man*); срв. -*um* въ другихъ ново-армянскихъ діалектахъ, напр. въ тифлискомъ, Тифл. § 262 слд. Въ конечномъ -*um* мы видимъ рефлексъ индо-европ. *-*m̥*; что же касается -*u-* передъ -*um* (-*um*), то происхожденіе его для насъ неясно; попытку объясненія этого -*u-* см. у Томсона, Тифл. § 264.

§ 45. **Индо-европейскіе суффиксы -er- и -ter-** (Grundriss II § 119; срв. Тифл. § 220) мы находимъ уже въ обще-армянскомъ языкѣ, въ известной категоріи именъ, а именно въ именахъ, обозначающихъ родство. Сюда принадлежатъ въ грабарѣ напримѣръ: *taigr* (gen. *taiger*) 'деверь' при *tagr* (Этюд. I § 84, 2), мушс. *tekər*¹⁾, изъ индо-европ. основы **daiver-*, срв. др.-инд. *dēvar-*, *दिवर* (изъ **दािवर*) и т. д.; *khoir* (gen. *kheṛ*) 'сестра', мушс. *khur*, изъ индо-европ. **svesor-*, срв. др.-инд. *svasar-*, *सोस* и т. д.; *hair* (gen. *hair*, *hōr*) 'отецъ', мушс. *her*, изъ индо-европ. **pəter-*, срв. др.-инд. *pitar-*, *पितर* и т. д.; *mair* (gen. *maur*, *mōr*) 'мать', мушс. *mer*, изъ индо-европ. **mā-ter-*, срв. др.-инд. *mātar-*, дорич. *μάτηρ* и т. д.; *eṽbaigr* (gen. *eṽbaur*, *eṽbōr*) 'братъ', мушс. *aṽper* (Этюд. I § 23), изъ индо-европ. **bhā-tor-* (при **bhrā-ter-*, Grundriss II § 120 Anm.), срв. др.-инд. *bhrātar-*, *भ्रातर* (при *भ्रातर*), *frāter* и т. д.

§ 46. Къ индо-европейскимъ формамъ на -*r* въ ном.-асс. neutr. (Grundriss II § 118; срв. Тифл. § 219) восходитъ, напримѣръ, *aṽbiur* 'источникъ', мушс. *aṽpur*, изъ индо-европ. **bhr̥eṽr*; на индо-европ. форму на *-*ōr*, быть можетъ, указываетъ граб. *aṽr* (*ōr*) 'день', мушс. *or*. Подробности см. ниже § 84.

§ 47. **Индо-европейскія основы съ суффиксомъ *-s-** (Grundriss II § 131 sq.). Изъ остатковъ этого разряда индо-европ. основъ

¹⁾ Въ нашихъ записяхъ встрѣчается также и *takr*.

въ грабарѣ, быть можетъ, являются: *saḡ* 'гора' ¹⁾, мушс. *saḡ*, если мы будемъ сопоставлять съ др.-инд. *śiḡas-*, авест. *saḡah-* (изъ индо-европ. **k¹gr-es-*, о. с. р. 391); но, нельзя не согласиться съ Томсономъ (Тюл. § 199), что граб. *saḡ* возможно сопоставлять и съ *xāra*; *ereḡ* 'вечеръ' (срв. *ereḡ-ou*, *ereḡ-un* 'id.'), мушс. *erēḡ* 'вчера' (въ значеніи «вечеръ» въ мушскомъ является *irḡun*, срв. граб. *ereḡun* ²⁾), Этюды I § 21, а) — изъ индо-европ. основы **reg²es-* (nom. sing. **reg²os*), срв. др.-инд. *gaḡas-*, ἔρεβος и т. д. (Grundriss II р. 444; Arm. Gramm. I р. 443); *ḡer* 'жаръ, теплота' изъ индо-европ. **g²heres-*, срв. φέρω ³⁾. — Грабарныя *ḡer*, *saḡ* и т. д. въ отношеніи флексіи представляютъ армянскія основы на -о- (срв. gen.-dat. sing. *ḡer-ou*, *saḡ-ou* и т. д.); слѣдовательно, только формы имен. (винит.) ед. числа (*ḡer*, *saḡ* и т. д.) могутъ восходить непосредственно къ соответствующимъ индо-европ. формамъ на **-os* (которое такъ же исчезало, какъ и **-o-s*); въ остальныхъ же падежахъ произошелъ переходъ въ склоненіе основъ на -о-.

Примѣчаніе. Весьма вѣроятнымъ представляется намъ то, что говорить Томсонъ относительно возникновенія грабарнаго суффикса *-ust*, напримѣръ въ *phaḡust* (gen. *phaḡs-tean* изъ *-ti-an*, *phaḡsti*) 'бѣгство'. Въ этомъ *-ust* Томсонъ видитъ (Тюл. § 230) рефлексъ индо-европейскаго сложнаго суффикса **-os + ti-* (о которомъ см. Grundriss II pp. 289 — 290); срв. такія образованія, какъ др.-инд. *gabhas-ti-*, лат. *agres-ti-s*, др.-в.-нѣм. *angust*, ст.-слав. *жѹсть* и т. д.

Правильность вывода грабарнаго (и обще-армянскаго) *-ust* изъ индо-европ. **-osti-* находится, конечно, въ связи съ вопросомъ, должно ли было, въ данномъ случаѣ, индо-европ. **-o-* рефлектироваться въ грабарѣ какъ *-u-*? (Это обычное

¹⁾ Въ значеніи „голова, глава“ грабарное *saḡ*—средне-персидское заимствованіе. См. Arm. Gramm. I р. 236.

²⁾ По поводу различныхъ грабарныхъ формъ: *ereḡou*, *ereḡun* и др. — см. Aïdunia I р. 66.

³⁾ Относительно *hot* 'запахъ', мушс. *hōt*, изъ индо-европ. **odes-*, см. Meillet, Notes arm. pp. 3—4 = M.S.L.P. VIII pp. 153—154; Arm. Gramm. I р. 468; относительно *jet* 'хвостъ'—изъ индо-европ. **g¹hedes-*, срв. авест. *zadah-*, см. Arm. Gramm. I р. 470.

явление въ положеніи передъ группою «nasalis + consonans»; срв. Этюды I § 59, 3).

Въ мушскомъ намъ неизвѣстны образования, соответствующія граб. -ust; но, мы не можемъ утверждать, что ихъ не существуетъ.

§ 48. **Индо-европейскія имена безъ основообразовательныхъ суффиксовъ („Wurzelnomina“).** Къ этимъ «корневымъ именамъ» (Grundriss II § 159 sq.) восходятъ въ грабарь: nom. plur. ot-kh (къ nom. sing. ot-n 'нога', съ переходомъ въ носовую основу, о чемъ см. § 43 примѣчаніе), мушс. nom. sg. vot-kh, срв. др.-инд. асс. sg. rād-am, ποδ-α — изъ индо-европ. основы *pod-; kov (gen. kov-u, арм. основа на -u-), мушс. կօ՞ւ — изъ индо-европ. основы *g²bu-, срв. др.-инд. gāu-ś, βού-ς; nav 'корабль' (если только это не средне-персидское заимствование, о чемъ см. § 87) изъ индо-европ. *nāu-, срв. др.-инд. nāu-ś, ναῦ-ς; граб. nav представляетъ армянскую основу на -u- (gen.-dat. nav-u); но, при этомъ встрѣчаются формы и по склоненію смѣшанныхъ основъ на -a/i (слѣдовательно, мы имѣемъ отчасти переходъ въ склоненіе на -i-, срв. лат. nav-i-s). — Относительно tun 'домъ' (Grundriss II pp. 453—454), мушс. tun и т. д., см. § 81 примѣчаніе 1; относительно sirt 'сердце', мушс. sirt, см. § 74 (съ подстрочнымъ примѣчаніемъ).

ГРАБАРНЫЕ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ СУФФИКСЫ И ИХЪ СООТВѢТСТВІЯ ВЪ МУШСКОМЪ.

§ 49. **Грабарный суффиксъ -iv,** изъ обще-армянскаго *-iv, образовывалъ такія существительныя и прилагательныя, какъ: azn-iv 'благородный, знатный' (см. ниже) при azn 'родъ' (слѣд. azniv собственно «родовитый»); hov-iv 'пастухъ' ¹⁾, въ которомъ мы выделяемъ корень hov-, имѣвшій значеніе «тѣнь, защита, покровительство», срв. hov-anı 'тѣнь, защита, покровительство'; съ меньшею увѣренностью мы можемъ относить сюда rativ 'честь; даръ

¹⁾ По поводу сопоставленія съ др.-инд. *avirā- (срв. avirāla- 'Schafhirt') см. Arg. Gramm. I p. 468.

(почетный); особое головное украшение (какъ знакъ известнаго отличія) (срв. an-pativ 'безчестный, собс. не имѣющій pativ'a'), — такъ какъ мы не имѣемъ основаній для дѣленія: pat + iv (этимология этого слова остается невыясненною).

Въ мушскомъ, какъ и въ другихъ ново-армянскихъ діалектахъ (относительно тифлискаго — см. Тифл. § 226), а равно и въ средне-армянскомъ, грабарному -iv соотвѣтствуетъ также -iv; срв. pativ 'честь' (Этюды I § 138) = pativ; hoviv 'пастухъ' = hoviv; abativ (изъ *an-pativ, см. о. с. § 11) 'безчестный' = an-pativ.

§ 50. **Грабарный суффиксъ -ord**, изъ обще-армянскаго *-ord, образовывавшій, между прочимъ, numeralia ordinalia, напр. erk-ord 'второй' изъ *erkir-ord, срв. erk-ir 'secundus' (при erk-u 'два'), о чемъ см. Grundriss II p. 469, — встрѣчается въ такихъ именныхъ образованияхъ, какъ-то: orgs-ord 'охотникъ' (къ 'orgs 'охота'); sanaparh-ord 'путешественникъ' (къ sanaparh 'дорога, путь') и т. д.

Что касается происхожденія грабарнаго (и обще-армянскаго) -ord, то Томсонъ видитъ во второй части (-d) индо-европ. суффиксъ *-ti- или *-to-; первая же (-or-) остается невыясненною (Тифл. § 231) ²⁾.

Въ соотвѣтствіи съ грабарнымъ -ord въ мушскомъ является -port, срв. тифл. -urth и т. д., напр. sarport (или sar-hport) 'путешественникъ' = sanaparhord; aport (и opport) 'прямой, справедливый' = uyu-ord (изъ *uyü-ord къ uyü 'прямой'), срв. средне-армянское (киликійское) ayort 'richtig' (Karst, Kilikisch-arm. I § 55, b); срв. также мушс. paupport 'пастухъ', которому въ грабарѣ соотвѣтствовало бы *paup-ord (къ paup 'стадо'). Другихъ примѣровъ изъ мушкаго мы не знаемъ.

§ 51. **Грабарный суффиксъ -u-thiup**. Какъ грабарный суффиксъ -uthiup, такъ и его соотвѣтствія въ средне- и ново-армянскомъ являются одними изъ наиболѣе распространенныхъ и жизнеспособныхъ въ армянскомъ языкѣ. Суффиксъ этотъ служитъ для образованія отвлеченныхъ именъ (abstracta). Что касается происхожденія грабарнаго -uthiup, полученнаго изъ обще-арм. *-uthiup, то оно недостаточно ясно; несомнѣнно одно, а именно, что какъ -iup

²⁾ О происхожденія грабарнаго -ord раньше трактовали Petermann (Grammatica linguae arm. p. 162) и Боппъ (Vergl. Gramm. II ², p. 97 sq.).

восходить къ *-ivn, *-ivan (гдѣ -an изъ индо-европ. *n), такъ и -thiun (въ -uthiun) получило изъ *-thivn, *-thivan, гдѣ *-van изъ индо-европ. *u (слабый видъ индо-европ. суффикса *-цеп-); что же касается части -uthi-, то, по мнѣнію Томсона, она возникла изъ болѣе древняго *-oithi- (Тифл. § 259), причѣмъ -thi- восходить къ индо-европ. *-ti- (срв. Meillet, Notes arm. p. 4 = M.S.L.P. VIII p. 154). Вообще, что касается происхожденія граб.-uthiun, мы ограничиваемся указаніемъ на попытку его выясненія, сдѣланную проф. Томсономъ (Тифл. §§ 256 — 259).

§ 52. Въ мушскомъ, въ соотвѣтствіи съ грабарнымъ -uthiun мы находимъ -utiē (Этюды I §§ 110, 135), напр. uḡaḡutiē 'радость' = uḡaḡuthiun; sandrutīē 'тяжесть, тягость' = sanḡuthiun; zoreḡutiē 'мощь, сила' = zaureḡuthiun; saḡutiē 'здоровье' отъ турецкаго заимствованія saḡ 'цѣлый, здоровый'; aḡekutiē 'хорошее состояніе, положеніе' къ aḡek 'хорошій'; другіе примѣры будутъ приведены ниже, см. §§ 81, 2, b.

Въ средне-армянскомъ грабарному -uthiun соотвѣтствуетъ также -uthiun; см., напримѣръ, относительно виликійскаго средне-вѣюваго языка Karst, Kilikisch-arm. I § 73. Многочисленные примѣры образованій съ суффиксомъ -uthiun можно видѣть въ «Сборникахъ притчъ Вардана» (при этомъ особенно интересны образованія отъ иностранныхъ словъ, напр. hakhimuthiun 'леченіе' [стр. 292] и т. д.). — Въ языкѣ начала XVIII вѣка, описанномъ Schröder'омъ и Мхитаромъ Севастьянскимъ мы имѣемъ -uthiun: у перваго — baruthiun 'bonitas' (Thesaurus linguae arm. p. 308), у втораго — aḡekuthiun къ aḡek 'хорошій' (Грамматика p. 23); срв. въ «Сборникахъ притчъ Вардана» aḡekuthiun (стр. 156) къ aḡek. Но, насколько мы гарантированы въ отсутствіи грабарнаго вліянія въ этихъ формахъ? Не были ли извѣстны уже въ средне-армянскомъ такіе, именно, виды нашего суффикса, которые приближались бы къ находимымъ въ ново-армянскихъ діалектахъ? Что касается послѣднихъ, то срв. тифл.-uthin (Тифл. § 260), агул.-uthiun, ахалц.-uthiē (Ахалц. § 107), польско-арм.-uthin (Hanusz, Lautlehre d. polnisch-armen. Mundart p. 27), нахич.-uthin и т. д.

§ 53. **Грабарный суффиксъ -och** (см. Bagratuni pp. 682, 684), изъ обще-армянскаго *-och, образовывалъ существительныя, какъ

напр. саук-осч 'цвѣтникъ' (изъ *саук-осч, срв. саук 'цвѣтокъ'); матп-осч 'наперстокъ' (matп 'палецъ'); аугауг-осч (ōgōr-осч) 'колыбель' (аугауг-кх [ōgōr-кх] 'колыбельная пѣсня' [образовано изъ рефрена: ōg, ōg]) и пр.

Въ мушскомъ грабарному -осч соответствует -цосч, напр. кѣт-цосч 'дойникъ' = кthосч 'дойникъ; корзина' (есть и kthосч, срв. тифл. khēthuch 'корзина'); ог-цосч 'колыбель' (изъ *огог-цосч) = ау[ō]госч (при полной формѣ аугаугосч¹), см. выше).

(Объ соответствующихъ образованияхъ въ тифлисскомъ — см. Тифл. § 286).

§ 54. Грабарный суффиксъ -апосч находится въ тѣсной связи съ предыдущимъ (§ 53), разлагаясь на -ап- и -осч. Суффиксъ этотъ образовывалъ (отчасти какъ и -осч) существительныя, обозначающія вмѣстѣ что-либо; срв., напримѣръ, саук-а-посч 'цвѣтникъ' (тоже, что и саук-осч, см. § 53). Происхождение этого суффикса, какъ можно усмотрѣть изъ приведеннаго примѣра, обязано своимъ возникновеніемъ извѣстнымъ армянскимъ носовымъ основамъ: саукап-осч при ген. sing. саукап къ ном. саук 'цвѣтокъ'.

Въ мушскомъ грабарному -апосч соответствует -цпосч или -эпосч. Примѣры: саук-эпосч 'цвѣтникъ' = саукапосч; χiаг-цпосч 'мѣсто, гдѣ растутъ огурцы' отъ тур. заимствованія χiаг 'огурецъ'.

§ 55. Грабарный суффиксъ -епі (Ваgratuni p. 679) служилъ для образования: 1) названій деревьевъ отъ именъ извѣстныхъ плодовъ (напр. пѣ-епі 'миндальное дерево' отъ пиѣ 'миндаль'; агтав-епі 'финиковая пальма' отъ агтав 'финикъ'; χпjог-епі 'яблоня' отъ χпjог 'яблоко' и т. д.); 2) названій различныхъ родовъ мяса, кожи — отъ именъ тѣхъ или другихъ животныхъ (напр. χоз-епі 'свинина' отъ χоз 'свинья'; агiус-епі 'львиная шкура' отъ агiус 'левъ' и т. д.). Происхождение грабарнаго -епі надо объяснять какъ результатъ сложения грабарныхъ суффиксовъ -еап + і; изъ *-еапі должно было получиться -епі (Этюды I § 114).

¹) Форма аугосч при аугаугосч представляетъ такой же примѣръ утраты слога, какъ напр. дифореус при диффореус.

Въ мушскомъ, въ соответствии съ грабарнымъ -eni находимъ -[ə]ni, напр. χənjog-ni 'яблоня' (χənjog 'яблово') = χnjogeni и т. д.

§ 56. **Грабарный суффиксъ -ot** (Вагратуни pp. 688—689), изъ обще-армянскаго *-ot, образовывалъ прилагательныя, обозначающія, главнымъ образомъ, «наполненный, влаждующій, изобилующій чѣмъ». Это значеніе выработалось, повидимому, уже въ обще-армянскомъ языкѣ и продолжало сохраняться въ послѣдующія эпохи (въ грабарѣ, средне- и ново-армянскомъ) ¹⁾. Грабарными примѣрами могутъ служить: ariun-ot 'полный крови' (ariun 'кровь'); sak-ot 'дырявый' (sak 'дыра'); gin-ot 'пьяный' (gini 'вино') и т. д.

Въ мушскомъ граб. -ot соответствуетъ -цот, напр. χlənk-цот 'mucidus', которому въ грабарѣ соответствовало бы *χln-ot (срв. χlin-kh [вульгарное χlni-kh] 'mucus'), срв. тифл. χlənk-kh-ut; мушское amṣə-k-цот 'стыдливый' представляетъ образование аналогичное грабарному moḡash-k-ot 'забывчивый' (изъ *moḡash-uk-ot; cf. Вагратуни p. 689).

О соответствіяхъ грабарному -ot въ тифлисскомъ — см. Тифл. § 232.

§ 57. **Грабарный суффиксъ -ain** (Вагратуни pp. 679, 692) является въ очень немногочисленныхъ прилагательныхъ, какъ-то: ham-ain 'totus' (ham- средне-персидское ham-, срв. авест. hama-, др.-перс. hama-; Arm. Gramm. I pp. 174, 176); amen-ain 'omnis' (срв. amēn, gen. ameni 'omnis'); un-ain 'пустой, тщетный' (un- срв. съ др.-инд. ū-na-, авест. ūna- и т. д.; cf. Bartholomae, В. В. XVII p. 100, Arm. Gramm. I p. 484 и Этюды I § 98 съ подстрочнымъ прим. 1); erk-ain 'длинный' (срв. erk-ar съ суффиксомъ -ar, § 15) ²⁾.

¹⁾ Томсонъ полагаетъ, что граб. -ot, по происхожденію, „можно было бы сопоставить съ латинскимъ -do-, напр. въ lucidus, въ которомъ приставль гласный o изъ основъ существительныхъ“ (Тифл. § 232).

²⁾ Корневая часть этого прилагательнаго — erk- не-армянскаго происхожденія. Въ ней, быть можетъ, слѣдуетъ усматривать тотъ семитическій корень, который является въ ассирійскомъ aḡaku „lang sein“, еврейскомъ 'arēk. См. Lewy, Die semitischen Fremdwörter im Griechischen, Berlin 1895, pp. 47—48. — Грабарное (и вообще армянское) e въ erk-ar || -ain при a въ ассир. aḡaku и пр. мы склонны объяснять сообразно съ тѣмъ, что сказано въ Этюдахъ I § 9, 12 пунктъ 4-й.

Въ мушскомъ грабарному -ain соответствуетъ -en, которое мы можемъ указать лишь въ erk-en 'длинный' = erk-ain. Врядъ ли богаче примѣрами и другіе ново-армянскіе діалекты. (Срв. Тфл. § 251).

§ 58. **Грабарный суффиксъ -и** (Вагратуни pp. 680, 682, 683, 688) образовывалъ прилагательныя и существительныя, напр. aizm-и 'теперешній' (aizm 'теперь'); has-и 'постигающій, понимающій' (срв. has-an-el 'достигать'; has 'достижение'); hat-и 'рѣзущій, острый' (срв. hat-an-el 'рѣзать'); azd-и (при azd-ou) 'сильный' (срв. azd-el 'влиять'); ariun-arg-и 'крово-пійца' (срв. aor. arg-i 'я выпилъ' къ pгаez. эпрем 'я пью'); srag-и 'свѣчное сало' (srag 'свѣча' — иранское заимствованіе, срв. ново-перс. сiгāу). Вѣроятно тапу-въ тапу-тег 'хозяинъ, собс. дома-господинъ' (срв. δεσ-πότης) надо разсматривать какъ эквивалентъ араратскаго, тифлискаго тапу 'домашній, принадлежащій дому' (срв., напримѣръ, тфл. тапу рhesа 'зять, живущій въ домѣ тестя' Тфл. § 211); по образованію тапу- можно разсматривать какъ gen. sing. тап (къ поп. туп 'домъ') + и.

Какъ возникло это -и въ has-и, srag-и и т. д. мы затрудняемся сказать. Вѣроятно, слѣдуетъ думать, что первоначально такое -и возникло въ такихъ формахъ какъ, напримѣръ, тауги (тōги) 'мачиха' (см. § 69), или, напримѣръ, въ нѣкоторыхъ прилагательныхъ, въ которыхъ -и могло восходить къ индо-европ. суффиксу -ио- (Grundriss II § 63); наконецъ, быть можетъ, -и какъ исходъ род. ед. числа арм. основъ на -и- также могло содѣйствовать возникновенію -и, какъ извѣстнаго именного суффикса. Затѣмъ, это -и, какъ готовый суффиксъ, стало образовывать извѣстную категорію именъ.

Въ мушскомъ грабарному -и соответствуетъ также -и; срв. sragи 'сало' = sragи. Другихъ примѣровъ у насъ подъ рукою нѣтъ. — Что касается такихъ формъ, какъ aġavot-и 'утренній', haу-и 'армянскій', то онѣ, конечно, представляютъ формы родительнаго ед. числа, употребляющіяся въ значеніи прилагательныхъ. (Срв. аналогичное явленіе въ тифлискомъ — Тфл. § 211).

§ 59. **Грабарный суффиксъ -eay** (Вагратуни pp. 678, 679, 681, 685) образовывалъ, между прочимъ, прилагательныя изъ существительныхъ, обозначавшихъ извѣстное вещество. Этому

грабарному -еау въ мушскомъ, какъ и во многихъ другихъ диалектахъ, равно какъ уже и въ средне-армянскомъ, соответствовать -е. Впрочемъ, уже и въ грабарѣ на ряду съ -еау является иногда -ē (Этюды I § 89 подстрочное прим. 3).

Примѣрами въ мушскомъ могутъ служить: таз-е 'волосяной' = тазеау (къ таз 'волось'); тэв-е 'мясной, изъ мяса' = *тсеау (къ тиз 'мясо'); теуг-е 'медовый' (въ теуге-пцот 'восковая свѣча', срв. тур. bal-шиму) = *теугеау (къ теуг 'медъ') и пр.

Относительно соответствующаго суффикса въ тифлисскомъ — см. Тифл. §§ 207—209.

§ 60. **Грабарный суффиксъ -асh**, изъ обще-армянскаго *-асh ¹⁾, образовывалъ такія отглагольныя существительныя, какъ gn-асh-kh ²⁾ 'шесть, движеніе' (срв. gnam 'иду', аог. gnash-i); im-асh-kh 'разумѣніе, разумъ, смыслъ' (срв. imanam 'разумью, знаю', аог. imash-au); энth-асh-kh 'теченіе, ходъ' (срв. энthanam 'иду, прохожу', аог. энthash-au); загш-асh-kh 'удивленіе' (срв. загшанам 'удивляюсь', аог. загшаш-au) и т. д. Въ мушскомъ грабарному -асh соответствует также -асh, напр. г'ау-асh 'мельница (водяная)' = г'ауаш (срв. ауам 'мелю', аог. ауаш-i). Быть можетъ, сюда же слѣдуетъ относить грабарныя прилагательныя thash 'мокрый' и bash 'открытый' (срв. Тифл. § 288), которымъ въ мушскомъ соответствуютъ также thash и bash.

О соответствіи грабарному -асh въ тифлисскомъ — см. Тифл. § 288.

§ 61. **Грабарный суффиксъ -асhi** (Bagratuni pp. 683, 689) представляетъ сложеніе изъ только что рассмотрѣннаго -асh (§ 60) + суффиксъ -и, о которомъ была рѣчь въ § 58. Этотъ суффиксъ является (особенно въ ново-армянскомъ) съ очень опредѣленною функцией: образованныя при посредствѣ его существительныя и прилагательныя имѣютъ значеніе: «долженствующій быть тѣмъ-то; могущій стать тѣмъ-то; способный на то-то, и т. д.»

¹⁾ Обще-армянское *-асh по Томсону „должно было быть въ большомъ употребленіи для образованія первичныхъ отглагольныхъ именъ, причастій и т. д.“ (Тифл. § 288).

²⁾ Въ грабарѣ образованія съ суффиксомъ -асh обыкновенно бываютъ pluralia tantum.

Примѣры: mah-achu 'смертоносный (собс. долженствующій причинить смерть [mah])'; khahanay-achu 'долженствующій посвятиться въ священники (khahanay)'; mart-achu '1) нужный для борьбы, битвы (mart); 2) орудіе борьбы, сдѣланное изъ желѣза (мечъ и пр.)¹⁾ и т. д.

Изъ мушскаго, гдѣ грабарному -achu соотвѣтствуетъ -асу (срв. Этюды I § 157); мы можемъ привести лишь одинъ, имѣющійся у насъ примѣръ — tir-асу 'дьячевъ' = tir-achu 'собс. тотъ, который готовится въ священники (tēr)'.
О соотвѣтствіяхъ изъ тифлискаго — см. Тифл. § 291.

§ 62. **Грабарный суффиксъ -ас** (Вагратуци pp. 684, 692). Уже въ обще-армянскомъ языкѣ суффиксъ *-ас, откуда грабарное -ас, образовывалъ participia praeteriti, какъ можно заключить на основаніи показаній грабара и, въ особенности, средне- и новоармянскаго. Разсмотрѣнію исторіи этой функці даннаго суффикса будетъ посвященъ особый § въ отдѣлѣ глагольной флексіи. Здѣсь же отмѣтимъ, что, въ то время какъ въ средне- и новоармянскомъ -ас образуетъ извѣстныя глагольныя формы (participia praeteriti), въ грабарѣ мы находимъ образованія на -ас, уже внѣ живой связи съ глагольной системой. Примѣрами могутъ служить: šin-ас (и šin-v-ас) 'зданіе, строеніе (собс. воздвигнутое) (šin-el созидать, строить)'; aḡar-ас 'твореніе, тварь (собс. сотворенное)' (аог. ar-ar-i къ aḡnel 'дѣлать, творить'); hat-ас (и hat-v-ас) 'кусокъ, отрѣзокъ, отрывокъ (соб. отрѣзанное) (hat-an-el 'рѣзать') и т. д.

Въ средне-армянскомъ мы находимъ формы на -ас въ значеніи participia praeteriti, напр. hat-ас 'отрѣзанный' въ значеніи грабарнаго hat-eal (къ hat-an-el); patm-ас 'рассказанный' въ значеніи patm-eal. Въ значеніи substantivi: šinvas 'постройка' («Сборники притчъ Вардана», изд. Марра, стр. 257) и др.

Въ мушскомъ, въ глагольной системѣ, -ас встрѣчается не особенно часто. (Вм. него — обыкновенно образованія на -ак; см. выше § 20). Срв., напр., thal-ас 'брошенный' (thal-iel 'бросать').

¹⁾ Это послѣднее значеніе, надо думать, развилось, теоретическимъ путемъ, на основаніи этимологіи մարտի (отъ մարտ = mart), тогда какъ первое соотвѣтствовало: մարտոս, մարտիկո՛ս. См. Аг. Слов. s. v. martachu.

§ 63. **Средне- и ново-армянскій суффиксъ -ov.** Обь образованияхъ съѣтимъ суффиксомъ (первоначально—формы instrum. sing.) подробно говорится въ отдѣлѣ именной флексіи.

Примѣчаніе. Относительно суффикса -ov-i, находящагося въ связи -ov, см. выше § 33.

§ 64. **Ново-армянскіе суффиксы -va, -van,** образующіе прилагательныя, являются во многихъ діалектахъ какъ западной (напр. въ константинопольскомъ), такъ и восточной (въ тифлисскомъ мушскомъ и др.) группы. Они должны быть разсматриваемы какъ извѣстные исходы родительнаго падежа ед. числа; о нихъ будетъ рѣчь въ соотвѣтствующемъ отдѣлѣ именной флексіи. Такимъ образомъ, большинство образований на -va, -van представляетъ первоначальныя формы gen. sing., которыя стали употребляться и въ значеніи прилагательныхъ. Также смотритъ на эти образования проф. Томсонъ (Тифл. § 247). Аналогію подобному переходу формъ родительнаго ед. числа въ прилагательныя представляютъ въ мушскомъ нѣкоторыя образования на -u, о которыхъ была рѣчь выше (§ 58).

Изъ мушскаго отмѣтимъ слѣдующіе примѣры: aməḡ-va 'лѣтній' (также и gen. sing. къ aməḡ 'лѣто' = aməḡn), срв. тифл. aməḡva; jəməḡ-va 'зимній' (также и gen. sing. къ jəmieḡ 'зима' = jmeḡn), срв. тифл. jməḡva; erek-van 'вчерашній', срв. конст. irig-van, тифл. ereḡ-va (также и gen. sing. къ ereḡ 'вчерашній день, вчера').

§ 65. **Діалектическія собственныя и нарицательныя имена на -o.** Въ мушскомъ, равно какъ и во многихъ другихъ діалектахъ (преимущественно Турецкой Арменіи, напр. въ ванскомъ, мокскомъ и т. д.), мы встрѣчаемъ цѣлый рядъ именъ какъ нарицательныхъ, такъ и, въ особенности, собственныхъ (преимущественно уменьшительныхъ и ласкательныхъ), исходящихъ на -o, напр. aro 'дѣдушка'; Səḡko 'Серѣжа' (граб. Sargis 'Сергій'); Apo 'Анюта' (граб. Anna 'Анна'); Noso 'Иосифъ' (граб. Yovsəph) и т. д.

О происхожденіи формы этихъ именъ подробно будетъ сказано ниже, въ отдѣлѣ именной флексіи, въ Экскурсѣ обь именахъ, исходящихъ въ звательномъ на -o. Тамъ же будутъ приведены и остальные примѣры.

ЗАИМСТВОВАННЫЕ СУФФИКСЫ, ЯВЛЯЮЩИЕСЯ ВЪ МУШСКОМЪ ДИАЛЕКТЪ.

§ 66. Суффиксъ -сі. Турецкій суффиксъ -сі, служащій для обозначенія класса людей съ извѣстнымъ занятіемъ, ремесломъ и т. д.,—является довольно распространеннымъ во многихъ новоармянскихъ діалектахъ. Въ мушскомъ мы, однако, не можемъ, на основаніи имѣющихея въ нашемъ распоряженіи примѣровъ, указать такія образования, въ которыхъ турецкое -сі приставлялось бы къ собственно-армянскимъ словамъ, какъ это бываетъ, на примѣръ, въ тифлисскомъ (Тифл. § 206); всѣ наши нижеслѣдующіе примѣры на -сі — цѣликомъ турецкія заимствования: *сібух-сі* (-b- сохраняется и не переходитъ въ -p-) 'подающій курительную трубку (тур. *сібух* «трубка»); *хава-сі* 'приготавлиющій кофе; хозяинъ кофейни' (или *хаіфа-сі*, П а т к а н о в ъ, Мушскій стр. 65, срв. тур. *хахвасі* къ *хахва* 'кофе'); *бауван-сі* (ib. p. 57; не *бауван-гі* ли, какъ слѣдуетъ ожидать согласно съ Этюдами I § 146) 'наблюдающій за садомъ (садовникъ)' (тур. *баувансі* къ персидскому *бау* 'садъ'), срв. тифл. *баушәнчі*.

§ 67. Суффиксъ -стан. Этотъ иранскій суффиксъ хорошо извѣстенъ изъ грабара, гдѣ онъ образовывалъ, съ одной стороны, собственные имена странъ ¹⁾ (*Нау-а-стан* 'Арменія'; *Парск-а-стан* 'Персія'; *Асоре-стан* изъ **Asori-a-стан*, Этюды I § 12 примѣчаніе. и т. д.), а также нарицательныя, обозначавшія мѣстонахождение чего-либо (напр. *аіге-стан* 'виноградникъ' изъ **аігі* ['«садъ виноградный»] -а-стан, собс. мѣсто виноградныхъ садовъ), а, съ другой, являлся однимъ изъ окончаній именительнаго множ. числа съ собирательнымъ значеніемъ (о чемъ рѣчь будетъ ниже, въ отдѣлѣ о множественномъ числѣ).

¹⁾ Въ грабарѣ, на ряду съ названіями странъ на -стан, существуютъ также старинныя армянскіе способы образованія такихъ названій: описаніе черезъ род. падежъ множ. числа имени народа съ прибавленіемъ словъ *аѣхарн* 'страна', *еркіг* 'земля'; употребленіе множ. числа имени народа (срв. аналогичный способъ въ греческомъ, латинскомъ и т. д.).

Грабарное -stan, какъ мы уже сказали, иранскаго происхожденія (срв. Arm. Gramm. I p. 241): оно соотвѣтствуетъ среднеперсидскому -stān, которое образовывало не только имена, обозначающія мѣстонахождение чего-либо (какъ, напримѣръ, asrastān 'конюшня'), грабарное заимствование asp-a-stan, срв. авест. aspōstāna-), но и названія странъ (напр. Sag-i-stān; срв. многочисленныя ново-персидскія названія странъ на -stān ¹⁾).

Въ мушскомъ, какъ и въ другихъ ново-армянскихъ діалектахъ (а равно и въ средне-армянскомъ), грабарному -stan соотвѣтствуетъ также -stān, напр. Naya-stan 'Арменія' = Nayastan; Arabēstān (съ сохраненіемъ -b-) 'Аравія'; data-stan 'судъ' = dat-a-stan (Arm. Gramm. I p. 136) и т. д.

Примѣчаніе. Какъ и въ другихъ діалектахъ (тифлисскомъ [Тифл. § 250], карабахскомъ и др.), мы и въ мушскомъ иногда находимъ осмысленіе суффикса -stan черезъ передѣлку его въ -stun, гдѣ -tun подъ вліяніемъ tun 'домъ'; такимъ образомъ, вм. Vrastan 'Грузія' = Vrastan мы находимъ въ былинѣ «Давидъ Сасунскій» форму Vrastun (П а т к а н о в ъ, Мушскій стр. 20). ²⁾

Подобно тому какъ въ грабарѣ были извѣстны образованія съ -stan, имѣющія значеніе собирательнаго множественнаго числа (см. выше), такъ и въ мушскомъ мы находимъ (немногочисленныя) аналогичныя формы на -stān, о которыхъ будетъ рѣчь ниже, въ отдѣлѣ объ образованіи множественнаго числа.

¹⁾ Срв. Darmesteter, Études Iraniennes I § 251.

²⁾ Подобное осмысленіе не ново. Мы его находимъ уже въ средне-армянскомъ. Такъ, напримѣръ, въ записи отъ 1507 года (писанной вульгарнымъ языкомъ) одного рукописнаго Евангелія, описаннаго Х. Бучукъ-Іоаннесовымъ (Древне-армянскія рукописи, снимки съ которыхъ вывезены съ Кавказа и пр. — въ „Матеріалахъ по археологій Кавказа“ III стр. 6 и 12 отд. отд.), — мы встрѣчаемъ форму Vrachtun 'Грузія', гдѣ такое же осмысленіе, какъ и въ мушскомъ Vrastun; подъ вліяніемъ этого осмысленія явилось, вѣроятно, и дальнѣйшее измѣненіе Vras- въ Vrach-, что значить „Грузія; грузинскій“ (пом. pl. Vir-kh 'Грузія'); такимъ образомъ, въ народномъ сознаніи Vrach-tun значило какъ бы „грузинскій домъ“.

ИМЕННАЯ ФЛЕКСИЯ.

МУШКОЕ ИМЕННОЕ СКЛОНЕНИЕ ВЪ СВЯЗИ СЪ СКЛОНЕНІЕМЪ ВЪ ГРА- БАРЪ И СРЕДНЕ-АРМЯНСКОМЪ.

§ 68. **Предварительное примѣчаніе.** Въ нижеслѣдующихъ §§-хъ излагается обзоръ формъ именного склоненія мушскаго діалекта, въ связи съ разсмотрѣніемъ соответствующихъ фактовъ въ грабарѣ и средне-армянскомъ, а также въ сопоставленіи съ фактами другихъ ново-армянскихъ діалектовъ.

Обзоръ этотъ распадается на двѣ главныхъ части: въ одной — разсматриваются падежныя формы единственнаго числа, въ другой — говорится объ образованіи множественнаго числа.

При обзорѣ падежныхъ формъ единственнаго, для исторіи именительнаго, звательнаго, винительнаго исходнымъ пунктомъ изложенія принять, съ одной стороны, индо-европейскій праязыкъ, а съ другой — обще-армянскій и грабарь. Исторію остальныхъ падежей (какъ единственнаго, такъ и множественнаго) мы излагаемъ, имѣя точкою отправления тотъ или другой суффиксъ извѣстнаго падежа.

Единственное число.

ИМЕНТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖЪ.

§ 69. **Индо-европейскія основы на *-ā-** въ именительномъ ед. числа не имѣли, какъ извѣстно, особаго суффикса; такимъ образомъ, отъ основы *ek¹ā- ('equa') — ном. sing. былъ *ek¹ā, срв. др.-инд. aśvā 'equa', ὄῶα, equa изъ болѣе древняго *equā и т. д. (Cf. Grundriss II § 190).

Въ армянскомъ языкѣ конечное старое *-ā въ именительномъ ед. числа индо-европ. основъ на *-ā- должно было исчезнуть въ многосложныхъ словахъ (см. Этюды I § 2); такимъ образомъ, мы

имѣемъ граб. ам 'годъ' при др.-инд. samā 'годъ' ¹⁾: граб. maugu (mōgu) 'мачиха', которое Г ю б ш м а н ъ, имѣя въ виду сопоставленіе съ греч. μητέρα (см. Bartholomae, Studien II p. 30), выводитъ изъ индо-европ. *mātruiā (Arm. Gramm. I p. 472; cf. Armeniaca II s. v.) ²⁾; граб. kin 'женщина', быть можетъ, слѣдуетъ возводить къ индо-европ. *g²enā или *g²ēnā (Cf. Meillet, Notes arméniennes p. 8 = M.S.L.P. VIII p. 158). Эта утрата конечнаго стараго *-ā произошла уже въ обще-армянскомъ языкѣ и, такимъ образомъ, въ историческую эпоху мы не находимъ болѣе слѣдовъ индо-европейскаго конечнаго *-ā въ именительномъ ед. числа.

Соотвѣтствія граб. ам 'годъ' мы не находимъ въ мушскомъ (въ значеніи <годъ> употребляется tagi = граб. tari 'годъ'); въ соотвѣтствіи съ граб. kin 'женщина' мы ожидали бы въ мушскомъ *kin, но такой формы, въ самостоятельномъ употребленіи, не встрѣчается; мы ее находимъ въ сложеніи: igic-kin 'попадья (точнѣе: the priest's wife)' = erich-a-kin (къ erēch 'священникъ'); въ значеніи грабарнаго kin употребляется kēnik (изъ *kin-ik) 'жена, женщина' (см. выше § 24; срв. Этюды I § 124).

Вообще, слѣдуетъ имѣть въ виду, что въ армянскомъ языкѣ болѣе или менѣе надежныхъ примѣровъ именительнаго ед. числа, восходящихъ къ формамъ индо-европ. именительнаго на -ā, извѣстно очень немного. Нѣкоторые изъ нихъ приведены выше въ § 25 (съ подстрочными примѣчаніями). Прежде Г ю б ш м а н ъ (Armeniaca I pp. 171—172, срв. также Arm. St. I p. 57) возводилъ и граб. ban 'слово, дѣло' (которому въ мушскомъ соотвѣтствуетъ

¹⁾ Приведенную въ Этюдахъ I § 2 авест. форму hama (какъ nom. sing.) слѣдуетъ вычеркнуть. Авестійскою основою являлось ham-. (Bartholomae, Grundriss d. iranischen Philologie I § 402, считаетъ форму hama за instr. sing. и nom. plur. [тематическаго образованія]; cf. Н о г н, Grundriss d. Neupers. Etymologie p. 280 s. n°. 106; здѣсь же указана и вся предшествующая литература предмета о формѣ hama).

²⁾ Замѣтимъ, что изъ индо-европ. *mātruiā могло въ грабарѣ получиться также *maugui или *maugu. Если же мы примемъ во вниманіе такія формы genitivi sing., какъ zard-и и т. д., въ которыхъ и восходятъ къ индо-европ. *-uc-ос или *-uc-es (Grundriss II p. 576), то, быть можетъ, съ большимъ вѣроятіемъ можно будетъ выводить для граб. maugu индо-европ. форму *mātruidā (при которой могла существовать, какъ вариантъ, также и форма *mātruidā, откуда греч. μητροῦδ).

ban 'дѣло') къ индо-европ. формѣ на *-ā и сопоставляя съ нимъ φωνή. Въ настоящее время ban возводится имъ къ индо-европ. *bhā-ni-s (Arm. Gramm. I p. 428; срв. также Grundriss II § 96); см. выше § 36. Относительно граб. azd 'извѣстie' — см. Этюды I § 2 подстрочное прим. 2.

§ 70. **Индо-европейскія основы на *-o-** образовывали именительный ед. числа на *-o-s (въ именахъ не-средняго рода) и на *-o-m (въ именахъ средняго рода); такимъ образомъ, мы, съ одной стороны, имѣемъ: др.-инд. vṛka-s, λύκος, equo-s и т. д., а съ другой: др.-инд. yuga-m, ζυγόν, jugu-m и т. д. (Cf. Grundriss II §§ 194, 227).

Въ грабарѣ конечныя индо-европ. *-o-s, *-o-m должны были исчезнуть, такъ какъ конечныя *-s и *-m, слѣдовавшія за гласными, отпадали (Arm. St. I § 44, 1 d, 2, p. 76), а самый гласный, находясь въ положеніи въ первоначально-конечномъ слогѣ, подлежалъ исчезновенію (Этюды I § 47); это явленіе было уже унаслѣдовано грабаромъ изъ обще-армянскаго языка; срв. выше § 4. Такимъ образомъ, мы имѣемъ въ грабарѣ: mard 'человѣкъ' при др.-инд. mṛta-s, βροτός; gail 'волкъ' при др.-инд. vṛka-s, авест. vehrkas]ša и т. д.; luc 'яро' (имя, восходящее къ первоначальной основѣ средняго рода) при др.-инд. yuga-m, ζυγόν, yugum и т. д.; agaug (agōr) 'плугъ' (первоначальная основа средняго рода) изъ индо-европ. *agātro-m, *arotro-m или *arētro-m (см. выше § 5) при ἀροτρον, arātrum и т. д.

Изъ мущскаго діалекта, въ соотвѣтствіи грабарнымъ именительнымъ ед. числа основъ на -o-, приведемъ слѣдующіе примѣры ¹⁾: ab 'облако' = amb, amp (Arm. Gramm. I p. 417); amis 'мѣсяць' = amis (ib. p. 417); arcath 'серебро' = arcath (ib. p. 424) aḡc 'медвѣдь' = aḡc (ib. p. 425); beran 'ротъ' = beran (ib. p. 429); gel 'волкъ' = gail (ib. p. 431); get 'рѣка' = get (ib. p. 434); -gin

¹⁾ При выборѣ примѣровъ изъ мущскаго діалекта (какъ въ данномъ случаѣ такъ и вообще) мы руководствуемся слѣдующимъ принципомъ: приводить по возможности только такіе, для грабарныхъ эквивалентовъ которыхъ выведены, съ большою или меньшею достовѣрностью, извѣстныя индо-европейскія формы. (Поэтому, для справокъ мы отсылаемъ каждый разъ къ Armenische Grammatik I — Г ю б ш м а н а).

нѣна'. (намъ извѣстно лишь какъ вторая часть въ словеніи an-gin 'безцѣнный' = граб. angin) = gin (ib. p. 434); giser 'ночь' = gi-ser (ib. p. 435); gorc 'дѣло, работа' = gorc (ib. p. 436); hin 'старый' = hin (ib. p. 467); khun 'сонъ' = khun (ib. p. 504); mart 'человѣкъ' = mard (ib. 472); mis 'мясо' = mis (ib. p. 474) и т. д. ¹⁾.

§ 71. Индо-европейскія основы на *-iō- образовывали именительный ед. числа на *-iō-s и *-iō-m; сюда принадлежатъ, напримѣръ, такія образованія, какъ др.-инд. yağ-ya-s 'χυιός', yağ-ya-m 'χυιόν', gav-ya-s 'bovinus', греч. χυιός -ιον, στύγ-ιός, лат. exim-iu-s и т. д. (Cf. Grundriss II § 63). Въ грабарѣ (а также уже и въ обще-армянскомъ) изъ *-iō-s, *-iō-m получилось -i (Этюды I § 35, 5), являющееся въ цѣломъ рядѣ именъ (cf. Grundriss II § 63, pp. 117, 120, 125), какъ напримѣръ: kogi 'масло' (къ kov 'корова'), срв. др.-инд. gavya- 'bovinus' (къ gav- 'bos') изъ индо-европ. *g²o-viō-; li 'полный' изъ индо-европ. *plēiō- (если не изъ *plēto-); kheñi 'дядя со стороны матери'; arsvi (изъ *arsvi) 'орелъ'; gini 'вино'; ordi 'сынъ' и нѣк. др. Относительно происхожденія перечисленныхъ именъ и ихъ соответствій въ родственныхъ языкахъ — см. выше § 26.

Примѣчаніе. Въ извѣстныхъ случаяхъ, благодаря особымъ фонетическимъ условіямъ, какъ мы уже видѣли (см. § 27),

¹⁾ По мнѣнію Гюбшмана (письменное сообщеніе отъ 10 [22] ноября 1898 г.) граб. sug 'мечъ' (котораго онъ не приводитъ въ своей *Arm. Gramm.* I ни въ качествѣ туземнаго слова, ни въ качествѣ заимствованія) — „macht... den Eindruck echtarmenisch zu sein und auf ein idg. *k'uro-s oder *k'oro-s zurückzugehen“. На эту этимологию проф. Гюбшманъ былъ, повидимому, наведенъ этимологіей L. v. R a t g u b á n y, который полагаетъ, что sug „gehört zu ai. saṅu „Pfeil, Speer“, got. haírns etc = idg. k'etu-“. („Armenica“ s. n°. 33, въ издаваемыхъ имъ же „Sprachwissenschaftliche Abhandlungen“ I p. 191). Мы, напротивъ, исходя изъ соображеній культурно-историческаго характера (срв., напримѣръ, что говоритъ Шрадеръ: „Армяне въ своихъ названіяхъ оружія вообще являются учениками персовъ“. Сравнит. языковѣдніе и первобытная исторія, русс. пер., стр. 330), — думаемъ, что граб. sug, которому въ мужскомъ соответствуетъ sug 'мечъ', представляетъ собою иранское заимствованіе. По этому поводу мы уже имѣли случай подробно говорить въ нашей статьѣ — Къ боспорской ономастикѣ (въ „Юбилейномъ сборникѣ въ честь В. Ф. Миллера“) въ особомъ экскурсѣ (стр. 4 — 6 отд. изданія).

въ формѣ именительнаго мы не находимъ конечнаго -i; таковы формы: ail (aiγ) 'alius' (Arm. Gramm. I p. 417); мѣгъ 'средина' изъ *medhio-s (ib. 474) и нѣк. др.

§ 72. **Индо-европейскія основы на -iā-** образовывали именительный ед. числа на *-iā; срв. др.-инд. yaḡ-yā 'veneranda', अग्रिā и т. д.

Въ грабарѣ (и уже въ обще-армянскомъ) индо-европ. *-iā должно было дать -i (подобно *-io-s и *-io-m; срв. § 71); такимъ образомъ, напр. изъ индо-европ. *plēiā 'plena' должно было получиться граб. li. См. выше § 26.

§ 73. Изъ мушскаго діалекта, въ соответствии грабарнымъ именительнымъ ед. числа на -i, — изъ которыхъ нѣкоторые восходятъ къ соответствующимъ индо-европ. формамъ на *-iō-s, *-iō-m, *-i-ā (а въ известныхъ случаяхъ, быть можетъ, и къ ихъ вариантамъ *-iō-s, *-iō-m, *-i-ā), другіе же образовались на армянской почвѣ или иного (не индо-европейскаго) происхожденія, — приведемъ слѣдующіе примѣры: anoti 'голодный' = [a]nauthi, [a]nōthi (Этюды I стр. 4 подстрочное прим.; Arm. Gramm. I p. 479; Bugge, Beiträge p. 22); ozni (при осни, срв. Этюды I § 171) 'ежъ' = ozni (Arm. Gramm. I p. 481); alni 'безъ соли, малосоленный' = anali (при аналі), срв. конст. anli; acēli 'брита' = aceli, срв. тифл. acil (безъ -i); haili 'зеркало' = hayeli; balni-kh (и banli-kh) 'ключъ' = тифл. balni-kh (Тифл. § 205), конст. phanlikh, польско-арм. ralinkh, нахич. phalikh, срв. граб. banali, n. pl. banali-kh; barti 'осина' = barti (срв. каγни 'дубъ' къ каγин 'желудь'); ji 'лошадь' = ji (Arm. Gramm. I p. 470); bargi 'добрый' = bargi; kheḡi 'дядя' = kheḡi; orti 'сытъ' = ordi; oski 'золото' = oski¹⁾; eki 'садъ' = aigi; hoki 'душа' = hogi; garı 'ячмень' = garı и т. д.

Изъ мушскихъ именъ на -ci, -eci, -esi, обозначающихъ мѣсто происхожденія или жительства (см. выше § 32), отмѣтимъ: khaγ-k-eci 'горожанинъ' = khaγakhachi; mēs-eci 'мушецъ, мушскій'; hunan-ci и т. д.

¹⁾ Граб. oski слово не индо-европейскаго происхожденія. По мнѣнію однихъ (Pictet I^o p. 184; Lagarde, Arm. Studien I p. 120; Штакельбергъ, Ирано-финскія лексикальныя отношенія — въ „Древностяхъ Восточныхъ“ I стр. 288) oski тоже, что и финское waski 'again, bronze'. (Противъ этого сопоставленія Шрадеръ, Сравн. языковѣдніе и первобытная исторія, стр. 251 русск. перевода).

Изъ заимствованій на -і въ мушскомъ отиѣтѣмъ: gami 'корабль' (тур.); çavaçi 'хозяинъ кофейни или приготовляющій кофе' (тур.), см. § 66.

§ 74. **Индо-европейскія основы на *-i-** образовывали форму именительнаго ед. числа на *-i-s (отъ основъ не-средняго рода) и на *-i (отъ основъ средняго рода), т. е. въ послѣднемъ случаѣ, въ качествѣ именительнаго (а также и винительнаго) ед. числа являлась самая форма основы. Примѣры: индо-европ. *oçi-s 'овца', откуда др.-инд. avi-s; ḍ(F)ṛ-s, ovi-s и т. д. (cf. Grundriss II § 195); индо-европ. *okzi 'глазъ', срв. относительно исхода: др.-инд. akṣi, iḍṛi, mare (изъ *magi) и т. д. (cf. о. с. § 223, 1). Въ грабарѣ (и уже въ обще-армянскомъ) конечныя *-i-s, *-i исчезли; срв. что сказано было выше относительно судьбы индо-европ. *-o-s, *-o-m § 70) и *-ā (§ 69). Такимъ образомъ, мы имѣемъ въ грабарѣ: sirt 'сердце' изъ индо-европ. ном. sing. neutr. *k'ērdi, срв. др.-инд. hārdi (Arm. Gramm. I p. 490; cf. Joh. Schmidt, Pluralbildung pp. 224, 250) ¹⁾; iž 'змѣя' изъ индо-европ. *eg^hhi-s (*eg^hhi-s) (Arm. Gramm. I pp. 408, 460), срв. др.-инд. ahi-s, авест. aži-s и т. д.; aic, приводимое Гюбшманомъ (ib. p. 417) въ связи съ aīç, можетъ быть сопоставлено съ греч. основою αἰϋ- (въ αἰϋ-βροτος, Grundriss II p. 264), равно какъ и ay 'соль', приводимое имъ же на ряду съ žлç, sal (Arm. Gramm. I p. 414), не съ меньшимъ вѣроятіемъ можетъ быть сравниваемо съ лат. sale 'соль' (напр. у Эниія), žли- (въ žли-πόρφυρος), ст.-слав. соль (Grundriss II p. 265); ban 'слово, рѣчь; дѣло' изъ индо-европ. *bhā-ni-s (ib. § 96; Arm. Gramm. I p. 428), срв. англо-сакс. bēn 'Bitte' ²⁾; sast 'угроза, наказаніе' изъ индо-европ. *k'ēsti-, срв.

¹⁾ За первоначальную основу средняго рода считаетъ sirt также и Бругманъ (Grundriss II p. 264), сравнивая его съ готскимъ hairtō 'сердце', хотя онъ же (ib. p. 533) приводитъ sirt и какъ форму имен. ед. числа отъ основы не-средняго рода, сопоставляя ее съ лат. szirdi-s 'сердце'. (Съ другой стороны, Бругманъ, Grundriss II pp. 450, 457, а также I² § 131, выводитъ sirt, подобно κῆρ, изъ индо-европ. „Wurzelnomen“ *k'ērd).—За первоначальную основу не-средняго рода считаетъ sirt и Томсонъ, который возводитъ обще-армянскую форму *sirt къ индо-европ. „*k'ārdi-s“ (?); см. Тифл. § 315.

²⁾ Раньше граб. ban сопоставлялось съ φωνή и возводилось къ индо-европ. основѣ на -ā, о чемъ см. выше § 69.

др.-инд. *śīsti-* (Arm. Gramm. I p. 489); *śhu* 'походъ, путь' изъ индо-европ. **k²iuti-*¹⁾, срв. др.-инд. *śyuti-* 'das Sichentfernen von, Hervorkommen, Herabfallen' (Arm. Gramm. I pp. 485—486) и т. д.

Изъ мушскаго діалекта, въ соотвѣтствіи грабарнымъ именительнымъ ед. числа старыхъ основъ на **-i-*, мы можемъ привести (изъ имѣющихся у насъ подъ рукою текстовъ) лишь слѣдующіе немногочисленные примѣры: *ban* 'дѣло' = *ban* 'слово, рѣчь; дѣло'; *sirt* 'сердце' = *sirt*; *es* 'коза' = *aic*.

§ 75. **Индо-европейскія основы на **-и-*** образовывали форму именительнаго ед. числа на **-и-э* (отъ основъ не-средняго рода; срв. что сказано выше § 38) и на **-и* (въ среднемъ родѣ), т. е. въ послѣднемъ случаѣ такъ же, какъ и въ основахъ на **-i-* (см. выше § 74), въ качествѣ формы именительнаго (а также и винительнаго) являлась сама основа; такъ, на примѣръ, мы имѣемъ: **sūnu-s* 'сынъ', откуда др.-инд. *sūnu-s*, лит. *sūnù-s*, готс. *sunu-s* и т. д.; **medhu* 'нѣчто сладкое, сладость, медъ', откуда др.-инд. *madhu*, *медъ* и т. д. (Cf. Grundriss II § 196, § 223, 2). Въ грабарѣ (и уже въ обще-армянскомъ) конечныя **-и-э* и **-и* должны были исчезнуть; срв., что было сказано выше относительно судьбы **-i-э* и **-i* (§ 74). Такимъ образомъ, мы имѣемъ въ грабарѣ: *ard* 'устройство, распорядокъ, украшеніе, форма'²⁾ и происшедшее изъ него *z-ard* (*z-* армянскій префиксъ, какъ въ *z-gest* 'одежда') 'ornatus, ornamentum, apparatus, *δικκόσμησις*, *mundus* (*κόσμος*)'—изъ индо-европ. **artu-*, срв. *ἀρτύς* (у Гезихіа) 'соединеніе' (Arm. Gramm. I p. 423); *marh* || *mah* 'смерть', если оно восходитъ къ той же индо-европ. основѣ на **-iу-*, какъ и др.-инд. *mṛtyu-ś*, авест. *meṛdu-* (см. выше § 40); *egēch* 'старшій (напр. сынъ и т. д.); священникъ (по образцу греч. *πρεσβύτερος*)' изъ индо-европ. **preisk^hu-* или **proisk^hu-* (?), срв. *πρέσβυς*, крит. *πρεῖσγυς* (*πρεῖγυς*) и т. д.

¹⁾ Мы, исходя изъ индо-европ. основы **k²iuti-*, ожидали бы не *śhu*, но **śhuu*, срв. *bay* 'verbum' изъ индо-европ. **bhōti-* (cf. Arm. Gramm. I p. 428). Не оказали ли, въ данномъ случаѣ, вліянія другія одвосложныя грабарныя имена на *-и* (какъ-то: *nu* 'своха', *lu* 'блоха')? Въ отношеніи флексіи граб. *śhu* принадлежитъ армянскому склоненію основъ на *-о-* (срв. gen. sing. *śhuoy*), въ чемъ также нельзя не видѣть вліянія тѣхъ же одвосложныхъ именъ.

²⁾ Изъ приводимыхъ Акад. Словаремъ, в. в., пятать видно, что *ard* употреблялось всегда въ соединеніи съ произшедшимъ изъ него *z-ard*.

изъ *presg²u-, *preisg²u- (Arm. Gramm. I p. 444); orth 'теленокъ', — сопоставляемое Lagarde'омъ (Arm. St. p. 121) и Гюбшманомъ (Arm. St. I pp. 46—47, въ сопровожденіи знака вопроса) съ др.-инд. pṛthu-ka- (и приводимое въ связь съ πόρτις etc.), — быть можетъ восходить къ индо-европ. основѣ на -u¹).

§ 76. Далѣе, къ разряду первоначальныхъ основъ на *-u- въ грабарѣ принадлежитъ цѣлый рядъ именъ (существительныхъ и прилагательныхъ), исходящихъ въ именительномъ (и винительномъ) ед. числа на -г. Это явленіе, которое съ грабаромъ раздѣляютъ средне- и ново-армянскій, и которое должно относить уже къ обще-армянскому языку, — восходить, какъ это показалъ Meillet (Notes arméniennes [IX. Les nominatifs en -r des thèmes en -u-] pp. 12 — 13 = M.S.L.P. VIII pp. 162—163) къ индо-европейской эпохѣ; именно, армянскія формы именительныхъ на -г представляютъ собою древніе именительные среднего рода на *-ur; см. также Meillet, I. F. V p. 331. Къ такимъ образованіямъ принадлежатъ: meṅ-г 'медь' (Arm. Gramm. I p. 473); saṅ-г 'посмѣяніе, насмѣшка' изъ индо-европ. *g¹u- (ib. p. 455); as-г 'волна, руно' (основу asu-, вм. *hasu-, изъ индо-европ. *rok'u-[?], Arm. Gramm. I pp. 421 — 422, мы имѣемъ, напримѣръ, въ производномъ прилагательномъ asvi изъ *asu-i 'шерстяной'); sun-г 'колѣно' (indecl.)²), срв. др.-инд. ḡānu, ḡōnu и т. д. (ib. p. 457); khaṅch-г 'сладкій', сопоставленіе котораго съ авест. superl. χvarež-išta- кажется Гюбшману, Arm. Gramm. I p. 502, подозрительнымъ, — возводится

¹) Въ Arm. Gramm. I p. 493 Гюбшманъ считаетъ приведенную этимологию orth ненадежною („unsicher“). — Отъ orth (арм. основа на -u-) 'теленокъ' должно быть отдѣляемо orth (арм. основа на -o-) 'виноградная лоза'.

²) Приводимыя проф. Гюбшманомъ (Arm. Gramm. I p. 457) при indecl. sun-г едн. числа формы множественнаго: nom. sung-kh [у Гюбшмана: sunk-kh], gen. sngach — представляютъ собою формы къ nom. sing. sungn (sunkn) 'колѣно' (gen. sngan, snkan). Форма sun-гn находится несомнѣнно въ родствѣ съ sun-г.

Въ качествѣ родительнаго ед. числа къ несклоняемому въ грабарѣ sun-г можно предполагать *sun-u, срв. maṅ-г 'мелкій', gen. maṅ-u. Meillet, на основаніи этой предполагаемой формы, склонень объясняетъ происхожденіе гласнаго u въ sun-г. („L'-u- [Meillet: -ow-] remonte [въ sun-г] à ō (cf. ἰωνία) ou- provient de l'influence d'un génitif *c u n u [Meillet: *c o w n o w] = *g'o n w o s disparu“. Notes arméniennes p. 13 подстрочное прим. = M.S.L.P. VIII p. 163).

Bartholomae (письменное сообщение Гюбшману, ib. I. с.) къ индо-европ. основѣ *sul^olk^ohu-, какъ къ параллельной формѣ къ *sul^olg^ohu-, откуда авест. *χvegezu-; varj-г 'высокій' изъ индо-европ. *bhr̥g^ohu- (ib. p. 428); thanj-г 'густой', быть можетъ, изъ индо-европ. *ing^ohu- (ib. p. 448); man-г 'мелкій' изъ индо-европ. *m̥nu- (ib. p. 472); san-г 'тяжелый' ¹⁾).

§ 77. Изъ мушскаго діалекта, въ соотвѣтствіе грабарнымъ имени-тельнымъ ед. числа старыхъ основъ на -u-, мы можемъ привести слѣдующіе примѣры: horth 'теленокъ' = orth, срв. польско-арм. fərt, ахалц. fuerth, huerth (Ахалц. стр. 18, 35, 38) — изъ обще-арм. *horth; mah 'смерть' = mah (mah); irech (gen. irəsu) 'священникъ' = erēch (gen. erichu); meṅər 'медь' = meṅr; san-d-г (относительно формы срв. Этюды I § 215) 'колѣно' = sunr; banjər (относительно формы срв. Этюды I § 186) 'высокій' = varjr; khaṅsər 'сладкій' = khaṅchr; man-d-г (см. ib. § 215) 'мелкій' = manr; san-d-г 'тяжелый' = sanr.

§ 78. Отдѣльно слѣдуетъ отмѣтить въ мушскомъ:

1) aṅves 'лисица' = aṅvēs; вслѣдъ за Гюбшманомъ (Арм. Грамм. I p. 415) можно возводить граб. aṅvēs, черезъ посредствующую форму *aṅves ²⁾, къ первоначальной основѣ *alō-reku- или *lōreku- (срв. ἀλωρεκ-), хотя относительно aṅvēs пред-

¹⁾ Этимологию этого прилагательнаго проф. Гюбшманъ не приводитъ ни въ Арм. Studien I, ни въ Арм. Gramm. I. Въ своей болѣе ранней работѣ (1875 г.) — Ueber die Stellung des Armenischen etc. (въ K. Z. XXIII pp. 5—49) онъ сопоставляетъ санг (Гюбшманъ: tsanr) съ осетинскимъ zūn 'schwer', zūn-argh 'theuer' и выставляетъ основу сапу- (Гюбшманъ: tsanu); см. о. с. p. 21 отд. оттиска.

[По поводу осет. zūn-argh 'дорогой, собс. имѣющій дорогую (дословно: тяжелую) цѣну (argh) интересно отмѣтить аналогичное образованіе въ грабарѣ и ново-персидскомъ; въ первомъ мы имѣемъ санг-а-gin 'дорогой', а во второмъ — gerān-bāhā (gerān 'тяжелый, дорогой' и bah 'цѣна') 'id.'. Замѣтимъ, что и въ грабарѣ санг (подобно ново-перс. gerān), помимо обычнаго значенія „gravis (tardus, laboriosus)“, является и иногда также со значеніемъ „pretiosus“].

²⁾ Гюбшманъ полагаетъ, что форма aṅvēs явилась вмѣсто aṅves („da andere Texte in der letzten Silbe armenischer Wörter ɛ sehr häufig für e setzen“). Арм. Gramm. I p. 415).

ставляется также вопрос, не должно ли оно быть рассматриваемо какъ «до-историческое» заимствование ¹⁾).

2) *artəsunkh* 'слеза' (nom. pl. *artəsunknjer*) = nom. plur. *artasu-kh* 'слезы' къ nom. sg. *artasur* (*artōsr*) 'слеза', которое по объясненію Meillet, I. F. V p. 331, восходитъ ближайшимъ образомъ къ **artasur*, гдѣ *-asur* изъ индо-европ. **-ak¹ur*, съ эпентетическимъ и [слѣдовательно, *au*, откуда далѣе *ō*, произошло изъ *aⁿ*], хотя, по справедливому замѣчанію Гюбшмана, *Arm. Gramm.* I p. 426, мы, по образцу *asr* 'волна, руно' изъ **asu-г* и т. д., и ожидали бы **artasr* ²⁾. Что же касается грабарной основы *artasu-* (помимо *artasu-kh* ³⁾ срв. также глаголь *artasvel* 'проливать слезы' изъ **artasuel*), то она можетъ восходить къ индо-европ. основѣ **drak¹u-* (ib. l. c.); форма основы, являющаяся въ граб. *artasu-kh*, должна считаться въ тоже время и обще-армянскою, такъ какъ на зализированный видъ этой основы, встрѣчаемый, напримѣръ, въ мушскомъ, возникъ уже въ періодъ самостоятельной жизни діалектовъ. (Срв. Этюды I § 216).

3) *muḡukh* 'борода'; въ соотвѣтствіи съ этой мушской формой мы находимъ въ грабарѣ: *mauru-kh* (*mōru-kh*), *moru-kh*, *muru-kh* ⁴⁾;

¹⁾ Относительно граб. *ayvēs* и его отношеній къ эквивалентамъ родственныхъ языковъ см. Этюды I § 28, 1 подстрочное прим. 1, гдѣ указана и литература вопроса.

²⁾ Аналогичные случаи эпентезы Meillet видитъ въ такихъ образованіяхъ, какъ *raštəun* 'служба', гдѣ *-əun* (позже *-ōn*) „*repose sur *a m u n, ancien *a m ō n, comme le montre le génitif raštəmanⁿ*“. I. F. V, p. 331.

³⁾ „Der Stamm *artasu-* (des Plurals), — *говоритъ Гюбшманъ (Arm. Gramm. I p. 426), — hat in Auslaut eine Silbe (wie z. B. -ti-) verloren*“. Слѣдовательно, проф. Гюбшманъ полагаетъ, что какъ, напримѣръ, изъ **k²yuti-* получилось граб. *čhu* (см. о. с. р. 485), такъ и изъ **drak¹u-* должно было получиться **artasu*. [Существующая форма *artasu* 'слеза', встрѣчающаяся лишь въ позднѣйшемъ грабарѣ (въ Тагарап'ахъ), см. Акад. Словарь в. в., представляетъ искусственно выдѣленный имен. ед. числа изъ имен. множ. *artasu-kh*].

⁴⁾ Мушское *muḡukh* (см. Этюды I § 95 съ подстрочн. прим. 2) ближайшимъ образомъ соотвѣтствуетъ грабарному варианту *muḡukh* (встрѣчаемому, напримѣръ, у Фауста Византійскаго); въ грабарѣ мы находимъ и также въ прилагательныхъ: *ap-muḡu*, *ap-muḡus* 'безбородый' (при формахъ: *apmō[o]ru*, *ap-mō[o]rus*). Въ другихъ діалектахъ является *i*; срв., напримѣръ, аштаракское *miḡukh*, польско-арм. *miḡag*. [Въ такомъ видѣ приводится эта польско-армянская форма *Написз'омъ* въ

относительно происхождения грабарной основы *могу-*¹⁾ — см. выше § 41.

§ 79. **Индо-европейскія основы на *-п,** какъ известно (Grundriss II § 192), образовывали въ именахъ не-средняго рода форму именительнаго ед. числа отчасти съ конечнымъ носовымъ (т. е. на *-ōп, *-ēп), отчасти безъ него (т. е. на -ō, -ē). Изъ этихъ образований въ обще-армянскій перешли образования на конечный носовой, каковой мы и находимъ въ грабарѣ. Въ именахъ средняго рода обыкновенно являлось *-п (напр. *dhē-пп, откуда др.-инд. dhā-ma, авест. dāma; срв. еще: др.-инд. pāma, авест. pāma [т. е. pāma], др.-перс. pāmā, 𐎱𐎠𐎼𐎿, πομεν и т. д.). Относительно индо-европ. исходовъ *-ōп, *-ēп (для словъ не-сред-

Sur la langue des arméniens polonais p. 92, а. v., и въ Lautlehre d. polnisch-arm. Mundart p. 52; мы, однако, имѣемъ основаніе думать, что въ этомъ диалектѣ звучитъ, по крайней мѣрѣ, miruk]. Въ народной рѣчи встрѣчается также форма *могус*; срв. граб. ап-могус 'безбородый' (образование примѣнительно къ формѣ *могус 'борода', подобно ап-jeḡn 'безрукій' къ jeḡn 'рука', ап-отп 'безногий' къ отп 'нога' и т. д.). Въ какомъ отношеніи находятся здѣсь -s (*могус*) къ -kh (*могукх* и т. д.)? Замѣтимъ, что въ области средне- и ново-армянскаго языка можно указать нѣсколько примѣровъ, гдѣ въ соответствии съ грабарною формою на -kh является форма на -s. Срв., напримѣръ, saḡs 'расходъ' при saḡ-kh; avetis 'славленіе Христа' при aveti-kh '(laetum) nuntium, annunciatio'; ras (зм. rāhs; cf. Айдуниан I p. 78) 'послѣ' при rah-kh (Arm. Gramm. I p. 217) и т. д. Весьма вѣроятно, что нѣкоторые изъ этихъ случаевъ — преимущественно слова книжныя — должны объясняться какъ формы асс. pl.; именно, вслѣдствіе частаго употребленія въ качествѣ прямого дополненія въ извѣстныхъ выраженіяхъ, эти формы стали употребляться и какъ именительныя. — Повидимому, мы и въ самомъ грабарѣ имѣемъ иногда форму на -s вм. формы на -kh; такъ, названіе горы Арапата звучитъ Masis — форма, при которой есть и Masi-kh (род.-дат. Maseach).

¹⁾ По поводу основы *могу-* Гюбшманъ замѣчаетъ: „Im Uebrige ist zu beachten, dass arm. moḡu- im Auslaut eine Silbe (wie ya- u. dgl.) verloren hat“ (Arm. Gramm. I pp. 476 — 477). Однако, врядъ ли есть необходимость предполагать подобное осложненіе основы. Правда, отъ основы *могу-* имен. ед. числа долженъ былъ бы явиться въ формѣ *мог (срв. zaḡd и т. д.), но не можетъ ли *могу-kh* (pl. tantum) представлять старое образование прямо отъ основы *могу-*? (Подобное же явленіе можно предполагать также и относительно *artasu-kh* 'слезы'). Что касается формы имен. ед. числа *mōḡu* (*могу*), отмѣчаемой Акад. Словаремъ (безъ приведенія цитаты), то она, конечно, подобно *artasu* (см. выше), представляетъ уже позднѣйшее образованіе, исходящее изъ формы имен. множ. числа *mōḡu-kh*.

няго рода) и * \bar{n} (для словъ средняго рода) слѣдуетъ имѣть въ виду, что въ грабарѣ (и уже въ обще-армянскомъ) они должны были совпасть, такъ какъ въ полученныхъ изъ нихъ армянскихъ исходахъ (*-un, *-in; *-an) гласный, какъ находящійся въ конечномъ слогѣ, подлежалъ исчезновенію; срв. gaṅn 'ягненокъ' изъ *gaṅn (\bar{g} въ gaṅn изъ g въ положеніи передъ n) при горт. Farḡn, атт. ἄρῆν (Meisterhaus, Gramm. d. att. Inschr. p. 10); anun 'имя' изъ *anvan *anman, гдѣ *-an изъ * \bar{n} , срв. др.-инд. nāma и пр.; inn 'девятъ' (гдѣ -n изъ *-an, которое изъ * \bar{n}) при др.-инд. nava, ἐννέα. Такимъ образомъ, первоначальное различіе между исходами именительнаго ед. числа именъ не-средняго и средняго родовъ носовыхъ основъ — въ обще-армянскомъ было утрачено фонетическимъ путемъ. (Аналогичное явленіе, какъ мы увидимъ далѣе, представляютъ основы на -r; см. § 85).

§ 80. Примѣрами именительнаго ед. числа носовыхъ основъ въ грабарѣ могутъ служить слѣдующіе: šun 'собака' изъ индоевроп. *k^huṃn, срв. κύων; akn 'глазъ', срв. др.-инд. основу ak-š-an-; anjn 'persona'; gaṅn 'ягненокъ' (см. выше); eṅn 'олень'; ezn 'волъ'; anun 'имя' (см. выше) и т. д. — Отмѣтимъ далѣе, что къ тому же классу носовыхъ основъ принадлежитъ многочисленный разрядъ именъ на -iun и, въ особенности, на -u-thiun, напримѣръ: aṅiun 'кровь', thagavoruthiun 'царство' и т. д.

Примѣчаніе. Именительный ед. числа не-носогого образованія отъ основы на -n, являющейся въ косвенныхъ падежахъ, можетъ быть указанъ въ aig 'мужъ', срв. родит. и дат. ед. числа aṅn (см. выше § 43).

§ 81. Изъ мушскаго, въ соответствіи съ грабарнымъ именительнымъ ед. числа носовыхъ основъ, мы можемъ привести слѣдующіе примѣры:

1) Именительные, соответствующіе грабарнымъ на -un: šun 'собака' = šun; ašun 'осень' = ašun; garun 'весна' = garun¹⁾; anun 'имя' = anun.

¹⁾ garun по своему образованію, какъ предполагаетъ Гюбшманъ, Агт. Gramm. I p. 433, можетъ быть разложено на gar+un, т. е. -un можно разсматривать какъ готовое окончаніе, присоединенное къ формѣ имен.-вн. *gar

Примѣчаніе 1. Грабарное *tup* 'домъ', которому въ мушскомъ соотвѣтствуетъ *tup*, представляетъ основу на -п, возникшую фонетическимъ путемъ на армянской почвѣ. Грабарное *tup* возводится къ одной изъ индо-европ. формъ *nom-nativi sing.* — **dōm* (см. Bartholomae, Studien II p. 36; I. F. I p. 310); конечное старое *-m обращалось въ грабарѣ (и уже въ обще-армянскомъ) въ -п.

2) Именительные, соотвѣтствующіе грабарнымъ на -iup и -u-thiup, причемъ въ соотвѣтствіи съ -iup¹⁾ въ мушскомъ является -up, а въ соотвѣтствіи съ -u-thiup мы имѣемъ -u-tien:

а) *sup* 'столбъ, колонна' = *siup* (изъ индо-европ. **k^hi[ī]uōn*²⁾), срв. *κίων*, по Bartholomae, Studien II p. 36, подстрочн. прим. 1; срв., впрочемъ, что сказано въ Этюдахъ I pp. 49—50); *agup* 'кровь' = *agiup* и т. д.

Примѣчаніе 2. Грабарное *jiup* 'снѣгъ', которому соотвѣтствуетъ мушское *jup*, представляетъ, подобно вышеприведенному *tup* 'домъ' (см. пунктъ 1, прим. 1), основу на -п, возникшую на армянской почвѣ. Граб. *jiup* восходитъ къ индо-европ. формѣ **g^hhiōm*; съ *jiup* срв. *κίων* изъ **κίωμ*. (cf. *δύσ-χμς*). См. Bartholomae, Studien II p. 36; срв. Arm. Gramm. I p. 471³⁾.

(которое Гюбшманъ, I. с., выводитъ изъ **gehağ* изъ индо-европ. **vesg* = *ξαρгом*. *Féar*). Быть можетъ, здѣсь оказало вліяніе *asup* 'осень', этимологія котораго неизвѣстна. Срв. тождественность исхода въ другой парѣ названій времени года: *am-ağ-n* 'лѣто': *jm-eğ-n* 'зима'.

¹⁾ „Le -i w n [мы пишемъ: -iup] de *goçhiwn* 'cri', gén. *goçhman* (de **goçhiman*) représente de même **imun* **imōn*“ (Meillet I. F. V p. 331). Индо-европ. **-ōn* Meillet указываетъ (ibid.) въ *paštaun*, гдѣ „-awn [мы: -aup] repose sur **amun*, ancien **amōn*, comme le montre le génitif *paštaman*“, причемъ -w- въ -awn объясняетъ эпентезою точно такъ же, какъ и -w- въ *artawsg* (мы: *artawsg*) 'слезъ', гдѣ „-awsg repose sur **asur* (i. e. **a^hkur*), avec épenthèse de u“ (ib.). Но почему **amun* дало -aup (Meillet: awn), а не -aumn?

²⁾ Раньше Гюбшманъ, и вслѣдъ за нимъ Бругманъ (Grundriss II p. 342 = Тифл. § 234), выводилъ *siup* 'столбъ', мушс. *sup*, „aus arm. [Бругманъ I. с.: „*garman*“; Томсонъ I. с.: „древне-общееарм.“] **siṽan* oder **seṽan*“, принимая, что и греч. *κίων* „müsste also für **κί Fw* stehen“ (Arm. St. I p. 49).

³⁾ Раньше Гюбшманъ (Arm. St. I p. 40), сопоставляя *jiup* не съ *κίων*, но съ др.-инд. *hēman* (loc.), *κίμων* и принимая переходъ въ армянскомъ *-m- въ

b) *uraγutien* 'радость' (вѣроятно слово книжное) = *uraγuthiun*; *lavutien* 'добро, благодѣяніе' = *lavuthiun*; *ne:utien* 'стѣсненіе, безпокойство' = *neγuthiun*; *eutien* 'положеніе' = *ēuthiun* 'οὐσία, ὑπάρξις'; *lenutien* 'широта' = *lainuthiun*; *zoreγutien* 'мощь, сила' = *zau[ō]-reγuthiun*; *zoruthien* 'могущество, сила' = *zau[ō]ruthiun*; *patmutien* 'разсказъ, исторія' (слово книжное) = *patmuthiun*; *erkær-pakutien* 'поклоненіе (собс. земле-поклоненіе)' (слово, относящееся къ церковному ритуалу и проникшее изъ языка церкви) = *erkraguthiun* 'προσκύνησις, adoratio, veneratio'; *oγcutien* 'здоровье' = *oγγuthiun*; *hašoγutien* 'удача' = *yašoγuthiun*; *barekamutien* 'дружба' (слово книжное) = *barekamuthiun*; *harəstutien* 'богатство' = *harstuthiun*; *tirutien* (въ выраженіи: *tirutien enjel* 'заботиться') = *tēruthiun* 'dominatio, imperium'; *Harutien* (собств. имя) = *yaγuthiun* 'воскресеніе (изъ мертвыхъ)' ¹⁾.

Отъ заимствованій мы находимъ слѣдующія образованія: *saγutien* 'здоровье, цѣлость' отъ *saγ* 'цѣлый, здоровый' = тур. *saγ* 'droit, sain, entier, vivant'; *ašγutien* (и *ažγutien*) 'ашухство', искусство или занятіе ашуха' отъ *ašəγ* 'народный пѣвецъ, слагатель стиховъ, ашухъ' = тур. (съ арабс.) *ašəγ* 'стихотворецъ'; *dušnamutien* 'вражда, неприязнь' отъ *dušman* 'непріятель, врагъ' = тур. (съ перс.) *düşman*; *thoğarutien* 'занятіе купца, торговля' къ *thoğar* 'купецъ' = тур. *tuğar* съ арабс. *tuğğar* (plur.) и т. д.

3) Именительные, соотвѣтствующіе грабарнымъ именительнымъ, исходящимъ на группу <consonans + n>: *ak* 'источникъ' = *akn*

*-v- (см. выше § 44 подстрочное прим.), выводилъ основу **jivan-* (изъ **jīman-*), отъ которой образованъ ном. *jīun* (изъ **jiv-n*), гер. *jean* (изъ **jīan* [срв. Этюды I § 113 прим. 1] = **jīvan-*). Ему слѣдовалъ Б р у г м а н ъ, приводящій *jīun* какъ примѣръ для индо-европ. основы на *-men- (Grundriss II pp. 344, 347), а также Т о м с о н ъ (Тифл. § 234) и мы (Этюды I § 103 и § 113 прим. 1).

¹⁾ Въ армянскомъ языкѣ существуетъ нѣсколько собственныхъ именъ, которыя, какъ *nomina appellativa*, обозначаютъ извѣстныя христіанскія праздники. Такъ, помимо приведеннаго выше мушс. *Harutien* (въ литературномъ ново-арм. *Haruthiun*, пишется — *Yaγuthiun*), отмѣтимъ еще ново-арм. *Nambarjumn* (= граб. *Nambarjumn* „Вознесеніе“) и пр.

(Аналогичные случаи превращенія названій праздниковъ христіанской церкви въ собственные имена извѣстны и въ вѣкоторыхъ другихъ языкахъ, напр. греческомъ, испанскомъ и др.).

‘глазь, источникъ’¹⁾; gaġ ‘ягненокъ’ = gaġn; yez ‘воль’ = ezn; amaġ ‘лѣто’ = amaġn; arh ‘берегъ’ = arhn; arnung (съ назализаціей, о чемъ см. Этюды I § 216; срв. конст. тифл. и т. д. arnung и встрѣчающееся, по указанію Акад. Словаря, уже въ грабарныхъ текстахъ arnunk) ‘локоть’ = arnukn (при arnuk); asjeu ‘иголка’ = aseun; aġiey ‘лукъ’ = aġeyn²⁾; buġ ‘гореть’ = buġn; bier ‘тяжесть, ноша’ = beġn; lieġ ‘гора’ = leaġn; lusnak ‘луна’ = lusnakn (М о и с е й Х о р е н с к і й, Ист. Арм., кн. II гл. 70) ‘луна (по переводу Э м и н а), лунный свѣтъ (по Акад. Сл.)’, при которомъ есть и lusnak ‘лунный свѣтъ, лунная ночь’³⁾; duġ ‘дверь, воро-

¹⁾ Значеніе „источникъ“ на ряду со значеніемъ „глазь“ находитъ аналогію въ араб. ‘ain и евр. ‘ayin, которыя значать „глазь“ и „источникъ“, срв. также ново-перс. saim „глазь“ при saima „источникъ, фонтанъ“.

Замѣтимъ, что въ грабарѣ акн имѣеть еще значеніе „драгоценный камень“ (срв. тифл. ак). Оставляя въ сторонѣ вопросъ, поднятый Г ю б ш а н о м ъ (Arm. Gramm. I р. 414), принадлежитъ ли акн въ значеніи „драгоценный камень“ къ акн „глазь, источникъ“, — мы отмѣтимъ только аналогію, представляемую груз. thuali, которое имѣеть оба значенія: „глазь, драгоценный камень“ (а также третье — „колесо“). (См. статью Д ж а н а ш в и л и — Драгоценные камни, ихъ названія и свойства — въ „Сборникѣ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племень Кавказа“ вып. XXIV стр. 3).

Наконѣцъ, отмѣтимъ, что -акн входитъ какъ вторая часть сопровиті, въ слова: aregakn ‘солнце’; lusnakn ‘луна или лунный свѣтъ’ = мушс. lusnak; rhaalakn ‘fulgor’; kaicakn ‘scintilla, fulmen’ = мушс. ke[i]cak. Во всѣхъ этихъ сложеніяхъ -акн значить, вѣроятно всего, „глазь“, по крайней мѣрѣ въ aregakn и lusnakn. (Срв. понятіе „глазь“, входящее въ составъ выраженій для обозначенія солнца и у вѣкоторыхъ другихъ народовъ: Soph. Ant. 860 ἱερὸν ὄμμα; Малайцы: глазь дня = солнце. См. А. Веселовскій — Психологическій параллелизмъ и его формы — въ „Журн. Мин. Нар. Просв.“ 1898, мартъ. Кромѣ того, въ самомъ древне-армянскомъ языкѣ [грабарѣ] существуютъ слѣдующія описательныя выраженія понятія — „солнце“: акн arevu, акн lusoy, акн tvəŋgean.

²⁾ Aġeyn ‘лукъ’ (подобно aseun ‘иголка’) представляетъ, какъ полагаетъ Bugge, Beiträge р. 36, примѣръ распространенія основы носовымъ суффиксомъ. В u g g e сравниваетъ aġeyn съ (позднимъ) древне-инд. aḡā-s ‘gebogen, gebogener Arm’; напротивъ, Г ю б ш а н ъ, Arm. Gramm. I, р. 421, возводитъ aseun (изъ *asun) къ первоначальному *ak’lōn или *ak’lū. (Подобнымъ образомъ, т. е. распространеніемъ основы носовымъ суффиксомъ, В u g g e, о. с., объясняетъ leaġn ‘гора’ (р. 8) и eynun ‘ноготъ’ (рр. 34—35), гдѣ eynun- (е- протетическое) изъ *ungū- (метатеза!), срв. ungula.

³⁾ По образованію lusn-акн изъ *lusin-акн (lusin ‘луна’) представляетъ полную аналогію съ areg-акн ‘солнце’, въ составъ котораго входятъ areg, имѣющее

га' = duġn; [ə]ḡung 'ноготь' = eḡungn; thġoġ 'внукъ' = thoġn; ḡurh 'крышка' = ḡurhn; kġoḡm 'сторона' = koḡmn (при koḡm) ¹⁾ 'сторона; часть; бокъ; мѣсто'; kġsак (kġsак) 'молнія' = kġsакn; hars 'невѣстка' = harsn (изъ индо-европ. *rġk'ġn, Arm. Gramm. I p. 465); jġmieġ 'зима' = jmeġn; juk 'рыба' = jukn; jġeġ (при jġeġkh) 'рука' = jeġn (nom. pl. jeġ-kh); mat 'палець' = matn; muk 'мышь' = mukn; kath 'молоко' = kathn; mġġim 'муравей' = mġġimn (при mġġim, которому въ мушскомъ соотвѣтствуетъ mġġimn); nuġ 'гранатовое яблоко' = nuġn; ertum 'клятва' = erdumn; sierm 'сѣмя' = sermn; sisieġ 'горохъ' = siseġn; anġieḡ 'гагара' = anġeḡn (при anġeḡ) и т. д. — Срв. въ области мѣстоименій и числительныхъ: inkh 'самъ, ipse' = inkhn; yġth 'семь' = euthn (eġthn); tas 'десять' = tasn; in 'девять' = inn.

Примѣчаніе 3. Относительно только что приведенныхъ yoth 'семь' и tas 'десять' должно имѣть въ виду, что ихъ грабарныя параллели euthn (позднѣе: eauthn и eġthn) имѣютъ -n, которое явилось уже на армянской почвѣ изъ стараго *-m. (Срв. вышеприведенныя tun 'домъ' и jġim 'снѣгъ'). Именно, euthn получило изъ *evthan, гдѣ *-an изъ *-am, которое восходитъ къ *-m, срв. др.-инд. sarta, ḡptā, septem изъ индо-европ. *septm; также tasn изъ *tasam *tasam = индо-европ. *dek m, срв. др.-инд. daḡa, dġka, decem. (Съ euthn и tasn сопоставьте inn, полученное изъ *enn, *enan, *envan = индо-европ. *ennc, срв. ḡvva и др.-инд. nava).

§ 82. Въ соотвѣтствіи съ грабарнымъ nom. sing. на «consonans + n» какъ въ мушскомъ, такъ и въ другихъ ново-армянскихъ діалектахъ, а также уже и въ средне-армянскомъ, мы имѣемъ форму на «consonans безъ n», — что является однимъ изъ существенныхъ отличительныхъ признаковъ средне- и, особенно,

значеніе — „солнце“ (срв. армянскій переводъ ḡlioupolis — Areg khatak) и akn 'глазъ'; такимъ образомъ, aregakn собс. значить „солнца глазъ“; слѣдовательно, lusnakn — „луны глазъ“.

¹⁾ Если сопоставить koḡmn съ koḡ 'бокъ, сторона', то -mn можно разсматривать какъ армянскую приставку; подобнымъ же образомъ Гюбшманъ смотритъ на -mn и въ atamn 'зубъ' (Arm. Gramm I p. 422).

ново-армянскаго языка отъ грабара. Сравнимъ для примѣра нѣсколько ново-армянскихъ диалектовъ ¹⁾:

Мушскій.	Ванскій.	Константи- нопольскій.	Польско-ар- мянскій.	Ахалцых- скій.	Тифлисскій.	Грабарь:
hars		hars	hars	hars	hars	harsn
armung		armung			armung	armukn
jəmiēr		chəmeēr	səmer	səmjeēr	j[ə]mir	jmefn
amaf	amaf	amaf	amar		amar	amafn
gaf	gaf				gar[ə]	gafn
muk		mug	muγ	mug	muk[ə]	mukn
duf	duf	thuf	tur		dur[ə]	dufn
[ə]rəng			ohung		rəng[ə]	erəngn

Это явленіе, встрѣчаемое нами уже въ средне-армянскомъ ²⁾, слѣдуетъ считать окончательно развившимся на почвѣ ново-армянскаго, хотя нѣкоторые слѣды его возможно указать и въ самомъ грабарѣ, гдѣ мы при извѣстныхъ, обычныхъ формахъ пом.: sing. на «sonopans + n» находимъ иногда параллельныя формы на

¹⁾ Ванскія формы заимствуемъ отчасти у Sereneh'a („Vavay saz“), отчасти изъ собранныхъ нами матеріаловъ; константинопольскія приводятся по нашимъ наблюденіямъ; ахалцыхскія и тифлисскія выписаны изъ трудовъ Томсона по этимъ диалектамъ (транскрипція наша!); агулисскія приводятся по Саргсянцу. — Относительно тифлисскихъ формъ, имѣющихъ заключеннымъ въ прямыхъ скобкахъ, напр. gar[ə], должно имѣть въ виду, что у Томсона онѣ приводятся безъ оныхъ (напримѣръ, garə); такъ какъ -ə въ этихъ формахъ мы объясняемъ иначе, чѣмъ Томсонъ, то мы и заключили его въ скобки. Срв. Этюды I § 79 подстрочное прим. 1. (стр. 75—76).

²⁾ Ограничиваемся лишь указаніемъ на „Сборники притчъ Вардана“ (изд. Марра), гдѣ въ изобиліи встрѣчаются формы безъ -n, а также на ряду съ формами на -n — въ вариантахъ руки. формы безъ -n. Примѣры: nuī (р. 207), gaf (р. 323), z-jeī-d (р. 294), muk (р. 35); leaf при var. leafn (р. 82), juk при jakn (р. 83), thoī при thoīn (р. 97), gafn при gaf (р. 259) и т. д.

Въ виду указаній, даваемыхъ намятниками средне-армянскаго, мы находимъ нужнымъ разсматривать формы съ -n, приводимыя изъ языка начала XVIII вѣка Schrodеромъ (Thesaurus p. 307: jakn) и Мхитаромъ Севастьянскимъ (Грамматика pp. 21.—22: dufn, gafn, lefn и т. д., при accus.: dufo и т. д.), — какъ грабаризированныя и поэтому несоответствующія живой рѣчи того времени

«consonans безъ п». Въ качествѣ подобныхъ параллелей можно привести слѣдующія: sermn 'сѣмя' || serm; koyma 'latus, regio, pars' || koym; inkhn 'ipse' || inkh; saymn 'embryon' || saym; у Фауста Византийскаго: i je ė d kho emkh (см. Вагратуни § 1094; Aidynian I p. 74) и т. д. ¹⁾).

§ 83. **Индоевропейскія основы на *-г**, подобно основамъ на *-п (см. выше § 79), образовывали въ именахъ не-средняго рода двѣ пары формъ именительнаго ед. числа: на *-ĕr, *-ōr и *-ē, *-ō (Grundriss II § 192). Въ обще-армянскій, и оттуда въ грабарь, а также въ средне- и ново-армянскій, перешли образванія на конечный плавный.

Такимъ образомъ, мы имѣемъ въ области именъ родства слѣдующіе примѣры ²⁾: индоевроп. *pātēr 'отецъ': граб. hair, срв. πατήρ, pater; индоевроп. *māter 'мать': граб. maір, срв. дорич. μάτηρ, māter; индоевроп. *bhrātēr (или *bhrātōr) 'братъ': граб. eymbair, срв. φράτηρ (и -τωρ), frāter; индоевроп. *dāivēr (или dāivēr)

¹⁾ Мы думаемъ, что происхожденіе подобныхъ параллельныхъ формъ въ грабарѣ двойное. Съ одной стороны, мы, несомнѣнно, должны признать вліяніе народнои рѣчи. Это, повидимому, иногда допускали и составители Ак. Слов., прибавляя: „ogres ėmk. (т. е. ėamkakan)“, „grė ev ibrev ėmk.“ [т. е. „какъ простовародное“, „пишется такъ же, какъ и простовародное“]; см., напр., Ак. Слов. в. vv. germa || gerė, inkh и др. Съ другой стороны, быть можетъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, слѣдуетъ видѣть въ формахъ nom. sing. на „consonans безъ п“ формы первоначальныя (или, по крайней мѣрѣ, болѣе первоначальныя), а въ формахъ на „consonans + п“ — формы распространенныя; такъ, вапримѣръ, ogm (gen. ogmoу) 'сѣва' форма первоначальная, а ogmn — распространенная, вторичная (срв. Вугге, I. F. I p. 442); также форма koym 'latus, regio, pars' (при коу 'latus') болѣе первоначальная, нежели koymn.

Кромѣ того, достойно вниманія, что говоритъ Вагратуни (§ 1094) относительно тѣхъ случаевъ, когда являются формы на „consonans безъ п“, именно въ стакахъ и при присоединеніи „лице-опредѣляющихъ“ частицъ: -s (1-го лица), -d (2-го лица); слѣдовательно, форма jeėd (у Фауста Виз.) вм. jeėnd, быть можетъ, представляетъ также упрощеніе извѣстной группы. Срв. также, что сказано въ Ак. Слов. по поводу inkh (s. v.).

(Вообще, вопросъ о чередованіи въ грабарѣ формъ nom. sing. на „consonans + п“ и „consonans безъ п“ нуждается въ болѣе подробномъ изслѣдованіи).

²⁾ Исторію грабарныхъ именъ родства, принадлежащихъ къ основамъ на -г, см. у Гюбшмана въ статьѣ Armeniaca I [2. Zur Declination der Verwandtschaftsnamen] p. 168 sq.

‘деверь’: граб. *taigr*, срв. *δαῖρ* изъ **ḍamFhr̥*; индо-европ. **svesōr* ‘сестра’: граб. *khoir* (изъ **khour* **kheur* **khehur*, cf. Bartholomae, Studien II p. 26 и Meillet, I. F. V p. 331), срв. *zoror*.

Изъ основъ, не принадлежащихъ къ именамъ родства, отмѣтимъ граб. *astu* ‘звѣзда’ изъ индо-европ. **astēr* (Agm. Gramm. I p. 421; I. F. VII p. 54).

§ 84. Въ формѣ именительнаго (и винительнаго) имешь средняго рода, въ качествѣ одного (болѣе обычнаго) изъ суффиксовъ, являющъ въ праязыгѣ *-r̥ (срв. *ἦμαρ*, *οὐρανός* etc.), отсюда въ общеармянскомъ было получено *-ar (cf. Grundriss I² § 507, 1), напр. *aṙbiur* ‘источникъ’ изъ **aṙbiuar* **bṙuar*, изъ индо-европ. **bhr̥eag*, срв. *φρέαρ* изъ **φρηFар* (cf. о. с. I² § 330, 1, § 507, 1; II p. 559). Надо имѣть въ виду, что древнѣйшею формою является *aṙbeur* съ *eu* (см. Этюды I § 105); поэтому, быть можетъ, правъ Гюбшманъ, возводя обѣ формы съ *-iu-* и *-eu-* (слѣдовательно, считая *-iu-* болѣе позднимъ вариантомъ *-eu-*) къ индо-европ. nom. sing. **bhr̥eug* (gen. **bhr̥eugros*), Agm. Gramm. I p. 415, представляющему вариантъ формы **bhr̥eug* (gen. **bhr̥eugros*), къ которой восходитъ *φρέαρ* изъ **φρηFар* (срв. гомер. *φρή[F]ατα*, въ текстахъ *φρέατα*). Bartholomae (Studien II p. 26) считаетъ возможнымъ видѣть въ *aṙbeur* и *aṙbiur* не только хронологическую разницу: *aṙbeur* онъ выводитъ изъ **aṙbeuar* (или, даже, изъ **aṙbeuir*, съ *-ur* изъ индо-европ. *-ōr; срв. съ одной стороны *φρέαρ*, съ другой—*τέχμαρ* при *τέχμαρ*), а *aṙbiur* — изъ индо-европ. формы съ **eu*, къ которой восходятъ греческія ¹⁾. — На болѣе рѣдкій индо-европ. суффиксъ *-ōr (срв. *τέχμαρ*, *ὄδωρ*, см. Grundriss II § 224 Anm., подъ 2), быть можетъ, указываетъ (если вѣрна этимология) *aug* (*ōr*) ‘день’, будемъ ли мы его выводить изъ индо-европ. **a-mōr* (какъ Meillet, I. F. V p. 331), или же изъ **a-vōr* (какъ Bartholomae, Studien II p. 37). ²⁾

¹⁾ Къ этому же разряду основъ принадлежитъ *aṙeur* (*-iur*) ‘болото’ (при *erteur*, *-iur*, о чемъ см. Этюды I § 3, 1) изъ первоначальной формы **erdeug* или **dreug*; подробности см. у Bugge, Beiträge p. 35 и въ Agm. Gramm. I p. 415. — Относительно *aleur* (*aliur*) ‘мука’ см. ниже (§ 86).

²⁾ Bartholomae (l. c.) считаетъ возможнымъ возводить *aug* (*ōr*) и къ обще-арм. формѣ **avar* (слѣдовательно, съ *-ar* изъ индо-евр. *-r̥). Срв. также J,

§ 85. Относительно индо-европейских исходовъ *-ēg, *-ōg (для словъ не-средняго рода) и *-g [рѣже *-ōg] (для словъ средняго рода) мы должны имѣть въ виду, что въ грабарѣ (и уже въ обще-армянскомъ) они должны были совпасть, такъ какъ въ полученныхъ изъ нихъ армянскихъ исходахъ (-*ig, *-ur; *-ag, *-ur) гласный, какъ находящійся въ конечномъ слогѣ, подлежалъ исчезновению; срв., съ одной стороны, maig 'мать' изъ обще-арм. формы *maig, изъ индо-европ. *mātēr и т. д., съ другой — aubeur 'источникъ' изъ *aubeuar, съ -ag изъ индо-европ. *-g (срв. § 84) и т. д. Такимъ образомъ, первоначальное различіе между исходами именительнаго ед. числа именъ не-средняго и средняго родовъ было утрачено фонетическимъ путемъ уже въ обще-армянскомъ. Совершенно аналогичное явленіе представляетъ намъ исторія носовыхъ основъ (см. выше § 79).

Примѣчаніе. Армянскую основу на -g представляетъ граб. oskr 'кость' изъ *ost-kr- (Meillet, M.S.L.P. VIII p. 296; cf. Arm. Gramm. I p. 482) = мушс. oskor¹⁾.

§ 86. Изъ мушскаго, въ соответствии съ вышеприведенными грабарными примѣрами, можемъ указать слѣдующіе: her 'отецъ' = hair; mer 'мать' = maig; aurer 'братъ' = e bair; hor-oxrer 'дядя со стороны отца, собс. отца-братъ' = hau[ō]reybair; khur 'сестра' = khoir; mor-kur 'тетка со стороны матери, собс. матери сестра' = mau[ō]rakhoir; astəy 'звѣзда' (почему въ концѣ мы имѣемъ въ этомъ словѣ -y, а не -g, остается неяснымъ; см. Этюды I § 194, 1 и подстрочное прим. 2) = asty; oskor 'кость', см. выше (§ 85 прим.); or 'день' = aur (ōr); aurer 'источникъ' = aubeur (-iur); alur 'мука' = aleur (aliur); это грабарное слово (aleur, -iur), представляющее по Bugge 'Lehnwort aus gr. ἄλευρον' (K. Z. XXXII pp. 40 — 41), мы, вмѣстѣ съ Гюбшманомъ (Armen. Gramm. I

Schmidt, Pluralbildung p. 195. — Томсонъ, Тифл. § 219, сопоставляетъ aur съ ἦμαρ.

¹⁾ В Bartholomae (Studien II p. 12) предполагается, что граб. oskr восходитъ къ индо-европ. основѣ *sk²u-, откуда авест. ascu- 'Schienbein, Wade' (cf. ὀσφός изъ формы съ *k²h).

р. 414), считаемъ за исконно-армянское и сопоставляемъ съ гомер:
ἄλειψο¹)).

§ 87. Въ качествѣ именительныхъ ед. числа, восходящихъ къ именительнымъ индо-европейскихъ двусложныхъ основъ, мы можемъ указать въ грабарѣ только слѣдующіе: kov 'корова' изъ индо-европ. *g²ōu-s, срв. др.-инд. gāuś, βούς (Arm. Gramm. I p. 461); pav 'корабль' (см. выше § 48) изъ индо-европ. *pāu-ə, срв. др.-инд. pāuś, ναῦς. Послѣдній примѣръ (pav) можно приводить, впрочемъ, лишь съ оговоркою, такъ какъ относительно грабарнаго pav возникаетъ вопросъ, не представляетъ ли оно культурнаго заимствованія изъ средне-персидскаго²). (Cf. Arm. Gramm. I pp. 17, 201).

Въ мушскомъ грабарному kov соответствуетъ кцов 'корова'; соответствія же граб. pav, которое должно было бы звучать также *pav (срв., напримѣръ, ванс. pav 'корабль, вообще парусное судно'), кажется, нѣтъ: по крайней мѣрѣ, въ значеніи «корабль» употребляется турецкое заимствованіе gami.

ЗВАТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖЪ.

§ 88. Извѣстно, что въ индо-европейскомъ праязыкѣ особая форма звательнаго существовала лишь въ ед. числѣ именъ не-средняго рода и, притомъ, только отъ извѣстныхъ основъ; что же касается двойственнаго и множественнаго, а также именъ средняго рода всѣхъ чиселъ, то здѣсь звательный формально совпадалъ съ именительнымъ, т. е. въ значеніи vocativi употреблялся

¹) Можетъ возникнуть вопросъ относительно родства aleu сь ἀλευρον по образованію основы. Въ такомъ случаѣ, aleu можетъ быть рассматриваемо какъ примѣръ перехода изъ основъ на -o- въ основы на -г- подъ влияніемъ такихъ формъ, какъ aubeu и т. д. (Gen. aleg: nom. aleu = nom. aubeu: gen. auber).

²) Въ средне-персидскомъ *pāv не встрѣчается; оно является въ pāvāk ('schiffbar'); срв. также ново-персидское pāv 'navicula'. — Слѣдуетъ замѣтить, что въ многихъ ново-армянскихъ діалектахъ употребляется pav въ значеніи 'желоба, по которому пускаютъ воду, приводящую въ движеніе мельничное колесо'; въ этомъ значеніи арм. pav представляетъ заимствованное ново-персидское pāv 'canal', per quem aqua molam agens fluit', срв. средне-перс. pāvāk 'Canal'.

nominativus (см. Delbrück, Grundriss d. vergl. Grammatik III, 1, § 73; Grundriss II § 200).

Далѣе, въ различныхъ индо-европейскихъ языкахъ известны случаи, когда вмѣсто формы vocativі употребляется форма nominativі (Delbrück, о. с. § 188), а также можно указать и вообще случаи замѣны звательнаго именительнымъ, даже и тогда, когда первый могъ имѣть особую форму (ib. § 189); срв. такіе случаи, какъ φίλος, audi tu populus Albanus (Liv. I, 24, 7) и т. д.

Грабарь (равно какъ уже и обще-армянскій) не сохранилъ формъ звательнаго падежа въ тѣхъ основахъ, въ которыхъ онъ существовалъ въ праязыкѣ и замѣнилъ его повсюду формою именительнаго (иногда съ междометіемъ). Къ замѣнѣ звательнаго именительнымъ могло способствовать также и то обстоятельство, что форма звательнаго въ тѣхъ основахъ, которыя въ праязыкѣ имѣли особую форму для этого падежа, исходившую на гласный, — должна была совпасть съ формою именительнаго; такъ, напримеръ, конечное *-е въ звательномъ отъ основъ на *-о- (срв. др.-инд. асва, ईप्ते, еque и т. д.) должно было въ армянскомъ исчезнуть, и, такимъ образомъ, форма *maṛd*, обычно считаемая за именительный падежъ ('человѣкъ'), можетъ равно восходить и къ индо-европ. nom. sing. *mṛtos и къ voc. sing. *mṛte (см. Этюды I Add. et corr. § 12-bis); также и въ старыхъ основахъ на *-ā- (женс. рода) конечное *-а въ формѣ звательнаго (срв. вед. *amba*, гом. *ῥῆμα*, ст.-слав. *рѣмо* и т. д.) должно было исчезнуть еще въ обще-армянскомъ (ibid. § 2).

Въ ново-армянскихъ діалектахъ, въ томъ числѣ и въ мужскомъ, мы находимъ нѣкоторыя слѣды, присущіе особенностямъ акцента индо-европ. звательнаго. Послѣдній, какъ принято думать, имѣлъ удареніе оттянутымъ на первый слогъ формы ¹⁾, срв. индо-европ. форму vocativі *māter 'о мать!' при nom. *matē[r] 'мать', откуда др.-инд. *mātar*, *मृतर* — при именительныхъ др.-инд. *mātā*, *मृतर*. Подобное же явленіе мы имѣемъ и въ ново-армян-

¹⁾ Иначе смотреть на вопросъ объ акцентуаціи звательнаго въ индо-европейскомъ праязыкѣ Hirt, въ своемъ изслѣдованіи — *Der indogermanische Accent* p. 296. (По этому поводу см. у Brugmann'a — *Grundriss I* § 1043 Anm.).

скихъ діалектахъ ¹⁾, звательный падежъ (обоихъ чиселъ) которыхъ, формально обыкновенно равный именительному, въ нѣкоторыхъ словахъ, въ отличіе отъ именительнаго, является съ оттяжкой ударенія; какъ особую форму звательнаго въ мушскомъ — мы можемъ привести только vocat. sing. áx̄sí 'дѣвица' къ пом. sing. аx̄síк; срв. подобную же форму и въ другихъ діалектахъ, напр. тѣол.; эриванс., ахалц. аx̄šhi (при пом. аx̄šhik), агул. áx̄šhi (при пом. аx̄šhikj) ²⁾. Быть можетъ, въ мушскомъ, подобно другимъ діалектамъ, существуютъ и иные особыя формы звательнаго ед. числа ³⁾, но мы ихъ не знаемъ.

Иногда къ именительному, употребляющемуся въ значеніи звательнаго, присоединяются тѣ или другія междометія: do (персидское), ау (также въ турецкомъ и курдскомъ), о, heу, а также арабское (черезъ турецкій) уа (также и въ курдскомъ). Эти междометія въ употребленіи и въ другихъ діалектахъ; срв. въ соответствии съ муш. ау — тѣол. а (напр. á marth, á t̄a, Тѣол. § 332), агул. ау (напр. ау t̄əyo, plur. ау t̄əyarkh — изъ текстовъ, изданныхъ Саргсянцемъ). При этомъ, слѣдуетъ имѣть въ виду, что если междометіе стоитъ передъ односложнымъ словомъ (или передъ такимъ двусложнымъ, одинъ изъ слоговъ котораго содержитъ гласный э), то носителемъ ударенія является междометіе, къ которому энклитически примыкаетъ самъ звательный падежъ, напримѣръ: áу mart 'человѣкъ! (почти въ значеніи: эй, ты)', d̄o t̄əya

¹⁾ Такъ, напримѣръ, относительно звательнаго въ тифлисскомъ діалектѣ мы читаемъ у Томсона: „Нынѣшній тифл. звательный падежъ сходенъ вполне съ им. падежомъ, отъ котораго онъ отличается только тѣмъ, что имѣетъ удареніе на первомъ слогѣ“ (Тифл. § 332); относительно ахалцыхскаго — у него же: „Звательный падежъ обыкновенно равенъ именительному и пр.“ (Ахалц. § 100). Саргсянецъ, въ своемъ изслѣдованіи объ агулнскомъ діалектѣ, ничего не говоритъ объ звательномъ падежѣ въ этомъ діалектѣ, въ которомъ онъ также равенъ именительному, за исключеніемъ (единственной?) формы аx̄šhi 'дѣвица!' (при формѣ именительнаго аx̄šhikj), какъ видно изъ изданныхъ при его изслѣдованіи текстовъ.

²⁾ Сравните пзъ средне-армянскаго особую форму vocativi — khuṙi („Сборники прятчъ Вардана“, изд. Марра, стр. 106) къ пом. khuṙik 'ослевокъ, жеребенокъ' (срв. граб. khuṙak, Арм. Gramm. I p. 258). Срв. Ак. Слов. s. v.

³⁾ Срв., напримѣръ, такія эриванскія формы vocativi, какъ naní 'мамаша!', dadi 'бабушка!'.

‘мальчикъ! дитя!’ и т. д.; такое же явление мы находимъ и въ другихъ діалектахъ, напримѣръ, въ тифлискомъ (á maĩth и пр.).

Въ качествѣ примѣровъ звательнаго падежа въ мушскомъ діалектѣ мы можемъ привести слѣдующіе: asvas ‘Боже!’ = astvas; ter-asvas ‘Господи Боже!’ = tēg astvas; meĩk ‘мамаша!’ = *maĩ-gĩk (срв. maĩg ‘мать’); kovik ‘коровуша!’ = *kov-ik (ср. kov ‘корова’); аро ‘дѣдуша!’¹⁾ (срв. эриван. arhu, агул. arhi — оба со значеніемъ ‘отецъ’); срв. -о въ ванскомъ; напр. babo ‘отецъ (или дѣдъ)’ (также и какъ именительный, см. у Serench’a — Vanay saz p. 160), хого — ласкательное слово, при обращеніи къ дѣтямъ, какъ бы: ‘милое дитяго!’ (см. С р в а н ц т я н ц ъ — Mananay s. v.), шего — ласкательное слово, при обращеніи къ маленькимъ дѣвочкамъ (ibid. s. v.); ахрег ‘братъ!’ = eγbair; do təya ‘эй, мальчикъ!’ = tγay; ay mart ‘человѣче!’ (см. выше) = marg; ay falakh ‘о небо!’. Слѣдующіе примѣры мы беремъ изъ былинны ‘Давидъ Сасунскій’ (П а т к а н о в ъ, Мушскій): kheĩ ‘дядя!’ = kheĩ; o mart ‘человѣче!’ = marg; Davith ‘Давидъ!’ = Davith; orti ‘сынъ!’ = ordi; do... gel anəskam ‘ахъ, негодный волкъ!’; heγ šan orti ‘эй, собачій сынъ!’; ya špošh kiγkh ‘о великій идолъ!’ — Отдѣльно отмѣтимъ употребленіе турецкаго oγul ‘сынъ!’ при orti (см. выше), а также курдскаго laob ‘мальчикъ!’ при təya (см. выше).

ЭККУРСЪ

ОБЪ ИМЕНАХЪ, ИСХОДЯЩИХЪ ВЪ ЗВАТЕЛЬНОМЪ НА -О.

Въ мушскомъ мы имѣемъ, помимо нарицательныхъ — цѣлый рядъ собственныхъ именъ (какъ мужскихъ, такъ и женскихъ), исходящихъ на -о; такія имена являются со значеніемъ уменьшительнымъ или ласкательнымъ. Примѣрами могутъ служить: Ново Іосифъ!; Апо ‘Анюта!; Наго, срв. грабарное Yaruthiun (какъ пом. аррел. значить: ‘воскресеніе [изъ мертвыхъ]’); Səγko ‘Сережа!

¹⁾ Въ мушскихъ басняхъ, изданныхъ у Патканова, Мушскій стр. 38, аро [у Патканова: arho (?)] имѣетъ значеніе, какъ видно изъ глоссарія (стр. 57), — ‘дядя’.

и т. д. Въ подобныхъ образованіяхъ усиленный акцентъ падаетъ на послѣдній слогъ. Образованія на -о мы находимъ и въ другихъ армянскихъ діалектахъ, напр. эриванскомъ, ванскомъ, мокскомъ, абаранскомъ (быть можетъ и въ нѣкоторыхъ другихъ, относительно которыхъ у насъ не имѣется свѣдѣній); примѣрами могутъ служить: *Maro* 'Марія!'; *Harō* (см. выше); *Sandro* 'Александръ!'; *Xešo* 'Христофоръ!' и т. д.

Какъ объяснить это конечное -о? Эти формы звательнаго (употребляющіяся, какъ мы увидимъ это сейчасъ, и въ значеніи именительнаго) представляютъ образованія, въ составъ которыхъ вошло постпозитивное междометіе *o*. Аналогичныя образованія могутъ быть указаны въ достаточномъ количествѣ изъ ново-иранскихъ языковъ. Въ новоперсидскомъ извѣстны формы звательнаго на -ā: *dost-ā*, *χudāy-ā*, *dard-ā* (см. *Horn*, *Neupersische Schriftsprache* въ *Grundriss d. Iran. Philologie* I, 2 p. 110); далѣе, срв. въ мазандаранскомъ діалектѣ: *del-ā!*, въ гилянскомъ — *dār-ā!*, въ талышнскомъ: *χodāvand-ā!* Въ курдскомъ мы находимъ формы на -ō, что въ этомъ языкѣ составляетъ общее правило, срв. *babō*, *laō* (перешедшее въ мушскій и нѣкоторые другіе діалекты), *hakimō*, *ya gurgō*, *Maχmudkō!* и т. д. (см. у *Justi* — *Kurdische Grammatik* p. 131 и *Sosin* — *Die Sprache d. Kurden* въ *Grundriss d. Iran. Philologie* I, 2 p. 277). Въ осетинскомъ припомнимъ образованія на -ау: *lägau* 'человѣкъ!' (см. у *Вс. Миллера*, *Осетинскіе Этюды* II p. 138). — Мы думаемъ, что въ мушскомъ, равно какъ въ мокскомъ, ванскомъ и т. д., формы звательнаго на -о должны быть объясняемы скорѣе всего какъ возникшія подъ курдскимъ вліяніемъ. По крайней мѣрѣ, онѣ преобладаютъ именно на территоріи тѣхъ діалектовъ, на которой или живетъ курдское населеніе или которая соприкасается съ нимъ. (Въ тифлисскомъ діалектѣ, напри- мѣръ, такихъ формъ не существуетъ).

Въ мушскомъ, какъ и въ другихъ діалектахъ, формы зательнаго на -о употребляются также въ значеніи именительнаго ⁴⁾. Аналогичное явленіе извѣстно также и изъ другихъ языковъ; оста-

⁴⁾ Переходъ зательнаго въ именительный разъясненъ въ русской лингвистической литературѣ у *А. Попова* — *Синтаксическія изслѣдованія* I стр. 5 слд. — См. *Delbrück*, *Grundriss d. vergl. Grammatik* III, 1 § 189.

вляя въ сторонѣ старо-славянскій, сербскій и другіе (срв. Delbrück, Grundriss d. vergl. Gram. III, 1 p. 398) отмѣтимъ, что въ курдскомъ формы звательнаго на -ō являются также въ значеніи именительнаго, напр. Maḡmudkō 'Магометь' п. рг. (demin.); см. Socin, о. с. p. 277.

Примѣчаніе. Разъ форма звательнаго становилась именительнымъ, то отъ послѣдняго (который въ ново-армянскомъ имѣетъ значеніе основы) уже образовывались остальные падежи; такъ, къ пом. Səḡko имѣемъ ген. Səḡkoḡi, къ *Мэуго — Мэугоḡi; также и въ другихъ діалектахъ (напр. въ мокскомъ). Звукъ -у- развился въ положеніи между гласными.

ВИНИТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖЬ.

§ 89. Винительный ед. числа именъ не-средняго рода въ индоевропейскомъ праязыгѣ, какъ извѣстно, образовывался при помощи суффикса -m (напр. *ul̥k²o-m 'lupum') и -m̄ (напр. *bheront-m̄ 'ferentem'); см. Grundriss II § 211 sq. Что касается армянскаго языка, то, по раньше господствовавшему воззрѣнію, формы винительнаго ед. числа ([z]mard 'hominem', [z]gail 'lupum') разсматривались какъ возникшія фонетическимъ путемъ совпаденія съ формами именительнаго (mard 'homo', gail 'lupus'). Гюбшманъ въ Armenische Studien I p. 88 говоритъ: «Der Accusativ Sing. ist nichts als ein mit dem Präfix z versehener Nominativ; der Zusammenfall mit dem Nominativ trat zuerst ein bei den vocalischen Themen, die ausl. om, im, um so gut einbüßen mussten wie os, is, us». Этотъ взглядъ мы находимъ повтореннымъ и у Бругмана, въ его первомъ изданіи (1886 г.) перваго тома Grundriss'a (§ 202 и § 651); такое же воззрѣніе относительно совпаденія фонетическимъ путемъ въ обще-армянскомъ винительнаго съ именительнымъ мы видимъ далѣе у Томсона (Тифл. § 325), который, впрочемъ, принимаетъ замѣну винительнаго именительнымъ у основъ на -n и -r (подъ вліяніемъ соответствующихъ основъ средняго рода), а также у Meillet (Notes arméniennes p. 7 =

M.S.L.P. VIII p. 157). Въ настоящее время Бругманъ, Grundriss I² § 406, 3, вслѣдъ за Остгофомъ, разсматриваетъ грабарныя формы винительнаго какъ формы именительнаго; впрочемъ, такой взглядъ мы находимъ у Бругмана уже въ II т. Grundriss'a (pp. 483, 547). Къ этому взгляду на винительный, который мы находимъ также у Bartholomae, Studien II p. 36 подстр. прим. 1, присоединяемся и мы, имѣя въ виду главнымъ образомъ тождественность съ формами именительнаго формъ винительнаго отъ сонорныхъ основъ (на -г и -п), которыя фонетически совпасть не могли, какъ это показалъ уже Томсонъ (I. с.).

Винительный ед. числа отъ основъ средняго рода въ индоевроп. языкахъ былъ всегда тождествененъ съ именительнымъ; то же явленіе мы находимъ и въ отдѣльныхъ языкахъ, въ частности и въ армянскомъ. Быть можетъ, это обстоятельство также содѣйствовало замѣнѣ, еще въ обще-армянскомъ, стараго винительнаго именительнымъ въ именахъ не-средняго рода.

Такимъ образомъ, для обще-армянскаго мы можемъ установить тотъ фактъ, что въ немъ форма винительнаго ед. числа какъ въ первоначальныхъ именахъ не-средняго, такъ и средняго рода, была тождественна съ формою именительнаго. Изъ обще-армянскаго этотъ фактъ былъ унаслѣдованъ языкомъ исторической эпохи.

§ 90. Что же касается ново-армянскихъ діалектовъ, то въ нихъ мы встрѣчаемся иногда съ фактами новаго происхожденія. Дѣло въ томъ, что въ известной группѣ діалектовъ мы находимъ употребленіе, въ известныхъ случаяхъ, отъ именъ одушевленныхъ, въ значеніи винительнаго — формы, обыкновенно служащей для родительнаго ¹⁾ или точнѣе (съ точки зрѣнія ново-армянскаго языка) для дательнаго падежа, такъ какъ въ значеніи винительнаго употребляется именно форма родительнаго, съ присоединеніемъ постпозитивной частицы -п — форма, которая служитъ обыкновенно для обозначенія дательнаго падежа, о чемъ будетъ рѣчь ниже. Остатки тѣхъ случаевъ, когда въ значеніи винитель-

¹⁾ Слѣдовательно, мы имѣемъ дѣло съ явленіемъ, напоминающимъ соответствующій случай въ русскомъ языкѣ. Указаніе на это сдѣлалъ впервые Саргсянцъ § 21 прим. 2, а затѣмъ также и Томсонъ, Тифл. § 325, стр. 184.

наго является форма собственно-родительнаго, мы находимъ, какъ указываетъ Саргсянцъ (§ 21), въ агулисскомъ: здѣсь *potina rgorgia* въ винительномъ (а также и въ дательномъ) не принимаютъ постпозитивнаго -п; такимъ образомъ, ново-армянской литературной формѣ *Yovhannēsîn* (произносится: *Novhannesin*) Ивану, Ивана' соответствуетъ агул. *Ovanisä*.

Разсмотрѣнное явленіе составляетъ преимущественно особенность восточной діалектической группы и восточнаго ново-армянскаго литературнаго языка. Не останавливаясь на этомъ явленіи въ послѣднемъ, отмѣтимъ лишь то, что извѣстно о немъ, на примѣръ, въ тифлисскомъ діалектѣ. «Слова, означающія лицъ, — читаемъ мы у Томсона, Тифл. стр. 184, — имѣютъ двѣ формы винительнаго падежа, въ зависимости отъ того, находится ли при нихъ опредѣленіе или нѣтъ. При опредѣленіи, винительный падежъ совпадаетъ съ родительнымъ, а безъ опредѣленія, съ именительнымъ падежомъ, напр. *es marthu-p tesa* — [я] видѣлъ этого человѣка; *me marth tesa* — [я] видѣлъ одного человѣка». Это явленіе, отмѣчаемое Томсономъ какъ особенность тифлискаго ¹⁾, не составляетъ, однако, его исключительной особенности и можетъ быть угадано, какъ было сказано выше, и въ другихъ діалектахъ восточной группы, а также является окончательно утвердившимся въ восточномъ ново-армянскомъ литературномъ языкѣ.

Уже въ 1866 году Айджянъ (*Aidynian*), на основаніи немногихъ имѣвшихся въ то время данныхъ объ армянскихъ діалектахъ, въ своей «Критической грамматикѣ современнаго армянскаго языка» отмѣтилъ выше разсмотрѣнное явленіе какъ характерную особенность той діалектической группы, которая называется у него «четвертою діалектической группою» и обнимаетъ собою территорію персидской Арменіи и Грузіи. Далѣе, это же явленіе Айджянъ отмѣчаетъ (но не какъ обычную характерную особенность) также и въ «первой діалектической группѣ», обнимающей

¹⁾ Это мы заключаемъ какъ изъ словъ автора: „Нѣсколько иное явленіе мы видимъ въ нынѣшнемъ тифлисскомъ діалектѣ“ (Тифл. стр. 184), такъ и изъ того обстоятельства, что имъ не указывается на существованіе аналогичныхъ явленій въ другихъ діалектахъ.

центральныя части Арменіи (Ванъ и т. д.); см. о. с. I pp. 173, 198—199. — Обращаясь за историческими справками, мы увидимъ, что трактуемое явленіе довольно старое: Айдынянъ указываетъ его въ памятникахъ средне-армянскаго языка, а также отмѣчаетъ уже въ произведеніяхъ, начиная съ VII вѣка. (О. с. p. 155 подстрочное прим. 1)

§ 91. Въ грабарѣ формы винительнаго (какъ въ единственномъ, такъ и во множественномъ) являются въ извѣстныхъ случаяхъ съ префиксомъ *z-*, этимологическое значеніе котораго остается невыясненнымъ (срв. *Arm. Gramm.* I p. 446); это — такъ называемые, по ученію грамматиковъ, случаи «опредѣленнаго винительнаго»²⁾. (Срв. въ ново-персидскомъ, въ соотвѣтствующихъ случаяхъ, какъ учили прежде, присутствіе суффиксальнаго элемента *-gā*; см. *Залеманъ и Жуковский* — Краткая грамматика ново-персидскаго языка § 13 *b*, стр. 20).

Въ мушскомъ винительный падежъ отъ именъ одушевленныхъ является, насколько это можно заключить изъ имѣющихся у насъ подъ рукою текстовъ, обыкновенно въ формѣ одинаковой съ формою именительнаго, по большей части съ префиксомъ *z-*, *эз-*, напримѣръ: *z-erik* (или *z-irik*) 'мужа' = **z-airik*; *эз-gusan* 'пѣвца, рапсода' = *z-gusan*; *эс-thak[a]vior* 'царя' = *z-thagavor*; *эз-Вах-тазар* (п. р.) 'Вальтазара' = *z-Ваγdasar*; *эс-təγa-n* (и *təγən*) 'мальчика, ребенка' = *z-təγa-n*; *z-im təγen* 'моего ребенка'; *z-irickin* 'попадью' = *z-erichakin*; *эз-juk* 'рыбу' = *z-jukn*; *z-aγc* 'медвѣдя' = *z-aγc*; *phesa* 'зятя' = *phesaγ* и т. д.

¹⁾ Обращаясь въ грамматическому труду *I o h. S c h r ö d e r 'a* (*Thesaurus etc.*) написанному въ началѣ XVIII в., мы видимъ, что форма винительнаго въ восточно-армянской рѣчи образованнаго класса (т. е. въ той рѣчи, которую теперь мы называемъ восточнымъ ново-армянскимъ литературнымъ языкомъ) того времени была вполне тождественна съ формою именительнаго. (См. образецъ склоненія на стр. 307). Но не допущена ли здѣсь *S c h r ö d e r 'o*мъ нѣкоторая неточность?

²⁾ Еще *S c h r ö d e r* (*Thesaurus etc.*) писалъ: „*Aliquando accusativus ponitur sine praefixo z, quando de re indefinita sermo est, ut...* (смѣдуютъ примѣры)“ (p. 194). У *Патканова*, *Исслѣдованіе о составѣ* стр. 30, читаемъ: „Винительный... для опредѣленности принимаетъ предлогъ *z*“.

Р ѣ же винительный падежъ одушевленныхъ именъ является въ формѣ родительнаго (дательнаго). Изъ записанныхъ нами текстовъ привести соответствующихъ примѣровъ для винительнаго ед. числа мы не можемъ (у насъ есть лишь одинъ примѣръ для винительнаго множ. числа). Изъ былинны «Давидъ Сасунскій» мы можемъ отмѣтить слѣдующіе примѣры (транскрипція наша): *vor gəmsun* [собс. форма *dativi* къ ном. *gəmeš* или *gomeš* 'буйволъ' = граб. *gen.-dat. gomsoy* къ ном. *gomēs*] *zarker* (Паткановъ, Мушскій стр. 18) 'чтобы ударить буйвола'; *gəmsun kə khəfrer* (ib.) 'ругаль буйвола'; *ənjī* [собс. 'mihī' = *inj*] *kə khəfries eib.* 'ты меня ругаешь'; *harcuch ətur* [*ətur gen.-dat.* къ ном. *sing.* (*t, ət* и т. д. 'этотъ' = *gen. aidr* къ ном. *aid* 'этотъ') 'онъ спросилъ этого' (ib. p. 19) и т. д.

Далѣе, изъ текста четырехъ басенъ, издаваемыхъ проф. Паткановымъ (Мушскій II стр. 28—44), — языкъ которыхъ, впрочемъ, представляетъ во многихъ отношеніяхъ особенности, отличающія его отъ языка нашихъ текстовъ, а также отъ языка былинны «Давидъ Сасунскій»¹⁾, — можно видѣть, что винительный одушевленныхъ именъ одинаково является какъ въ формѣ именительнаго, такъ и родительнаго (дательнаго); срв., съ одной стороны: *gənach* or *Ziġn* [форма *nominativi*] *sraṇa* (p. 31) 'отправился, чтобы убить З.'; *ġasas thakvor* [форма *nominativi*] *bəġnin* u *taṛaṇ* (p. 38) 'Царя Дж. схватили и уведи'; *ġavrak berjech z-ur mam* (ib.) [форма *nominativi* съ *z-*; граб. *z-mairn iur*] 'Дж. привелъ свою мать'; — съ другой стороны, мы находимъ: *or Zəġin* [форма *dativi*] *phicu* (p. 31) 'чтобы убить З.'; *berin ġasas thakvorin* [форма *dativi*] (p. 38) 'привели царя Дж.' и т. д.

§ 92. У именъ неодушевленныхъ форма винительнаго постоянно одинакова съ именительнымъ и обыкновенно имѣетъ префиксъ *z-* (эз-). Примѣры: *z-anun* 'имя' = *z-anun*; *z-otk-ət* 'твою ногу' = *z-otn* 'ногу'; *əz-jjeġ* 'руку' = *z-jeġn*; *z-ašxarh* 'страну, землю' = *z-ašxarh*; *əz-duġ* 'дверь' = *z-duġn*; *əz-geṭin* 'землю (почву)' = *z-geṭin*;

¹⁾ Описание языка этихъ четырехъ басенъ, представляющихъ, вѣроятно, одинъ изъ видовъ мушскаго (съ примѣсью формъ какого то иного діалекта), будетъ дано нами въ приложеніи къ настоящему изслѣдованію.

z-im harsnikh 'мою свадьбу' = z-harsanis 'свадьбу'; эз-halay 'одежду' = z-halay (известно только изъ «Maštoch»-а [т. е. Требника] и позднейшихъ намятниковъ); эз-mal 'имущество' (арабское слово — māl) и т. д.

§ 93. Какъ видно изъ вышеприведенныхъ примѣровъ, винительный падежъ въ мушскомъ (накъ въ единственномъ, такъ и во множественномъ) является обыкновенно съ префиксомъ z-, соответствующимъ грабарному z- (см. выше § 91). Такъ какъ это z- тѣсно примыкаетъ къ падежной формѣ, то въ тѣхъ случаяхъ, когда возникала группа согласныхъ, развивалось, въ качествѣ такъ называемаго «вспомогательнаго гласнаго», э (срв. Этюды I § 78). Такимъ образомъ, съ одной стороны, мы имѣемъ: z-anin 'имя'; z-otket 'твою ногу'; z-aġō 'медвѣдя' и т. д.; — а съ другой: эз-guzan 'пѣвца'; эз-mal 'имущество' и т. д. [Случай, обнаруживающіе развитіе «вспомогательнаго гласнаго», по крайней мѣрѣ когда возникала группа zz, известны и изъ древнѣйшихъ грабарныхъ текстовъ; такъ, напримѣръ, въ рук. Венец. Евангелии X вѣка¹⁾ мы читаемъ: zə-zoh 'жертву'; zə-Zaga (собс. имя) и т. д. (при z-zaugakan 'воина'); см. Этюды I § 73. Впрочемъ, на такія написанія, какъ zə-zoh и пр., вѣроятно, оказало вліяніе живое пронашеніе писца]. Далѣе, если слово, слѣдующее за префиксомъ эз-, начиналось съ глухого, то и эз- обращалось въ эс-; срв., напримѣръ: эс-thak[a]vuoġ 'царя', эс-təyan 'ребенка' и т. д. (Срв. мушс. ask 'народъ' при граб. azg и т. д.; Этюды I § 170).

§ 94. Что касается префикса z-, то, помимо мушскаго (гдѣ онъ очень распространенъ) и грабара (см. § 91), онъ известенъ и въ нѣкоторыхъ другихъ діалектахъ. При состояніи нашихъ свѣдѣній по армянской діалектологіи мы, конечно, не въ состояніи точно обозначить всей территоріи распространенія этого префикса, а также указать условія его присутствія или отсутствія. Мы можемъ только отмѣтить существованіе префикса z- въ слѣдующихъ діалектахъ: въ мокскомъ, константинопольскомъ, польско- и венгерско-армянскомъ и старо-агулисскомъ. Изъ мокскаго [именно, изъ текста эпическаго повѣствованія «Davith ev Mher» (= Да-

¹⁾ См. объ этой рукописи въ Этюдахъ I стр. VII подстрочное прим. 1.

часть, что этотъ префиксъ, за немногими исключеніями, служить для обозначенія «опредѣленнаго винительнаго» (о. с. I р. 186). Изъ текстовъ, приводимыхъ Schgöder'омъ (въ Thesaurus linguae armenicae) видно, что префиксъ z- существовалъ (въ началѣ XVIII вѣка) также и въ агулисскомъ, гдѣ въ настоящее время онъ болѣе неизвѣстенъ, какъ это подчеркиваетъ Саргсянцъ II р. 5 подстрочное прим. 2. ¹⁾

РОДИТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖЪ.

§ 95. Въ качествѣ суффиксовъ родительнаго ед. числа въ мушскомъ встрѣчаются слѣдующіе: 1) -у; 2) -і; 3) -ап, -а; 4) -ва -vap; 5) -г; 6) -цѳ.

§ 96. Суффиксъ -и. Мушское -и, какъ окончаніе родительнаго, ед. числа, соотвѣтствуетъ, въ большинствѣ случаевъ, грабарному -оу, образуемому родительный (и дательный) ед. числа отъ именъ съ армянскими основами на -о-. Граб. -оу было унаслѣдовано изъ обще-армянскаго *-оу, которое въ мушскомъ, какъ и въ другихъ ново-армянскихъ діалектахъ (относительно тифлискаго см. Тифл. §§ 89, 313), обратилось въ -и. Срв. Этюды I § 100.

Въ качествѣ исхода gen. sing. -и вм. -оу появляется уже въ средневѣковыхъ памятникахъ армянской письменности; срв. напр. khp-u-n = khp-оу 'сна'; Aidunia n (II р. 8) возводитъ это явленіе до X вѣка. Далѣе, отмѣтимъ -и вм. -оу на анійскихъ надписяхъ, гдѣ мы имѣемъ, на ряду съ формами на -оу (напр. тагтпоу 'тѣла', astucoy 'Бога') или -о, формы: hoу-и 'земли' (граб. hoу-оу къ hoу), Эминъ, Арм. надписи въ Карсъ, Ани etc. № 173; uzel u (родительный infinitivi къ uzel 'хотѣть, просить'), Эминъ, о. с.

¹⁾ Текстъ на старо-агулисскомъ діалектѣ, приводимый Schgöder'омъ (Thesaurus р. 353 sq.), перепечатанъ у Патканова (Исслѣзованіе о діалектахъ стр. 54) и Саргсянца (II р. 5 sq.) Встрѣчающаяся въ немъ форма (единственная!) винительнаго съ префиксомъ z— это ez- (т. е. es-) khi 'те' (у Патканова и Саргсянца не точно: z-khi), срв. мокское ez- (т. е. es-) khi; теперь въ агулисскомъ имѣемъ khi и khiz.

№ 37. (1263 года) ¹⁾. Далѣе, изъ средне-армянскаго формы на -и можно въ большомъ количествѣ указать, на примѣръ, изъ «Сборниковъ притчъ Вардана», гдѣ онѣ встрѣчаются въ чередованіи съ грабарными формами на -оу; въ то время какъ въ одномъ спискѣ читаются классическія формы, въ вариантахъ другихъ являются вулгаризмы; срв. *gail-u-n* (р. 213, изд. М а р р а), *gal-u-n* (р. 350) при *gail-ou-n* (р. 350); *marđ-u* по F при *marđ-ou* по ag. и пр. (р. 185); *šinvac-u-n* «строенія, зданія» варіируютъ къ *šinvac-ou-n* (р. 257). Изъ стараго польско-армянскаго (средины XVI столѣтія) интересно отмѣтить форму *mōr-u* «матери» ²⁾, въ которой къ *mōr-*, соответствующему граб. *maur* (*mōr*), присоединенъ еще исходъ -и; изъ текстовъ, изданныхъ *Ališa n'omъ* («Kamenich», Венеція 1896) отмѣтимъ формы (конца XVII вѣка): *anel-u* (родит. къ *inf. anel* «дѣлать»), р. 129; *γurbap-u* (къ арабскому заимствованію *γurban* «жертва»), р. 130. Наконецъ, изъ языка начала XVIII вѣка, описаннаго *М х и т а р о м ъ С е в а с т і й с к и м ъ* отмѣтимъ *ch[ə]rt-u* къ *churt* «холодъ» ³⁾.

§ 97. Вопросъ относительно генезиса обще-армянскаго *-оу не можетъ считаться окончательно выясненнымъ. Обычное до недавняго времени толкованіе, которое мы встрѣчаемъ у *Г ю б ш м а н а* (*Armeniaca* III р. 119; *Arm. St.* I р. 88), — толкованіе принятое, одно время, и *Б р у г м а н о м ъ* (*Grundriss* I¹ § 561; срв. также

¹⁾ Присутствіе этихъ формъ свидѣтельствуетъ, что въ живой рѣчи этой эпохи (XIII вѣкъ) уже являлось -и. Въ виду этого, мы можемъ предполагать, что -оу и въ средневѣковой киликійско-армянской письменности (см. *K a r s t, Kilikisch-arm.* I § 68), бытъ можетъ, представляетъ лишь явленіе книжное и не соответствуетъ дѣйствительности.

²⁾ Форма эта извлечена нами изъ рукописныхъ „Книгъ армянскаго суда“, хранящихся въ Центральномъ Архивѣ при Университетѣ св. Владимира въ Києвѣ (№ 4386, 6). Копіи съ нѣкоторыхъ актовъ, заключающихся въ этихъ „Книгахъ“, любезно были переданы намъ *Х р. К у ч у в ъ-І о а н н е с о в ы м ъ*, производившемъ изысканія въ упомянутомъ Архивѣ.

³⁾ Несомнѣнными грабаризаціями являются формы на -оу (вм. -и), которыя мы находимъ въ „діалогахъ“, напечатанныхъ въ *Thesaurus'ѣ* *Ш р ѳ д е р а* и представляющихъ языкъ начала XVIII вѣка. Вотъ нѣкоторыя изъ этихъ формъ: *patvoy* «honoris» (р. 337); *unim harchaneloy* «sunt mihi questiones interrogandae» (р. 330); *kin aġneloy* «ut du'ant uxorem» (р. 331) и т. д. Срв. выше — подстрочное прим. 1.

Э т ю д ы I § 97, 3), — заключалось въ томъ, что грабарное (и обще-армянское) -оу выводилось изъ индо-европ. *-osio и сопоставлялось съ др.-инд. -asya, гомер. -ою; такимъ образомъ, напримеръ, mard-ou 'человѣка' сравнивалось съ др.-инд. mrt-asya, гомер. βροτῆς изъ *-o-sio; gail-ou 'волка' — съ др.-инд. vṛk-asya, авест. vehrk-ahya (въ диалектѣ Гать) и т. д. Въ настоящее время Б. р. у г м а н ъ, во второмъ изданіи I тома Grundriss'a, прямо считаетъ возникновеніе граб. -у (въ -оу) изъ индо-европ. *-si- (въ *-osio) сомнительнымъ ¹⁾. Еще раньше, проф. Ф. Ф о р т у н а т о в ъ, показавшій, что изъ индо-европ. *zi (откуда древне-инд. -zu- и т. д.) въ грабарѣ получалось sh (В. В. VII p. 88), — выводилъ изъ индо-европ. исхода *-osio, какъ мы увидимъ далѣе, исходъ родительнаго множ. числа -osh, а грабарный суффиксъ родительнаго ед. числа -оу отождествлялъ съ греческимъ -ω ²⁾.

Совершенно отдѣльно стоятъ попытки объяснить граб. -оу, сдѣланныя (независимо другъ отъ друга) профессорами B a r t h o l o m a e и Б у г г е, исходившими изъ того соображенія, что въ этой формѣ скрывается старый исходъ мѣстнаго падежа, который въ армянскомъ — за извѣстными исключеніями — совпадалъ съ родительнымъ (и дательнымъ) ³⁾. Врядъ ли, однако, это толкованіе обоихъ ученыхъ можетъ считаться убѣдительнымъ, хотя бы индо-европейская форма, построенная B a r t h o l o m a e для грабарнаго -оу (именно *-oi-ā^x или *-oi-ā^x) покрывалась такими древне-иранскими формами, какъ авестійская — zastaya 'въ рукѣ',

¹⁾ См., впрочемъ, уже Grundriss II § 239 p. 585 и § 244 p. 595.

²⁾ По этому поводу приведемъ, однако, замѣчаніе Бугге: „Allein für idg zweisilbiges -ōi würde ich arm. -ū erwarten“ (Etruskisch und Armenisch p. 64).

³⁾ Именно, проф. B a r t h o l o m a e говоритъ: „...halte ich es recht gut für möglich, dass in dem arm. -ou von m a r d o u [„человѣка“] das alte locativ ausgang *-oi-a^x/-ā^x = ar. -aja/ā steckt...“ (Studien II p. 10).

Проф. Бугге, не находя удовлетворительными раньше предложенныя толкованія грабарнаго -оу, говоритъ: „Ich wage eine andere Vermutung. Die Endungen arm. -ou und -ay... können aus ursprachlichen Endungen -oju und -aju entstanden sein, d. h. aus dem Locativenendungen -oi und -aj mit der enklitische Partikel -u“ (Etruskisch und Armenisch p. 64). Эту частицу Бугге указывалъ раньше (Beiträge p. 43 sq.) въ показателѣ множ. числа -kh (изъ *-sv, т. е. -s + v изъ u).

др.-персидская — *dastayā* 'id.' (Cf. *Handbuch der altiranischen Dialekte* § 238 p. 95).

Мы, въ I части нашихъ Этюдовъ (1897 г.), держались общераспространеннаго среди лингвистовъ мнѣнія о возникновеніи граб.-оу изъ индо-европ. **osio*; см. о. с. § 97, 3 ¹). Въ настоящее время, мы держимся иного взгляда и выводимъ граб.-оу (а вмѣстѣ съ нимъ и обще-арм. **-оу*) изъ другой праформы. Какъ извѣство, проф. Фортунатовъ, въ своихъ университетскихъ лекціяхъ (съ конца семидесятыхъ годовъ), объясняетъ литовско-славянскую форму родительнаго ед. числа именъ съ основами на -о- (литовское -о: *vilk-o*, старо-слав. -а: *вълъ-а*) изъ индо-европейской формы на **-o-jo*, откуда онъ также выводитъ и обще-греч. **-os*, давшее іоническое и аттическое -ου (*ἴππου*), между тѣмъ какъ гомер. -οιο (*τοῖο*, *ἴπποιο*) отождествляется имъ съ др.-инд. *-asya* (*tasya*, *aśvasya*). «Въ общемъ индо-европейскомъ праязыкѣ, — говоритъ проф. Фортунатовъ, — мѣстоименія мужескаго и средняго рода имѣли въ родительномъ падежѣ ед. числа только суффиксъ **-sjo*, между тѣмъ какъ въ именахъ съ основами на **-o-* здѣсь существовалъ въ родит. падежѣ ед. числа суффиксъ **-jo*, хотя въ діалектахъ извѣстны были въ этихъ основахъ и образования родительнаго падежа съ суффиксомъ **-sjo*, переносившемся изъ мѣстоименнаго склоненія...» (Русскій Филологическій Вѣстникъ 1895, №№ 1—2 стр. 37—38) ²).

Имѣя въ виду форму родительнаго ед. ч. на **-ojo*, выведенную для индо-европейскаго праязыка проф. Фортунатовымъ, мы и поль-

¹) Замѣтимъ, что въ концѣ 1891 г. мы еще не были склонны разсматривать -оу какъ рефлексъ индо-европ. **osjo*; это послѣднее мы видѣли, вслѣдъ за проф. Фортунатовымъ, въ исходѣ gen. (dat.) pl. -osb, а также указывали въ -og (въ такихъ формахъ, какъ *magdog* при *magdou*), которое отождествлялось нами съ -osb. (См. нашъ рефератъ — Родительный падежъ въ армянскомъ языкѣ, въ „Древностяхъ Восточныхъ“ т. II выд. 1, протоколы стр. 83—84).

²) Статья проф. Фортунатова носить заглавіе — „Удареніе въ прусскомъ языкѣ“. (Она переведена, съ нѣкоторыми дополненіями, на нѣмецкій и помѣщена въ В. В. XXII).—Ссылку на мнѣніе проф. Фортунатова мы уже находимъ въ статьѣ акад. Ф. Е. Корша — О звукахъ *e* и *o* въ греческомъ языкѣ, въ „Журналѣ Мин. Нар. Просв.“ 1881 г. (№ 3).

зуюсь ею для объясненія грабарнаго (и обще-армянскаго) -оу, какъ ея рефлекса ¹⁾. Такимъ образомъ, въ настоящее время мы выводимъ граб. -оу изъ индоевроп. *-o i o.

§ 98. Прежде чѣмъ обратиться къ разсмотрѣнiю области распространенiя мушкаго -и, соответствующаго грабарному -оу, — сдѣлаемъ, въ общихъ чертахъ, обзоръ судьбы обще-армянскаго *-оу въ ново-армянскихъ диалектахъ.

Томсонъ въ своей «Исторической грамматикѣ современнаго армянскаго языка г. Тифлиса» говоритъ слѣдующее: «Обще-армянское окончанiе gen. sg. -оу [транскрипцiя наша] исчезаетъ вообще въ новыхъ диалектахъ. Изъ многочисленныхъ словъ, имѣвшихъ окончанiе -оу въ обще-армянскомъ языкѣ и въ грабарѣ остались въ тифлискомъ диалектѣ только единичные примѣры, да и въ нихъ встрѣчается, по большей части, рядомъ съ -и окончанiе -i...» (§ 313). Эта приписываемая ново-армянскимъ диалектамъ наклонность къ утратѣ окончанiя, восходящаго къ обще-армянскому *-оу, въ связи съ замѣной его другимъ окончанiемъ (-i) не вполне оправдывается дѣйствительнымъ положенiемъ вещей. Правда, изъ того, что намъ извѣстно объ тифлискомъ диалектѣ, въ послѣднемъ сфера распространенiя -и (изъ *-оу) сравнительно ничтожна и Томсонъ правъ, говоря объ «единичныхъ примѣрахъ», представляющихъ -и изъ *-оу. Но, эта особенность тифлисскаго, араратскаго и нѣкоторыхъ другихъ изъ «восточныхъ» диалектовъ ²⁾ (равно какъ и восточнаго ново-армянскаго литературнаго языка) не распространяется на значительную часть ос-

¹⁾ Для насъ не совсѣмъ ясно, какъ представляеть себѣ возникновенiе граб. -оу проф. Томсонъ (Тифл. § 313). Судя по тому, что говорится въ § 314 (о. с.), видно, что Томсонъ склоненъ вывести граб. -оу изъ индоевропейскаго *-o i o.

²⁾ Вытѣсненiе или замѣну окончанiя -i окончанiемъ -и мы можемъ указать и не только въ нѣкоторыхъ изъ современныхъ армянскихъ диалектахъ. Въ языкѣ начала XVIII вѣка, описанномъ Schöder'омъ, мы находимъ формы: *marđ-i* при граб. *marđ-оу*; *thŷth-i* (nom. *thŷth* 'epistula') при граб. *thŷth-оу* (Thesaurus linguae armen. р. 306); въ языкѣ той же эпохи, описанномъ Мхитаромъ Севастiйскимъ, находимъ: *thŷth-i*; *jav-i* (къ *ju* 'ябло') при граб. *ju-оу*.

тальныхъ ново-армянскихъ діалектовъ. Мы не станемъ, за недостаткомъ вполне надежнаго матеріала, разсматривать факты отдельныхъ діалектовъ ¹⁾ и ограничимся замѣчаніемъ, что въ діалектахъ, примыкающихъ къ современному западному («константинопольскому») ново-армянскому литературному языку, мы встречаемся съ явленіемъ какъ разъ обратнымъ: въ нихъ (равно какъ и въ самомъ западно-армянскомъ литературномъ языкѣ) окончаніе -и, восходящее къ обще-армянскому *-оу, является господствующимъ и, въ свою очередь, иногда вторгающимся въ категорію именъ, которыя должны были бы имѣть окончаніе -і. Въ самихъ діалектахъ восточной группы нельзя не отмѣтить процесса борьбы, происходящей между окончаніемъ -и (изъ обще-арм. *-оу) и вытѣсняющимъ его окончаніемъ -і. Въ тифлискомъ Томсонъ указываетъ на окончаніе -і на ряду съ -и (Тифл. § 313). Въ агулисскомъ Саргсянцъ (стр. 82 слд.) отмѣчаетъ колебаніе формъ родительнаго падежа: *marđ-u* (= *marđ-ou* 'человѣка') и *marđ-i*; далѣе, онъ же отмѣчаетъ (стр. 86—87), что названія мѣстностей въ агулисскомъ могутъ образовывать родительный какъ на -и, такъ и на -і ²⁾.

§ 99. Обращаясь къ мушскому діалекту, мы видимъ, какъ уже было замѣчено (§ 96), что въ немъ такъ же, какъ и въ тифлискомъ, агулиссскомъ, ахалцыхскомъ и т. д., грабарному -оу въ исходѣ родительнаго ед. числа соответствуетъ -и.

Примѣры: *marđ-u* 'человѣка' = *marđoy*; *astəc-u* 'Бога' (изъ **astvəc-u*) = *astucoy*; *lus-u* 'свѣта' = *lusoy*; *gil-u* 'волка' = *gailoy* (при *gailu*); *siru* 'любви' = *sirouy*; *phor-u* 'живота' = *phorouy*; *ji-u* 'лошади' = *jiouy*; *gəlx-u* 'головы' = *gʹlouy*; *art-u* 'нивы, пашни' = *artouy*; *ros-u* 'хвоста' = *roščouy*; *caġ-u* 'дерева' = *caġouy*; *iś-u* 'осла' =

¹⁾ Сдѣлаемъ лишь указаніе на діалекты польско-армянскій (см. *Na plus z Lautlehre d. polnisch-arm.* p. 31) и ахалцыхскій (см. Ахалц. § 102), въ которыхъ (особенно въ первомъ) -и проявляетъ достаточную жизнеспособность.

²⁾ Отмѣтимъ колебаніе между формами на -и и на -і въ средне-армянскомъ языкѣ. Въ „Сборникахъ прятчъ Вардана“ (изд. М а р р а), въ разсказахъ съ вульгаризмами, мы находимъ, напримѣръ, на ряду съ *galu-n* 'волка' также *gali-n* (или *gaili-n*). Въ одномъ и томъ же разсказѣ иногда по нѣсколько разъ чередуются та и другая форма.

isoу; родительные падежи неопределеннаго наклоненія (gen. gen. dīi): bəŋnel-u (къ bəŋniel 'держать, схватить') = bŋnelou; enel-u (къ eniel 'дѣлать') = aŋnelou; kətrei-u (къ kətriel 'отрѣзать, отрубать') = ktrelou и т. д. Собственные имена: Məš-u (пом. Muš 'Мушь') = Mšoу; Sasn-u (къ пом. Sasun 'Сасунь') = Sasnoу.

Отдѣльно отмѣтимъ: təγ-u ¹⁾ (при təγ-i) 'дитяти' (къ пом. təγa) = tγaуou (при tγayi) къ пом. tγau (заимствованное сирійское taluā 'adolescens, puer').

§ 100. Всѣ приведенные въ предыдущемъ §-ѣ примѣры представляютъ формы родительнаго падежа, въ соотвѣтствіи съ грабарными формами gen. sing. на -ou отъ основъ на -o-. Но, въ мушскомъ окончаніе -u (= -ou) распространилось и на имена, соотвѣтствующія которымъ въ грабарѣ имѣютъ иное окончаніе въ формѣ родительнаго (дательнаго) ед. числа (и, слѣдовательно, не являются основами -o-).

Примѣрами, гдѣ мы имѣемъ въ мушскомъ въ родительномъ единственнаго числа -u не въ соотвѣтствіи съ грабарнымъ -ou, могутъ служить слѣдующіе: es-u (при is-u) 'козы' при граб. aic-i; os-u 'зѣби' при граб. os-i; šar-u 'дороги, пути' при граб. šaparagh-i; məšk-u 'рабочаго, работника' при граб. məsak-i; net-u 'стрѣлы' при граб. net-i; egeχ-u ²⁾ (къ пом. egeχa 'ребенокъ' = egeχau) при граб. egeχau-i, срв. тифл. egeχ-i и т. д.; что касается мушскаго rap-u 'отца', то оно можетъ соотвѣтствовать граб. rap-u (при rap-i).

§ 101. При нѣкоторыхъ формахъ родительнаго падежа на -u, въ мушскомъ встрѣчаются иногда также и формы на -i ³⁾, при-

¹⁾ Вм. формы təγ-u (къ təγa) мы ожидали бы *təγa-u (срв. mart-u къ mart); форма təγu получила изъ болѣе древней *təγau-u (срв. пом. pl. təkək-pjəg, гдѣ təkək- изъ *təγai-kh = tγai-kh); также параллельная форма род. ед. числа təγ-i получила изъ təγau-i = tγau-i (см. Этюды I § 90, 2). Далѣе, по аналогіи təγ-u (къ təγa) возникла форма šar-u (къ šara 'дорога').

²⁾ Возникновеніе формы egeχ-u (вм. *egeχ-i изъ *egeχau-i, срв. təγ-i изъ *təγau-i), вѣроятно, было обусловлено формою təγ-u (см. выше).

³⁾ Параллельныя формы на -i при обычныхъ на -ou известны и въ грабарѣ: срв., напр., təγau-i при təγau-ou къ tγau 'ребенокъ'. Другіе примѣры см. у Ретгерта и Шля, Grammatica Linguae arm. p. 188 sq. и Bagratuni § 184 sq.

ближающіяся, такимъ образомъ, къ соответствующимъ формамъ тифлисскаго, араратскаго и другихъ діалектовъ такъ называемой восточной группы.

Изъ извѣстныхъ намъ параллельныхъ формъ на -i приведемъ слѣдующія: art-i при art-u (къ art 'нива'); gel-i при gel-u (къ gel 'волкъ'); aġc-i при aġc-u (къ aġc 'медвѣдь') aḡvəs-i при aḡvəs-u (къ aḡves 'лисица'). Отдѣльно отмѣтимъ təḡ-i (= tḡaḡ-i) при təḡ-u (= tḡaḡ-ou) къ təḡa 'ребенокъ'.

§ 102. Мушское -u, какъ суффиксъ родительнаго ед. числа соответствуетъ не только грабарному -ou, но также и грабарному -vou, какъ исходу родительнаго (дательнаго) отъ неодносложныхъ именъ съ армянскими основами на -iо-¹), именительный которыхъ исходитъ на -i (напр. hogi 'душа'; ġini 'вино'; kheġi 'братъ матери, дядя' и т. д.); слѣдовательно, въ мушскомъ мы, въ данномъ случаѣ, имѣемъ, по всей вѣроятности, фонетическое видоизмѣненіе *-vu (= -vou) въ -u.

Примѣры: ġin-u 'вина' = ġinvou; kheġu 'дяди (съ материнской стороны)' = kheġvou; hail-u 'зеркала' (nom. haili) = hayelvou (nom. hayeli); khaḡkəs-u 'жителя города, горожанина' = kha: akhachvou məsəs-u 'мушца' = mšechvou и т. д.

Примѣчаніе. По аналогіи ġini 'вино': ġinu и т. д. — получили формы gen. sing. на -u въ заимствованныхъ (изъ турецкаго и др.) словахъ, именительный которыхъ исходитъ на -i²); срв. ġam-u къ ġami 'корабль'; ḡavaḡ-u къ ḡavaḡi 'приготавливающий кофе, хозяинъ кофейной' и т. д. (Всѣ только что приведенные примѣры — турецкія заимствованія).

1) Это -vou въ грабарѣ распространилось и на формы gen. sing. первоначальныхъ основъ на *-iā-, именительный единственнаго которыхъ также исходитъ на -i; срв., напр. kheni 'свояченица', gen. khen-vou. (Въ мушскомъ должно соответствовать *kheni, *khenu — формы, которыя не встрѣчаются въ нашихъ записяхъ).

2) Аналогичное явленіе извѣстно и во многихъ другихъ ново-армянскихъ діалектахъ.

Подобнымъ же образомъ и въ грабарѣ тѣ греческія заимствованія, которыя исходили въ именительномъ на -i, напр. metedi = μετέδι, имѣли въ родительномъ (дательномъ) форму на -vou по аналогіи собственно-армянскихъ именъ на -i. (т. е. переходили въ склоненіе армянскихъ основъ на -iо-).

§ 103. Появление *v* въ грабарномъ *-voу* требуетъ объясненія. Томсонъ, пытаясь объяснить это загадочное *v*, говоритъ слѣдующее ¹⁾: «Въ родительномъ падежѣ развился.... древне-общearмянскій исходъ **ioi* изъ прежняго [т. е. индо-европейскаго] **-io-io*. Послеъ исчезновенія перваго неслогового *i*, развилось въ грабарѣ на его мѣстѣ *v* (вѣроятно *i*), отсюда родительный падежъ *teu-voу* [‘мѣста’], *hog-voу* [‘души’] и т. д.... Въ тифлисскомъ діалектѣ получило въ соотвѣтствіи съ граб. *hogvoу* — *hokhu*, съ правильнымъ измѣненіемъ общеармянскаго **-oу* въ тифл. *-u*; при этомъ, тематическое **i*, предшествовавшее **-oу*, исчезло. На мѣстѣ исчезнувшаго **i* развилось *v* только въ грабарѣ» (Тифл. § 314). Это толкованіе, какъ можно видѣть, проводитъ довольно рѣзкую черту между грабаромъ, съ одной стороны, и остальными армянскими діалектами съ другой. Мы, напротивъ, склонны видѣть появленіе *v* уже въ общеармянскомъ (**-voу*), откуда онъ и былъ унаслѣдованъ грабаромъ (или, точнѣе, тѣмъ древнеармянскимъ діалектомъ, который легъ въ основу «грабара»), гдѣ онъ и продолжалъ сохраняться, а равно и другими армянскими діалектами въ древнѣйшую эпоху ихъ существованія. Затѣмъ, эти діалекты со временемъ упростили (полученное **vu* изъ **-voу*) въ *-u*, причѣмъ начало этого упрощенія мы можемъ относить уже къ эпохѣ среднеармянскаго ²⁾. Такимъ образомъ, мы склонны какъ грабарное *-voу*, такъ и «новоармянское» *-u* (послѣднее черезъ

¹⁾ Это *-v* пытался объяснить еще Petermann. Въ своей *Grammatica linguae armenicae* онъ говоритъ: „... vocalis *i* transit in *r* in nominibus, quae in casibus obliquis vocalem *o* adsumant, cf. *hogi* gen. *hogvoу*...“ (р. 82). Далѣе, онъ же говоритъ: „Inseritur quoque ex regula pro vocali heterogenea *i* ante terminationem gen. *-oу* in flexione nominum quae in *i* [въ имен. ед. ч.] exeunt, e. g. *teri* [‘мѣсто’], gen. *teuvoу*“ (р. 45).

²⁾ Отмѣтимъ, что уже въ грабарѣ мы можемъ наблюдать появленіе формы на *-oу* на ряду съ формами на *-voу*. При обычныхъ формахъ: *gin-voу*, *hog-voу*, *ord-voу* и т. д. встрѣчаются также: *gin-oу*, *hog oу*, *ord-oу* и т. д.; см. Petermann, *Grammatica ling. arm.* pp. 54 [приводимая здѣсь форма *ordou* съ ссылкой на Езник’а, венец. изд. 1826 г. стр. 20, не встрѣчается въ указанномъ мѣстѣ; вм. нея находится *ordoch* (gen. plur.)], 82; Вагратуни § 67.

ступень *-vu) возводитъ къ обще-армянскому *-voу, восходящему къ индо-европ. *-joio. ¹⁾).

Какимъ путемъ могло получиться *v въ обще-армянскомъ *-voу вмѣсто индо-европ. *i въ *-joio? Мы думаемъ найти объясненіе этому явленію въ диссимиляціи; впрочемъ, мы нисколько не настаиваемъ на нашемъ толкованіи и приводимъ его лишь въ видѣ попытки объяснить загадочное грабарное -v ²⁾).

§ 104. Интересно отмѣтить тотъ фактъ, что діалекты, склонные къ замѣнѣ окончанія -u (= граб. -ou) окончаніемъ -i (срв. выше § 98), удерживаютъ послѣдовательно окончаніе -u въ родитель-

¹⁾ Уже на анійскихъ надписяхъ (съ XI вѣка) мы встрѣчаемъ форму gen. An-i (Эминъ, Армянскія надписи въ Карсъ, Ани etc., № 82) къ An-i 'Ани (названіе города)'. Въ качествѣ посредствующей формы между граб. -voу и ново-арм. -u можно указать средне-арм. -o (или подъ влияніемъ книжной—грабарной—ореографіи -ou), напр. ordо 'сына' (ibid. №№ 68, 95), ordou (№ 128) при ordvoу-n (№ 21) и ordvo (№ 29); hogo 'души' (№ 98) при hogvo (№ 9); Anou 'Ани' (№ 34); ginou-n 'вина' (№ 86) при ginvoу (№ 32).—Въ „Сборникахъ притчъ Вардана“ встрѣчаемъ: ordou 'сына' (стр. 227, изд. Марра) при ordvoу (въ другой редакціи притчи, стр. 226); hogvoу-d (стр. 250) при вариантахъ: hogu-t (описка вм. -d) и hogou-d.—Въ эчмиадзинской рукописи (№ 919 библ. каталога) первой четверти XIII вѣка (съ двумя статьями, выдаваемыми за переводъ произведеній Ефрема Сирина), — описанной проф. Марромъ и представляющей списокъ съ такими ореографическими особенностями, которые „отражаютъ мѣстные кипійскія явленія... или вообще средневѣковые вульгаризмы“, — мы находимъ такіа формы на -ou, какъ-то: azogou 'сирийца', ordou и т. д. (Марръ, Тексты и разсужденія по армяно-грузинской филологіи I стр. 8—въ „Изданіяхъ факультета восточныхъ языковъ Имп. С.-Петербургскаго университета“ № 5).

Формы изъ стараго польско-армянскаго (XVI в.): hog-u-n, ord-u-n (собственно формы dativi; овѣ же могутъ быть и формами genitivi).

Schröder въ Thesaurus'ѣ (р. 308) приводитъ: ordou'ѣ, hogou, — формы, которыя, конечно, врядъ ли существовали въ языкѣ начала XVIII вѣка; эти формы должно разсматривать какъ результаты смѣшенія грабарныхъ (на -voу) и ново-армянскихъ формъ (на -u) — слѣдовательно, видѣть въ нихъ, до известной степени, грабаризированныя формы. Срв. по поводу грабаризаціи (у Schröder'a) выше стр. 65 подстрочное прим. 2.

²⁾ Къ сожалѣнію, мы ничего не находимъ по этому поводу у Meillet, въ его статьѣ, специально посвященной именамъ на -i въ именительномъ (Note sur la flexion des noms en -i — въ армянскомъ журналѣ „Vanaser“ II р. 110 sq. = р. 13 sq. отд. оттиска).

номъ тѣхъ именъ, именительный которыхъ исходить на -i (т. е. то -u; которому въ грабарѣ соответствуетъ -voу, § 102); см. относительно тифлискаго — Тифл. § 313, ахалцыхскаго — Ахалц. § 102 (парадигма — *kinî* 'вино'), агулискаго — С артеян цъ § 20 стр. 82; то же явленіе къ араратскомъ, карабахскомъ и т. д.

Это явленіе врядь ли можно объяснять такъ, какъ это дѣлаетъ проф. Томсонъ по отношенію къ тифлисскому діалекту: «...въ тѣхъ словахъ, — читаемъ мы, — въ которыхъ именительный падежъ ед. числа уже оканчивается на -i, сохраняется въ родительномъ -u, для избѣжанія формальнаго совпаденія этихъ двухъ падежей» (Тифл. § 313). Дѣло въ томъ, что тифл. *vurthî* 'сынъ' = *ordi* скорѣе должно было бы образовать въ родительномъ ед. числа форму **vurthî-i*, нежели форму **vurthî*, разъ къ формѣ именительнаго ед. числа (которая, въ большинствѣ случаевъ, въ ново-армянскомъ имѣетъ значеніе основы) долженъ былъ присоединиться пеходъ -i. Мы не знаемъ, встрѣчаются ли въ тифлисскомъ формы на -ii (какъ **vurthî-i*), но въ другихъ діалектахъ онѣ извѣстны и употребляются на ряду съ формами на -u; такъ, напримѣръ, въ араратскомъ встрѣчается при *gin-u* (къ *gini* 'вино') и *gini-i*; изъ константинопольскаго приведемъ *hailî-i* къ *hailî* 'зеркало' = *hayeli* (Aidynian II p. 11); далѣе, отмѣтимъ, что въ разныхъ ново-армянскихъ діалектахъ родительный отъ *Anî* (название города) будетъ *Anî-i*, тогда какъ форма **Anî* неупотребительна ¹⁾.

§ 105. Мушское -u, какъ окончаніе родительнаго ед. числа, въ меньшинствѣ случаевъ, соответствуетъ грабарному -u, образующему родительный (дательный) ед. числа отъ именъ съ армянскими основами на -u-, напр. *zard-u* къ *zard* 'украшеніе' и т. д. (Срв. Этюды I § 62). Это граб. -u было получено изъ общеармянскаго *-u, откуда -u въ мушскомъ и въ другихъ діалектахъ). Возникновеніе общеармянскаго (и грабарнаго) -u должно быть объясняемо параллельно съ возникновеніемъ общеармянскаго (и грабарнаго) -i въ исходѣ *gen. sing.* именъ съ армянски-

¹⁾ Форма *An-u* встрѣчается на авійскихъ надписяхъ (см. Эмиль, Армянскія надписи въ Карсѣ, *Ani* etc. стр. 42, надпись 1266 г., № 82) — на ряду съ формами *An-vo*, *An-ou*, *An-o*, читаемыхъ на тѣхъ же надписяхъ.

ми основами на -i- (напр. граб. *srti* къ *sirt* 'сердце'); срв. *Arm. St. I* p. 88. Бругманъ (*Grundriss II* § 232 *b*) склоненъ выводитъ граб. -u именно изъ индо-европ. *-u₂-es/-os (подобно тому какъ граб. -i онъ выводитъ изъ индо-европ. *-i₂-es/-os). Однако, ничего не препятствуетъ граб. -u выводитъ также изъ другого индо-европейскаго варианта исхода *gen. sing.* основъ на *-u-, а именно изъ *-u₂-es/-os; срв. др.-инд. -vas (*madhvas*), авест. -vō (изъ арийскаго *-u₂as), греч. γένυος и т. д.

Примѣрами въ мушскомъ могутъ служить: *iri*[э]с-u, *eris*-u 'священника' = *erich*-u; *hav*-u 'домашней птицы' = *havu*; *kov*-u 'коровы' = *kovu*; *sov*-u 'моря' = *sovu*; *zam*-u 'церкви' = *zamu* 'часа'; *agev*-u 'солнца' = *agevu* и т. д.

§ 106. Суффиксъ -i. Мушское -i, какъ суффиксъ родительнаго падежа ед. числа, соотвѣтствуетъ грабарному -i, образующему родительный (дательный) ед. числа отъ именъ съ основами на -i-, напр. *srti* къ *sirt* 'сердце' (Сф. Этюды I § 38). Это граб. -i было получено изъ обще-армянскаго *-i, откуда -i и въ мушскомъ (а также и въ другихъ діалектахъ). Происхождение обще-армянскаго (и грабарнаго) -i должно быть объясняемо аналогично съ происхожденіемъ исхода -u въ родит. падежѣ именъ съ основами на -u- (см. § 105). Бругманъ (*Grundriss II* § 231 *b*), поэтому, склоненъ объяснять граб. -i изъ индо-европ. *-i₂-es/-os. Бугге, *Etr. und Arm. pp.* 17, 36, 124, считаетъ это -i эквивалентомъ индо-европ. *-ios и *-ijos; за *-i-os, какъ основу граб. -i, стоятъ Гюбшманъ, *Arm. St. I* p. 88, и Томсонъ, *Тюл.* § 315 (<*k'ardios* дало совершенно правильно обще-арм. *sərti*>). Мы, подобно тому какъ выводили грабарное (и обще-арм.) -u изъ индо-европ. *-u₂-es/-os, выводимъ и -i изъ индо-европ. *-i₂-os/-es. (Съ формальной стороны срв. грабарное -i, изъ обще-армянскаго *-i, какъ исходъ имен. ед. числа, изъ индо-европ. *-i-os, о чемъ см. выше § 71).

§ 107. Распредѣляя имѣющіеся у насъ подъ рукою мушскіе примѣры по разрядамъ именного склоненія въ грабарѣ, мы видимъ, что родительные падежи на -i встрѣчаются болѣе всего отъ такихъ именъ, соотвѣтствующія которымъ въ грабарѣ склоняются по такъ называемому склоненію смѣшанныхъ основъ на -i/-a- (*Arm. St. I* p. 85, подъ e), затѣмъ — отъ именъ, которыя въ грабарѣ принадлежатъ основамъ на -i- и основамъ на -o- и, на-

конецъ, отдѣльные примѣры мы имѣемъ отъ именъ, грабарныя соотвѣтствія которыхъ принадлежать другимъ основамъ, напр. основамъ на -и-, на -ю-, на плавные и т. д. Отдѣльно отмѣтимъ, что встрѣчаются также родительные ед. ч. на -і къ такимъ именительнымъ на -і-kh, которые формально равны грабарнымъ именительнымъ множ. числа (т. е. употребляемымъ въ грабарѣ какъ plur. tantum).

Соотвѣтственно только что приведеннымъ разрядамъ мы и рассмотримъ наши примѣры:

а) Грабарныя смѣшанныя основы на -і-/а- и основы на а-і: khaχk-i 'города' = khaχakhi; zatk-i 'Пасхи' = zatki; vz-шеи' = vzi; паχг-і 'стада' = паχги; сѣрак-і 'свѣчи' = сѣраги; асχар-і 'страны, земли' = асχарhi; thakvor-i 'царя' = thagavori; khu-ḡak-i 'жеребенка' = khuḡaki; eres-i 'лица' = eresi; hovv-i 'пастуха' = hovvi (пишется: hovui); vartapet-i 'монаха' = vardapeti; осχг-і 'овцы' = осχгaги; гаχс-і 'водяной мельницы' = гаχachi; jiavor-i 'всадника' = jiaavori; khət-i 'носа' = khthi; цѣлый рядъ родительныхъ на -і отъ причастій наст. времени на -оу, соотвѣтствующихъ грабарнымъ nomina agentis на -ау (-ōу), напр.: ləsoу-i = lsoуi къ ləsoу 'слушающій' = lsaу(-оу), enoу-i къ enoу 'дѣлающій' (inf. eniel = aḡnel), əsoу-i къ əsoу 'говорящій, рассказывающій' и т. д.; срв. изъ языка начала XVIII вѣка, описаннаго Мхитаромъ Севастійскимъ: utoу-i къ utoу 'вдящій' (Грамматика стр. 76).

Отдѣльно отмѣтимъ: phes-i 'жениха; зятя' = phesayi; тәу-і 'ребенка' = тәуи (при тәуау-оу, см. выше). Въ этихъ случаяхъ -і получило изъ болѣе древняго *-ауі, срв. граб. -ауі (phesayi); такимъ образомъ, phesi изъ *phesayi (срв. phesep 'известный' женихъ' изъ *phesau + [postpositio] и); относительно -і изъ *-ауі см. Этюды I § 45, 3. Аналогичное явленіе мы имѣемъ и въ другихъ диалектахъ: срв. тифл. ereχ-i изъ *ereχ-ауі къ ereχa 'ребенокъ' (Тифл. § 316); ахалц. phes-i къ phesa 'женихъ', дәу-і къ дәуа 'ребенокъ' (Ахалц. § 103); агул. әχ-і къ әхо (конечное -о изъ общепрарм. *-а) = ereχau 'ребенокъ', сәнерh-і къ сәнарhа 'путь, дорога' = сәнарarh (С а р г с я н ц ъ р. 84). Срв. изъ языка начала XVIII вѣка, описаннаго Sch r ö d e r'омъ: ereу-i (Thesaurus etc. р. 328) = тифл. ereу-i (см. выше).

Примѣчаніе. Отмѣтимъ; что аналогіи армянскихъ словъ слѣдуютъ и турецкія заимствованія, исходящія въ именительномъ на -а; срв. ген. аҫ-і къ аҫа 'господинъ'. См. Этюды I § 45, 3; подстрочн. прим. 1.

b) Г р а б а р н ы я о с н о в ы н а -о-: art-i (при art-u) 'пашни, нивы'; граб. artoy; ʁənjor-i 'яблока', граб. ʁnpjoroj (при ʁnpjori); gorc-i 'дѣла', граб. gorcoy; gel-i (при gil-u) 'волка', граб. gailoy; aḡci (при aḡc-u) 'медвѣда', граб. aḡcoy; gəg-i 'воды', граб. ḡroy; erz-i 'сна', граб. erazoy; seḡap-i 'стола' (seḡap 'столъ' вѣроятно слово книжное), граб. seḡapoy; getn-i 'земли, почвы', граб. getnoy (но : i getni) и т. д.

Отдѣльно отмѣтимъ родительные отъ словъ, исходящихъ въ именительномъ на -u: ləvi къ lu 'блоха' (граб. lu, ген. lvoḡ); форма ləvi развилась изъ *lvi, которое получилось изъ *lu-i (срв. граб. lvoḡ изъ lvoḡ, какъ и пишется въ текстахъ), о чемъ см. Этюды I § 68 (съ подстроч. прим. 1); срв. въ тифлисскомъ (гдѣ тотъ же процессъ) ləvi къ lu (Тифл. § 76 и § 315); если въ мушскомъ существуетъ *ju 'яйцо' (въ нашихъ текстахъ не встрѣчается!), то родительный къ нему будетъ *jəvi (срв. тифл. jəvi къ ju), срв. мушс. jəv-a-sieḡ 'яичница' изъ *ju-a-sieḡ = jvasəḡ.

c) Г р а б а р н ы я о с н о в ы н а -u-: aḡvəs-i (при aḡvəs-u), граб. aḡvesu.

d) Г р а б а р н ы я о с н о в ы н а с о н о р н ы е: aḡrg-i 'источника', граб. aḡber; alg-i 'муки', граб. aler; astḡ-i 'звѣзды', граб. asteḡ; arn-i (есть и arup-i) 'крови', граб. arean; koreki 'проса' граб. korekan (есть и korek-oḡ); rəseḡ-i 'пята', граб. rəḡap (къ пом. rəseḡ, при которомъ есть и rəseḡ, rəsiḡ); keek-i 'молніи', граб. kaikakan; mat-i 'пальца', граб. matin; serm-i 'сѣмени', граб. serman; məgəm-i 'муравья' ¹⁾, граб. mrgəman и т. д. ²⁾. Цѣлый рядъ

¹⁾ Форма genitivi sing. məgəm-i предполагаетъ форму именительнаго въ видѣ *məgəm; эта послѣдняя форма (ея въ нашихъ записяхъ нѣтъ) соответствовала бы вполнѣ граб. mrgəmn. Поэтому, сопоставленіе мушской формы nominativi sing. məgəjem (при которой есть и mrgəm = mrgəmn) съ граб. mrgəmn, которое мы склонны были допускать раньше (см. Этюды I стр. 95 подстрочное прим. 2), намъ не представляется болѣе возможнымъ. (Быть можетъ, самая запись məgəjem явилась какъ результатъ слуховой описки вм. *məgəm).

²⁾ Срв. переходъ въ склоненіе съ родительнымъ на -i въ тифлисскомъ (напр.

родительныхъ на -teni (къ именительнымъ на -thien, § 81, 2 b) въ соотвѣтствіи съ грабарными на -thean (къ именительнымъ на -thiun), напр. lavuten-i 'благодѣянія', граб. lavuthean; neçuten-i 'стѣсненія', граб. neçuthean; thuğruten-i къ nom. thoğ[a]rutien 'торговля' (къ thoğar или thuğar 'купецъ' = арабс. tuğğar, срв. выше § 81, 2 b) и т. д. ¹⁾.

е) Отдѣльныя формы: og-i 'дня', граб. avur (къ nom. aur, õr); teç-i (təç-i) 'мѣста', граб. teçvoу (къ nom. teçi). Не имѣютъ прямыхъ соотвѣтствій въ грабарѣ: çhok-i къ nom. çhuokh 'колѣно', срв. въ араратскомъ диалектѣ çhokh въ выраженіи çhokhe çhokh; çhəv-k-i 'кровли' къ имен. *çhəvik, срв. граб. çhiv, gen. çhvoу (мушское *çhəvik образовано изъ çhiv съ суффиксомъ -ik, см. выше § 19); akġ-i 'зуба' къ nom. akġa, срв. въ диалектахъ: нахич. akġa (П а т к а н о в ъ, Нахичеванскій стр. 125), польско-арм. agra, конст. agra. (У С и р б и е д'а въ Grammaire de la langue Arménienne. Paris 1823, p. 740 приводится akraу, какъ простонародное слово ²⁾); также оно занесено въ списокъ вульгарныхъ словъ въ прибавленіи къ Акад. Словарю подъ формами: akġaу и yaġkaу; s. vv.); halv-i 'платья' къ nom. halav, которому соотвѣтствуетъ въ грабарѣ (въ «Maštoch»-ѣ) halav (косвенные падежи не приводятся Аб. Словаремъ).

г) Отдѣльно отмѣтимъ родительные на -i отъ такихъ словъ, именительный ед. ч. которыхъ формально равенъ именительному множ. числа соотвѣтствующихъ словъ въ грабарѣ, гдѣ они представляютъ pl. tantum. Сюда принадлежатъ: hrašk-i къ nom. sing. hraškh 'чудо' = hraš-kh (gen. hraš-ich); taik-i къ nom. sg. taikh 'кровля' = tai-kh (gen. tai-each); balnək-i (при banləki) къ nom. sg. balnikh (при banlikh) 'ключъ' = banali-kh (nom. sg. banali) и т. д.

aki при граб. akan), ахалцыхскомъ (gathi при граб. kathin), въ мокскомъ (korġi-п 'проса', „Davith ev Mher“ [изд. А в е г е а н'а] p. 17, срв. мушское koreki) и т. д.

¹⁾ Срв. тифл. -theni (къ имен. един. числа на -thin), напр. barutheni къ baruthin 'доброта' (Тифл. §§ 98, 315, 344); относительно -theni въ агулисскомъ см. Саргсянецъ p. 83.

²⁾ Слово это мы находимъ въ большомъ употребленіи въ средне-армянскомъ; въ „Сборникахъ притчъ Вардана“ (изъ М а р р а) находимъ: akġak (въ чередо-

Примѣчаніе. Отмѣтимъ: gen. thamk-i къ nom. thamkh 'сѣдло' = thambkh (nom. sing.) ¹⁾ средневѣковыхъ памятниковъ (въ грабарѣ thamb-kh nom. pl. къ nom. sing. thamb); gen. ašʷar-i (къ nom. ašʷar 'страна') на ряду съ ašʷark-i къ nom. ašʷarkh = формально граб. nom. plur. ašʷarh-kh (къ nom. sing. ašʷarh); gen. hramank-i къ hramankh 'приказъ' = nom. pl. hraman-kh (къ nom. sing. hraman) и т. д.

g) Перечислемъ, наконецъ, тѣ мушскіе родительные на -i, которые встрѣчаются отъ словъ, перешедшихъ изъ турецкаго или черезъ посредство турецкаго (изъ арабскаго, персидскаго): thuḡr-i 'купца' къ nom. thuḡar (есть и toḡar); ḡonaḡ-i 'гостя' къ nom. ḡonaḡ; ḡalif-i 'халифа' къ nom. ḡalif; zaləm-i къ zaləm 'жестокій'; askər-i 'войско' къ nom. askar; ḡanəm-i 'госпожи' къ nom. ḡanum ašəḡ-i 'ашуга, народнаго пѣвца' къ nom. ašʷuḡ; phešak-i 'ремесла' къ phešak; bəlbul-i 'соловья' къ nom. bəlbul и т. д.

Примѣчаніе. Отдѣльно отмѣтимъ: aḡ-i къ nom. aḡa 'господинъ'; təḡaz-i къ nom. təḡaza 'складъ, владовая, магазинъ' и др. — по аналогіи teḡ-i къ nom. təḡa и т. д. (см. выше).

§ 108. Въ заключеніе, сдѣлаемъ небольшую историческую справку относительно распространенія суффикса -i въ ново-армянскомъ языкѣ. У Шрёдера, въ Synopsis linguae civilis Armenorum (одинъ изъ отдѣловъ его Thesaurus linguae Armenicae) ²⁾,—представляющемъ, въ общихъ чертахъ, разговорную «восточно»-армянскую рѣчь начала XVIII столѣтія, — въ формѣ родительнаго ед. числа, за извѣстными исключеніями (напр. формы на -an), является -i; см. парадигму на стр. 307 — 308 (о. с.). Только имена, исходящія въ именительномъ на -i (напр. ordi

ванія съ nom. pl. atamun-kh) при акḡau (или акḡa) въ вариантахъ (стр. 63); у Минаса Токатскаго (Thoxathchi) — середина XVI в. — читаемъ акḡau (Костанянц, Собраніе I стр. 55) и т. д.; у Мхитара Севастійскаго — начало XVIII—въ словарѣ къ Грамматикѣ приводится акḡau (читай аḡa).

¹⁾ Форма tham-kh получилась изъ *thamb-kh, вѣроятно, черезъ ступень *thamshk съ дальѣйшимъ упрощеніемъ группы *-mm- въ -m-.

²⁾ Такимъ образомъ и въ джульфинскомъ діалектѣ первой четверти XVIII столѣтія мы видимъ распространеніе исхода -i на счетъ другихъ суффиксовъ.

‘сынъ’), имѣютъ въ родит. -ou (ordou) ¹⁾. Такимъ образомъ, мы имѣемъ, напримѣръ, слѣдующія формы на -i: zavaki къ имен. zavak ‘semen’; akni къ akn ‘gemma’ (срв. тифл. ak[n]i къ ak); barutheni къ baruthiun ‘bonitas’ (срв. джюльфинское [XVIII столѣтiя] Haruthiuni ²⁾ къ Haruthiun ‘собс. имя’ = yaruthiun (см. § 81, стр. 62); alri къ aliur ‘farina’ (срв. мушс. alri къ alur); saḡayi къ saḡay ‘servus’; th[ə]γ̄thi къ thuγ̄th ‘epistola’; žami къ žam ‘hora’; jkni (срв. ахалц. səgi при səgan) къ jukn ‘piscis’; mardi къ mard ‘homo’ и пр.

Отмѣтимъ изъ «Словаря» Риволы 1621 года (Dictionarium Armeno-Latinum... auctore Fr. Rivola) форму gen. sg. erzi (къ пом. eraz ‘insomnium’) при граб. erazoу, срв. вышеприведенное мушское erzi (§ 107, подъ b).

§ 109. Суффиксъ -ап въ мушскомъ, какъ окончанiе родительнаго (и дательнаго) ед. ч., принадлежитъ исключительно именамъ съ (армянскою) основою на носовой. Мушское -ап по происхожденiю соотвѣтствуетъ грабарному -ап въ родительномъ (и дательномъ) именъ съ такою же основою; мушское -ап распространилось на всю область именъ съ основами на -п; такимъ образомъ, оно является также и въ родительномъ такихъ именъ, соотвѣтствующiй падежъ которыхъ въ грабарѣ исходитъ на -ip (напр. gaḡin къ gaḡn ‘ягненокъ’).

Итакъ, въ грабарѣ (а также и въ обще-армянскомъ), въ родительномъ (дательномъ) именъ съ носовою основою, существовали

¹⁾ Что касается приводимыхъ Schräder’омъ формъ на -ou, какъ ordou, то эти формы, конечно, не соотвѣтствуютъ дѣйствительности, но представляютъ, извѣстныя грабаризацiи, т. е. подновленiя подъ влiянiемъ книжнаго языка (грабара), гдѣ мы имѣемъ -vou (ordvou). Что это такъ, можно убѣдиться, наведя справку въ памятникахъ джюльфинскаго диалекта первой четверти XVIII вѣка („Дневникъ Петра Галиленца, 1722—23 гг.“), — диалекта близко стоящаго къ языку, описанному Schräder’омъ: здѣсь мы имѣемъ отъ словъ исходящихъ на -i въ именительномъ — родительный на -u. (Срв. Пяткановъ. Исслѣдованiе о диалектахъ стр. 85). Подобныяже подновленныя формы мы находимъ и у Риволы (Dictionarium Armeno-Latinum 1621 года): ēgoу (къ пом. ēgi = aigi) при граб. aigvoу. Вѣроятно, какъ и теперь, въ этихъ случаяхъ и въ XVII—XVIII вв. звучало -u.

²⁾ Пишется yaruthiuni (съ y-, а не .h-) подъ влiянiемъ литературной орфографiи.

два исхода: -an (болѣе распространенный) и -in; съ одной стороны, мы имѣемъ: akan къ akn 'глазъ'; arean къ ariun 'кровь'; geruthean къ geruthiun 'плѣнь' (сюда же: šan къ šun 'собака'; tan къ tun 'домъ'), — съ другой: anjin къ anju 'persona'; beġin къ beġn 'тяжесть, ноша' и т. д.

Объясняя происхождение этихъ формъ родительнаго, Гюбшманъ (Arm. St. I p. 89) говоритъ, что такія формы, какъ ak-an, anj-in соответствуютъ «griech. Genitiven auf -ωνος, -ενος (vgl. ἡγεμόνος, ποιμένος)», и въ подстрочномъ примѣчаніи замѣчаетъ: «Dem arm. šan würde in Griechischen *χουνος (für χυνός) entsprechen». Это толкованіе Гюбшмана вызываетъ нѣкоторыя возраженія. Мы вполне согласны, что такія формы, какъ anj-in соответствуютъ греческимъ, въ родѣ ποι-έν-ος; срв. еще gaġin (къ пом. gaġn) и др.-инд. (съ переходомъ въ склоненіе первоначальныхъ основъ на -о-) ur-an-as; eṅ-in (къ пом. e,ṅ 'олень') и ст.-слав. gen. ѿл-ем-е (cf. Brugmann, Grundriss II p. 328); грабарное (и общеармянское) -i- въ -in правильно изъ индо-европ. *e въ положеніи передъ носовымъ (ibid. I² § 117). Что же касается такихъ формъ, какъ ak-an и т. д., то мы не находимъ возможнымъ сопоставлять ихъ -an съ греч. -ων- (напр. въ ἡγεμ-όν-ος etc.); въ грабарѣ мы ожидали бы изъ индо-европ. *-on- по крайней мѣрѣ *-on; поэтому общеармянскія и грабарныя формы на -an мы объясняемъ какъ формы, въ которыхъ должно видѣть образованія съ слабымъ видомъ индо-европейской основы, а именно конечное -an мы выводимъ изъ индо-европ. *ṅn-os/-es; такого же взгляда держится, въ настоящее время, и Bartholomae (B. V. XVII p. 92¹⁾; Grundriss d. iran. Philologie I p. 101; срв. также Brugmann, Grundriss I² § 436, 2). Наконецъ, вмѣстѣ съ Томсономъ (Тифл. стр. 175), мы не можемъ, на такихъ же фонетическихъ основаніяхъ, сопоставлять граб. šan съ *χουνος (вм. χυνός); форму šan мы выводимъ, вмѣстѣ съ Bartholomae (l. c.), изъ индо-европ. *k^hṅn-os/-es, откуда *šan(-os/-es), и, такимъ образомъ, не видимъ осно-

¹⁾ Равьше, В. В. X p. 294, проф. Bartholomae, объясняя исходъ пом. plur. -an-kh (serman-kh къ пом. sg. sermn 'сѣмя'), сопоставлялъ (какъ и Гюбшманъ) -an- съ греч. -ων- (въ -ων-ες).

ваній считать ее образованной «по примѣру gen. sing. другихъ словъ на -n», какъ думаетъ Томсонъ (l. c.) ¹⁾.

§ 110. Обращаемся теперь къ грабарнымъ исходамъ gen. sg. -ean (agean) и -thean (geruthean). Исходъ -ean мы находимъ въ именахъ, исходящихъ въ именительномъ на -iun, напр. jean къ jiuu 'снѣгъ'; seap къ siun 'колонна, столбъ'; agean къ agiun 'кровь' и т. д.; исходъ -thean — въ многочисленныхъ именахъ съ именительнымъ на -thiun, напр. geruthean къ geruthiun 'плѣнь'; thagavoruthean къ thagavoruthiun 'царство' и т. д. Какъ въ -ean, такъ и въ -thean дифтонгическое сочетание -ea- вторичнаго происхождения: оно возникло уже въ обще-армянскомъ изъ болѣе равняго *i + a (изъ *i + a; см. Этюды I § 113; cf. Brugmann, Grundriss I² § 81). Остановимся здѣсь на выясненіи нѣкоторыхъ примѣровъ. Граб. jean 'снѣга', — если мы примемъ толкованіе Bartholomae (Studien II 36; см. выше § 81 примѣчаніе 2) формы именительнаго jiuu изъ индо-европ. *g^hi^hiōm, — должно выводить изъ индо-европ. *g^hi^hi^m-os(-es), откуда получено было *jiyam[-os(-es)] и далѣе *jiam, которое, съ переходомъ конечнаго *m въ -n и измѣненіемъ *i + a въ ea, дало грабарное jean ²⁾. Граб. seap 'колонны', если мы вмѣстѣ съ Bartholomae (o. c.) будемъ возводить nom. siun къ индо-европ. *k^hiōn, должно быть выводимо изъ индо-европ. *k^hi^hiⁿ-os(-es), откуда получилось обще-арм. *siyan[-os(-es)] и далѣе *sian ³⁾. Относительно родительныхъ на -u-

¹⁾ Вообще все это мѣсто у Томсона нуждается въ нѣкоторой поправкѣ. Томсонъ говоритъ: „šap образовалось по примѣру gen. sing. другихъ словъ на -n, такъ какъ изъ κ^hα^hnos [форма эта, построенная въ связи съ ученіемъ проф. Фортунатова объ „иррациональномъ гласномъ“, не совсѣмъ ясна для насъ; быть можетъ, проф. Томсонъ желалъ написать: *k^hκ^hα^hnos] получается греч. κ^hυ^hός, но не обще-армянское šap“. Греческое κ^hυ^hός получило изъ индо-европ. gen. *k^hi^hnos, откуда и соответствующее др.-инд. gen. śapás.

[Говоря о построеніяхъ проф. Томсона (по системѣ проф. Фортунатова), мы не должны забывать, что его трудъ былъ написанъ въ 1890 г. и что въ настоящее время его построенія были бы иныя; такимъ образомъ, вышеприведенное *k^hκ^hα^hnos теперь должно являться въ видѣ *k^hκ^hα^hnos = (по системѣ, которой держимся мы) *k^hi^hnos. — Изъ соображеній типографическихъ мы не надписываемъ n надъ ç, но ставимъ рядомъ].

²⁾ См. выше стр. 61—62 подстрочное примѣчаніе 3.

³⁾ См. выше стр. 61 подстрочное примѣчаніе 2.

thean (имен. на -u-thiun) замѣтимъ, что -thean происходитъ изъ обще-арм. *-thivan[-os(-es)], *-thian; срв. Томсонъ, Тифл. § 259, а также Hübschmann, Arm. St. I p. 86 (подъ h).

§ 111. Обращаясь къ разсмотрѣнію мушскихъ примѣровъ родительнаго на -an (рѣже -a), мы будемъ держаться тѣхъ же разрядовъ носовыхъ основъ, какіе были намѣчены нами при обзорѣ нн формъ именительнаго падежа (см. выше § 81).

1) Мушскія имена, именительный которыхъ исходитъ на -un, въ соответствии съ грабарнымъ -un, имѣютъ въ формѣ родительнаго -an = -an. Примѣры: šan (къ ном. šun 'собака') = šan (ном. un); tan (къ ном. tun 'домъ') = tan (ном. tun); ašnan (къ ašun 'осень') = ašnan (изъ *ašunan къ ном. ašun); garnan (къ ном. garun 'весна') = garnan (изъ *garunan къ ном. garun); anvan (къ ном. anun 'имя') = anvan (ном. anun) изъ обще-арм. *anvan[-os(-es)], изъ индо-европ. формы на -mn-os/-es.

2) а. Мушскія имена, именительный которыхъ исходитъ на -un, въ соответствии съ граб. -iun, имѣютъ въ формѣ родительнаго отчасти -an = -an (повидимому въ словахъ односложныхъ) [α], отчасти -n-i, полученное подъ влияніемъ формы именительнаго падежа[β]; формы послѣдняго рода являются новообразованіями.

Примѣры: α) san (къ ном. sun 'столбъ') при граб. sean (ном. siun), изъ общ.-арм. *sean (которое изъ *sjan; см. § 110); jan (къ ном. jun 'снѣгъ') при граб. jean (ном. jiun), изъ обще-арм. *jean (которое изъ *jjan; см. § 110).

β) агн-і (къ ном. агун = агіун 'кровь'), но въ грабарѣ agean (изъ *agi-an); мушское агні произведено прямо изъ формы именительнаго агун (слѣдовательно агн-і изъ *агун-і; существующая при агн-і форма агун-і снова получила и подъ влияніемъ именительнаго). См. выше § 107 подъ d.

б. Мушскія имена, именительный которыхъ исходитъ на -tien = -thiun, имѣютъ въ формѣ родительнаго исключительно (насколько мы можемъ судить по имѣющимся у насъ примѣрамъ) -ten-i, образованное прямо изъ формы именительнаго. (Срв. вышеприведенное агн-і изъ *агун-і къ агун 'кровь').

Примѣчаніе. Имѣя въ виду, что обычнымъ соответствіемъ грабарному iu въ мушскомъ является u (срв. sun при siun)

и что грабарному ea соотвѣтствуетъ а (срв. *zan* при *sean*), слѣдуетъ думать, что исходъ именительнаго *-t̄ien*, напр. *uraχut̄ien* 'радость', не тождественъ съ грабарнымъ *-thiun*, напр. *uraχuthiun* (въ соотвѣтствіи съ которымъ мы ожидали бы въ мушскомъ **-tun*), равно какъ гласный е въ *-ten-i* не можетъ соотвѣтствовать грабарному ea въ *-thean* (мы, во всякомъ случаѣ, ожидали бы въ мушскомъ **-t̄en-i* изъ **-tan-i*, гдѣ **-tan* = граб. *-thean*).

Нужно, поэтому, думать, что гласный е родительнаго (и другихъ косвенныхъ падежей) восходитъ къ тому же общеармянскому звуку, изъ котораго получилось въ грабарѣ е въ отложительномъ на *-then-ē*. Въ общеармянскомъ языкѣ въ этой формѣ являлось **-then-ē*, полученное изъ **-thian-ē* (въ общеармянскомъ изъ **īa* [изъ **i-a*] въ неударномъ слогѣ получалось **e*, срв. Этюды I § 114), **-thian-ē*, **-thivan-ē*; изъ общеарм. **-then-ē* получилось въ грабарѣ *-then-ē*, въ мушскомъ *-ten-e*. Эта форма отложительнаго послужила въ мушскомъ основаніемъ для построения цѣлаго склоненія; между прочимъ, къ виду ea основы *-ten-* восходитъ родительный падежъ на *-ten-i* (фонетически мы ожидали бы въ соотвѣтствіи съ грабарнымъ *-thean* въ мушскомъ **-tan*, срв. *-than*, напримѣръ, въ ахалцыхскомъ), примѣнительно къ которому былъ образованъ именительный съ исходомъ *-t̄ien*. (Распространеніе въ косвенныхъ падежахъ общеармянской основы, являвшейся, въ этомъ разрядѣ именъ, въ отложительномъ падежѣ ед. числа, мы видимъ, напримѣръ, въ тифлисскомъ; см. Тифл. § 259).

Примѣры: *neχuten-i* (къ ном. *neχut̄ien* 'стѣсненіе'), граб. *neχuthean*; *lavuten-i* (къ ном. *lavut̄ien* 'доброта'), граб. *lavuthean*; *uraχuten-i* (къ ном. *uraχut̄ien* 'радость'), граб. *uraχuthean*; *haχōyuten-i* (къ ном. *haχōyut̄ien* 'удача'), граб. *yağōyuthean* и т. д.

3) Мушскія имена, именительному которыхъ въ грабарѣ соотвѣтствуетъ форма на группу *<sonsonans + n>*, отчасти исходить въ родительномъ на *-an* (изъ общеармянскаго **-an*) = *-an* [x, β], отчасти на *-i*, присоединяемое къ формѣ именительнаго падежа [γ]; формы послѣдняго рода являются новообразованиями.

Отмѣтимъ, что въ грабарѣ имена этого разряда, какъ мы уже видѣли (§ 109), исходили въ родительномъ (дательномъ) или на -ап или на -in.

а) Примѣры на мушское -ап, соответствующее грабарному -ап: ак-ап (къ ном. ак 'источникъ') = акап; јак-ап (къ ном. јук 'рыба') = јкап; асγ-ап (къ ном. асіеγ 'яголка') = асγап; бѣ-ап (къ ном. бу- 'горсть') = бѣап; дѣ-ап (къ ном. ду- 'дверь') = драп; мѣк-ап (къ ном. мук 'мышь') = мкап; нѣ-ап (къ ном. ну- 'гранатовое яблоко') = нѣап и т. д.

б) Примѣры на мушское -ап при -in въ грабарѣ: ез-ап (къ ном. уез 'быкъ'), граб. ез-in; бе-ап (къ ном. бие- 'тяжесть'), граб. бе-in; то-ап (къ ном. то- 'внукъ'), граб. то-in; га-ап (къ ном. га- 'ягненокъ'), граб. га-in, срв. тифл. гап и т. д.

γ) Примѣры на мушское -і при грабарномъ -ап: кеск-і (къ ном. кесак 'молнье'), граб. кайсак-ап; мат-і (къ ном. мат 'палець'), граб. мат-in; серм-і (къ ном. сјерм 'сѣмя'), граб. серм-ап; мѣ-і (къ ном. мѣ- 'муравей'); см. выше стр. 94 подстрочи. прим. 1), граб. м-ап; агм-і (къ ном. агм- 'локоть'), граб. агмкап; а-і (къ ном. а- 'лукъ'), граб. а-ап и т. д. См. выше § 107, d.

Примѣчаніе. При ар-і (къ ном. ар- 'берегъ'), граб. ар-in и ар-ап (къ ар-), встрѣчается также и ар-и. Впрочемъ, это единственный, имѣющийся у насъ примѣръ.

§ 112. Очень рѣдко въ мушскомъ мы находимъ въ формѣ родительнаго падежа **ИСХОДЪ -а**, находящійся, по всей вѣроятности, въ родствѣ съ только что разсмотрѣннымъ исходомъ -ап (изъ обще-армянскаго *-ап = граб. -ап).

Единственный примѣръ, гдѣ мы находимъ въ мушскомъ -а, при болѣе частомъ -ап (въ соответствіи съ граб. -ап) — это а- (къ ном. а- 'дѣвушка, дѣвочка') при а-ап = а[э]кап. Въ нѣкоторыхъ діалектахъ соответствующая форма имѣетъ исключительно -а (напр. въ тифлисскомъ).

По аналогіи а-кап, -ка къ ном. а- 'жена, женщина' gen. к-ап, к-а (болѣе рѣдкое); срв. средне-армянское ккап къ к- (см. напр. «Сборники притчъ Вардана», изд. Марра, стр. 181). Относительно

мушскаго кәпик см. выше § 24. Въ нѣкоторыхъ діалектахъ, напр. въ тифлисскомъ, встрѣчается исключительно форма на -а ¹⁾).

Примѣчаніе. Подъ вліяніемъ формы кәганъ 'жены', по всей вѣроятности, образовалась форма родительнаго іркапъ (П а т к а н о в ъ, Мушскій стр. 30) къ ном. ірикъ или ерикъ 'мужъ' изъ *air-ik, Этюды I стр. 145, гдѣ *air = air 'мужъ', занимающему въ системѣ грабарнаго склоненія особое мѣсто. Подобное же явленіе мы находимъ и въ средне-армянскомъ; срв. киликійскую форму gen. airgan къ airig 'мужъ' вознившую по образцу gen. gagan къ gwig 'жена'. (Cf. Karst, Kilikisch-Armenisch I § 49).

§ 113. Мушское -ап встрѣчается, какъ исходъ родительнаго, и не въ соотвѣтствіи съ грабарнымъ -ап. Такъ, мы отмѣтили: gort-ап (къ ном. gport 'лягушка') при граб. gort-ou (или gort-i) — основа на -о- (или -i-); ji-ап (у П а т к а н о в а, Мушскій стр. 35) на ряду съ вышеприведеннымъ (§ 99) ji-и (къ ном. ji 'конь' = ji) при граб. ji-ou — основа на -о-. Быть можетъ,

¹⁾ Приводя тифлисскія формы ахсѣка (ном. ахсикъ) и кәга (ном. кпикъ). Томсонъ замѣчаетъ: „Въ [этихъ] словахъ исчезло, въ gen. sing, конечное -п послѣ полного гласнаго, что вовсе не соответствуетъ фонетическимъ законамъ тифлисскаго діалекта“ (Тифл. § 319).

Съ своей стороны, мы должны замѣтить, что и въ мушскомъ исчезновеніе въ соотвѣтствующихъ словахъ конечнаго -п представляется также явленіемъ неорганическимъ. Не проникли ли въ мушскія формы безъ -п (встрѣчающіяся на ряду съ болѣе употребительными на -ап) изъ какихънибудь другихъ діалектовъ?

Во всякомъ случаѣ, нельзя не принять во вниманіе объясненія, даваемого Томсономъ исчезновенію -п въ тифлисскомъ діалектѣ, — объясненія, которое съ одинаковымъ правомъ можетъ быть примѣнено и къ другимъ діалектамъ, гдѣ существуютъ параллели -ап || -а (а также -vap || -va, о которыхъ будетъ рѣчь ниже § 117). Именно, Томсонъ (Тифл. стр. 178) видитъ въ этомъ явленіи „психическую“ причину: такъ какъ въ тифлисскомъ (какъ и въ другихъ новоармянскихъ діалектахъ) дательный „отличается обыкновенно отъ родительнаго только лишнимъ п въ концѣ“, то по примѣру такихъ родительныхъ (тифлисскаго діалекта), какъ marthu, aski, рядомъ съ дат. marthu-n, aski-n, стали употребляться, напр., въ род. amagva и въ дат. amagvan, хотя въ родительномъ сохранялось и amagvan.

въ мушскомъ существующь и другіе примѣры, остающіеся намъ неизвѣстными.

§ 114. Мушскій діалектъ представляетъ также и такіе случаи, когда мы имѣемъ -а, какъ исходъ родительнаго падежа, не въ соотвѣтствіи съ граб. -ап. Изъ именъ нарицательныхъ съ такимъ -а мы могли отмѣтить всего лишь одинъ примѣръ ¹⁾; всѣ же остальные принадлежать именамъ собственнымъ, а именно названіямъ городовъ, странъ и т. д. Таковы формы, извлеченныя нами изъ былины «Давидъ Сасунскій»: Arzgom-a ²⁾ (Паткановъ, Мушскій стр. 2) къ пом. Arzgom 'Эрзерумъ' *ibid.* стр. 3); Msr-a 'Египта' (*ibid.* стр. 5); Maruthak-a (*ibid.* стр. 14); Avzut-a dašt ('А. поле, т. е. равнина', *ibid.* стр. 18); ɣlath-a (*ibid.* стр. 26) и пр.

Формы на -а въ родительномъ географическихъ именъ извѣстны и изъ другихъ діалектовъ. Въ ахалцхскомъ мы находимъ: ɣars-a (къ пом. ɣars 'Карсъ'); Ešhmiajn-a (къ пом. Ešhmiajin 'Эчмιάδιны') (Ахалц. § 104); въ константинопольскомъ, какъ «простонародныя» формы отмѣчены Aidynian'омъ (II § 112): Ešhmiajn-a (транскрипція наша) и др.; въ «Дневникѣ Петра Галиленца» ³⁾, памятникѣ джувльфинскаго діалекта первой четверти XVIII вѣка, мы встрѣчаемъ, напримѣръ, слѣдующія формы: əsrahan-ay (читай: əsrahana) 'Испагани' (срв. приводимую Sch r ö d e r'омъ, Thesaurus etc. p. 344, форму Spahan-ay); Baɣdad-ay (читай: -da) 'Багдада'; Yarevan-ay (читай: Harevana) 'Эривани', хотя

¹⁾ Это — встрѣчающееся въ былинѣ „Давидъ Сасунскій“ ɣəmg-a 'мужика' (къ пом. ɣəmik = ɣəmik) при граб. ɣəmk-i. (Завись у Срвандѣянца и Патканова — ɣəшка; мы видимъ въ ней вліяніе орфографіи литературнаго языка; въ ɣəmg-a -g- изъ -k- послѣ носового, см. Этюдъ I § 124). Эта же форма ɣəmg-a употребляется и какъ прилагательное „мушскій, крестьянскій“; см. Паткановъ, Мушскій стр. 9.

²⁾ Какъ эту, такъ и слѣдующія формы мы лишь транскрибируемъ въ томъ видѣ, какъ онѣ записаны армянскимъ шрифтомъ у Срвандѣянца-Патканова. Единственное отступленіе — опущеніе конечнаго -у (т. е. мы пишемъ -а, а не -ay), которое, конечно, появилось подъ вліяніемъ литературной орфографіи. Кроме того, форма Msr-a въ болѣе точной записи должна быть — Məsr-a.

³⁾ Памятникъ этотъ изданъ въ журналѣ „Kfunk“ за 1863 г. (февраль стр. 81—112 и мартъ стр. 181—212). Отрывки изъ „Дневника“ перепечатаны и у Патканова, Исследование о діалектахъ стр. 76—81.

на ряду съ -а встрѣчается и -и: Thavriz-и 'Тебриза'; Thifliz-и 'Тиолиса' и пр. (Срв. Паткановъ, Исслѣдованіе о діалектахъ стр. 4). — Говоря объ употребленіи -а въ діалектахъ, мы должны въ дополненіе замѣтить, что это -а встрѣчается не только какъ исходъ родительнаго отъ географическихъ названій, но также и отъ собственныхъ именъ лицъ, какъ, напримѣръ, въ мокскомъ, агулисскомъ (Саргсянцъ стр. 84—85), карабахскомъ и др.

Имѣя въ виду эти общія условія употребленія -а въ новоармянскомъ языкѣ, мы должны этотъ исходъ сопоставлять съ исходомъ -ау въ грабарѣ, гдѣ онъ употребляется въ родительномъ (дательномъ) отъ многочисленныхъ собственныхъ именъ какъ лицъ, такъ и мѣстностей (городовъ, областей, странъ и т. д.), напр. Mariam-ау 'Маріи'; Adam-ау 'Адама'; Hřovm-ау 'Рима'; Erevan-ау 'Эривани'; Akn-ау 'Агна' и пр. (Подробности см. у Вагратуни § 26 слѣд. [«Первое склоненіе»]; срв. также Arm. St. I p. 84). Сопоставляя, однако, новоармянское -а съ грабарнымъ -ау, мы этимъ самымъ не рѣшаемся утверждать, что то и другое восходятъ къ одной общеармянской формѣ (*-ау). Мы скорѣе склонны діалектическое -а разсматривать какъ грабарное заимствованіе, перешедшее книжнымъ или церковнымъ путемъ.

Примѣчаніе. Отмѣтимъ, что въ мушскомъ названія городовъ и странъ также исходятъ на -и, напр. Bařdad-и 'Багдада'; Kařuzvan-и 'Кагызвана' (изъ былины «Давидъ Сасунскій»; см. Паткановъ, Мушскій стр. 1, 17) и т. д.

§ 115. Обзоръ мушскихъ соотвѣтствій грабарнымъ образованіямъ родительнаго падежа отъ именъ съ основами на носовой показываетъ, что въ мушскомъ діалектѣ замѣчается тенденція къ такому падежному образованію, которое мы находимъ въ именахъ, грабарныя соотвѣтствія которыхъ представляютъ собою основы на гласные. Такимъ образомъ, мы находимъ въ мушскомъ примѣры, представляющіе переходъ въ склоненіе съ родительнымъ на -і, напр. arn-і (къ ном. arun 'гровъ') при граб. arean; kesk-і (къ ном. kesak) при граб. kaicakan; serm-і (къ ном. sřerm) при граб. serman и т. д.; далѣе, мы имѣемъ постоянно формы на -ten-і (къ ном. на -thjen) при граб. -thean (къ ном. на -thiun), напр. urařu-

-ten-i при граб. ugaϑuthean и т. д. Такія формы возникли благодаря тому обстоятельству, что именительный въ ново-армянскомъ сталъ служить основой, отъ которой и образовывались остальные падежи. Поэтому, при органическомъ *zerman изъ общеарм. *zerman (срв. граб. zerman), къ ном. zjerm (граб. zermn) образовалась непосредственно отъ него форма zerm-i, которая и вытѣснила собою старое образование *zerman.

Эта же самая тенденція можетъ быть отмѣчена и въ другихъ ново-армянскихъ діалектахъ. Такъ, въ тифлисскомъ мы находимъ: anəni (къ ном. anun 'имя') при граб. anvan; jəni (къ ном. jun 'свѣтъ') при граб. jean; aregaki (къ ном. aregak 'солнце') при граб. aregakan, см. Тифл. стр. 176—177; о формахъ на -then-i (= мушс. -ten-i) при граб. на -thean—см. *ibid.* § 259. Изъ ахалцыхскаго отмѣтимъ: səgi (къ ном. sug 'рыба')=jukn при органическомъ səgan=jkan; см. Ахалц. § 107. Въ агулисскомъ, насколько объ этомъ можно судить по труду Саргсянца (стр. 83), формъ родительнаго падежа, принадлежащихъ старому склоненію именъ съ носовою основой, вовсе не сохранилось, за исключеніемъ а҃гәка 'дѣвушки' = а҃гәкан и образованій на -thean = -thean, при которыхъ существуютъ также и образованія на -theni (срв. мушсвѣй, тифлисскай).

Примѣчаніе. Съ аналогичнымъ явленіемъ мы познакоимся ниже, при разсмотрѣннй исторіи формъ родительнаго един. числа отъ именъ съ основами на -г. См. § 122.

§ 116. Отмѣтимъ, что въ «восточно»-армянской рѣчи начала XVIII-го столѣтія, описанной Ioh. Schrod̄er'омъ (*Thesaurus linguae armenicae*, 1711), мы находимъ такую же тенденцію къ утратѣ формы родительнаго, принадлежащей склоненію именъ съ носовыми основами, и къ переходу въ склоненіе именъ съ извѣстными гласными основами. Такимъ образомъ, мы имѣемъ (см. о. с. pp. 307—308): jkni (къ ном. jukn [по поводу формы см. выше стр. 65 подстрочное прим. 2-e] 'piscis'); akni (къ ном. akn 'gemma'), хотя при этихъ формахъ приводятся: gaḡin (къ ном. gaḡn 'agnus') и др.; также имена съ имен. на -thiun имѣють въ родит. -theni, напр. barutheni (къ ном. baruthiun 'bonitas'), хотя въ приложенныхъ текстахъ мы находимъ и формы на -thean въ

словахъ, очевидно, книжныхъ и церковныхъ (напр. *davanuthean* 'confessionis' и т. д.).

Примѣчаніе. Подобныя формы, какъ *jkni*, *akni* (срв. въ тифлисскомъ *akni* при *aki* къ пом. ак, Тифл. стр. 56 и 177), интересно отмѣтить какъ такія, которыя представляютъ переходную ступень къ полной утратѣ слѣдовъ носового склоненія. Между граб. *jkap*, мушс. *jəkap* и т. д. и, на примѣръ, ахалц. *səgi* — форма *jkni*, приводимая у Sch r ö d e r'a, является переходной въ томъ отношеніи, что утративъ исходъ -ап, она еще сохраняетъ старое -п-, принадлежащее носовой основѣ; такое же срединное положеніе занимаетъ и *akni* между граб. *akap* и тифл. *aki* (при *akni*). Подобнымъ же образомъ слѣдуетъ разсматривать тифл. *kathni* (къ пом. *kath* 'молоко' = *kathn*) по отношенію, съ одной стороны, къ граб. *kathin*, съ другой — къ тифлисскому же *kathi*.

Нельзя ли, на основаніи всего вышесказаннаго, сдѣлать то заключеніе, что переходъ въ другое склоненіе начался еще въ ту эпоху, когда въ діалектахъ въ именительномъ еще сохранялась, какъ и въ грабарѣ, группа <sononans + n>, т. е. нельзя ли предполагать, что, на примѣръ, тифл. gen. *kathni* восходитъ къ эпохѣ существованія въ именительномъ **kathn* (срв. граб. *kathn*), тогда какъ gen. *kathi* — къ пом. *kath*, уже утратившему конечное -п?

Процессъ перехода именъ съ носовыми основами въ разряды другихъ основъ (именно, въ основы на извѣстные гласные, на примѣръ, на -i-) начался уже въ періодъ древне-армянскаго языка (срв. показанія грабара) и съ теченіемъ времени увеличивался все болѣе и болѣе ¹⁾. [Срв. аналогичное явленіе — переходъ изъ согласнаго склоненія въ склоненіе гласное въ другихъ языкахъ, напр. въ индійскомъ, греческомъ и т. д.]. Въ грабарѣ грамматиками указываются такіе случаи, какъ gen. sing. *erphn-i*, instr. *erphn-iv* (къ пом. *erphn* 'color, qualitas') при пом. pl. *erph-unkh* (B a g r a t u n i § 137).

¹⁾ Исторія этого явленія въ жизни армянскаго языка заслуживаетъ особаго разсмотрѣнія. Очень было бы желательно по возможности полное, критическое собраніе относящихся сюда фактовъ.

Въ средне-армянскомъ отмѣтимъ, напримѣръ, форму gen. sg. *ariun-i* («Сборники притчъ Вардана» стр. 200, строка 22), *ariun-i-n* [съ постпозитивнымъ -n] (ibid. строка 25) при вариантѣ *arean* (= *arean*) къ ном. *ariun* «кровь» = *ariun* (см. выше § 111, 2_a); gen. sg. *ak-i-n* [съ постпозитивнымъ -n] (ibid. p. 199), при граб. *akan*, къ ном. *ak* (при вариантѣ *akn* = *akn*) «драгоценный камень»; срв. выше.

§ 117. Мы обращаемся теперь къ разсмотрѣнiю мушскихъ формъ родительнаго на **-van** и **-va**. Такихъ образованiй намъ извѣстно очень немного, а именно: *sahat-van* (къ ном. *sahat* «часъ» — турецкое слово); *amaġ-va* (къ ном. *amaġ* «лѣто») при граб. *amaġan* (къ *amaġn*); *jəməġ-va* (къ ном. *jəməġ* «зима») при граб. *jəməġan* (къ *jəməġn*); отдѣльно отмѣтимъ формы: *lus-van*, которая (какъ и *lus-u-n*) встрѣчается въ значенiи «утромъ», а изъ «Давида Сасунскаго» *irik-van* «вечеромъ». (Обѣ формы, собственно, представляютъ дательные, обозначающiе время; формально же эти формы могутъ быть и родительными). Мы не сомнѣваемся, что формъ на **-van** (**-va**) въ мушскомъ, подобно другимъ диалектамъ, существуетъ гораздо больше, чѣмъ отмѣчено нами. Къ сожалѣнiю, какъ разъ отъ тѣхъ именъ, отъ которыхъ мы могли бы ожидать, по аналогiи съ другими диалектами, образованiй на **-van** (**-va**), формы родительнаго отсутствуютъ въ нашихъ записяхъ. Тѣмъ не менѣе, имѣющiеся у насъ немногочисленные примѣры позволяютъ намъ установить существованiе въ мушскомъ образованiй на **-van** и **-va**, и притомъ отъ именъ съ опредѣленнымъ значенiемъ, а именно отъ именъ, обозначающихъ время. Соотношенiе между этими окончанiями повидимому такое же, какое мы видѣли между **-an** и **-a** (см. § 112 подстр. прим. 1).

Мушскiя **-van**, **-va** находятъ себѣ соотвѣтствiя и во многихъ другихъ диалектахъ, и притомъ, именно, въ именахъ, обозначающихъ время въ широкомъ смыслѣ слова. Такимъ образомъ, мы имѣемъ въ тифлисскомъ формы на **-van** и **-va** (напр. *gišir-van* и **-va** «ночи»; *amaġ-van*, *amaġ-va* и **-va** при *amaġan* «лѣта» и т. д.), см. Тифл. § 320; въ ахалцхскомъ **-van** (напр. *kišervan* «ночи», *səmə[ə]ġvan* при *səməġan* къ ном. *səməġ* «зима» и т. д.), см. Ахалц. § 118; въ агулисскомъ **-va** и **-[v]än** (напр. *khəšärvän* и *khəšärän* «ночи»), см. Саргсянцъ pp. 87—88. Въ константинопольскомъ всѣ имена, обозначающiя время имѣютъ исходъ **-van**; многог-

численные примѣры см. у Aidynian'a II pp. 8—9. Формы на -van являются господствующими въ литературномъ «западно»-армянскомъ языкѣ, тогда какъ въ литературномъ «восточно»-армянскомъ получили преобладаніе формы на -va. (Отмѣтимъ: khišervan 'ночи'; amaġvan 'лѣта'; chəmeġvan 'зимы' и т. д.).

§ 118. Такъ какъ армянскіе діалекты въ употребленіи формы родительнаго падежа на ¹-van отъ именъ, обозначающихъ время, согласны между собою, то мы можемъ предполагать существованіе *-van уже въ обще-армянскомъ языкѣ. Но, какимъ образомъ возникло это *-van въ обще-армянскомъ? Намъ кажется возможнымъ принять толкованіе проф. Томсона, полагающаго, что «быть можетъ, въ такихъ обще-армянскихъ словахъ множ. числа, какъ *amaġunkh, *jmeġunkh (граб. amaġn 'лѣто', jmeġn 'зима') образовались новыя формы ном. sing. *amaġun, *jmeġun, gen. *amaġvan, *jmeġvan, по аналогіи съ [именит.] множ. anunkh, рядомъ съ [именит.] единс. числа *anun ['имя'], gen. *anvan» (Тфл. § 320).

Слѣдовательно, первоначально новообразованія на -van принадлежали основамъ на носовой и затѣмъ могли распространиться не только на имена съ другими основами, обозначающими время, но и на заимствованныя слова съ такимъ же значеніемъ (срв. мушс. sahat-van 'часа').

§ 119. Эти новообразованія на *-van въ обще-армянскомъ существовали параллельно со старыми формами на *-an, т. е., напримѣръ, *jəmeġvan (Томсонъ: *jmeġvan) существовало на ряду съ *jəmeġan 'зимы'. Эта двойственность отразилась и на нѣкоторыхъ отдѣльных діалектахъ. Какъ мы уже видѣли, въ тифлискомъ рядомъ съ jəmeġvan, jmeġvan || -va существуетъ и jəmtan (= граб. jmeġan) и т. д.; въ ахалцыхскомъ — səme[ə]ġvan при səmtan и т. д.; въ агулисскомъ, по указанію Саргсянца (p. 88 примѣчаніе), «родительные именъ, обозначающихъ время, иногда, вмѣсто окончаній -van или -va, принимаютъ окончаніе сообразно съ вышеизложенными законами», т. е. обычные въ агулисскомъ исходы. Существованіе въ константинопольскомъ на ряду съ исходомъ -van другихъ окончаній наблюдается преимущественно въ такихъ именахъ, которыя представляютъ грабарныя заимствованія, какъ, напр., thar-и къ thar 'вѣкъ' = dar; ašn-an къ ašun

‘осень’ = ašun (тогда какъ въ народной рѣчи — ašun-kh) ¹⁾ и т. д.; однако, при этомъ, нѣкоторые изъ такихъ именъ уже стали образовывать формы родительнаго и на -van; см. Aidynian II § 31.

Хотя въ мушскомъ намъ и не удалось отмѣтить употребленія такихъ старыхъ формъ, какъ, напр., *jəmt̄-ən при jəmt̄-va (къ jəmt̄eḡ ‘зима’) и т. д. — въ значеніи родительнаго падежа, однако мы не станемъ отрицать возможности существованія на территоріи нашего діалекта подобныхъ формъ, тѣмъ болѣе, что мы имѣемъ такія параллели, какъ lus-van ‘утромъ’ (дательный, обозначающій время; формально эта форма могла бы быть и родительнымъ) и lus-u-n ‘id.’ (также дательный; родительный — lusu = lusoḡ) и т. д.

Томсонъ высказываетъ мнѣніе, что возникновеніе новообразованій, о которыхъ идетъ теперь рѣчь, должно быть отнесено «въ извѣстный періодъ обще-армянскаго языка, послѣдовавшій за выдѣленіемъ грабара [мы предпочли бы сказать: того діалекта, который легъ въ основаніе грабара]» (Тифл. § 320). Однако, врядъ ли есть необходимость въ такомъ предположеніи; проще было бы предположить, что грабарь унаслѣдовалъ лишь однѣ старыя формы родительнаго падежа.

§ 120. **Мушское -г**, какъ окончаніе родительнаго (и дательнаго), принадлежитъ, главнымъ образомъ, именамъ родства съ основами на -г; обще-армянскія основы на -г, не обозначающія родства и извѣстныя изъ грабара, перешли въ мушскомъ въ склоненіе другихъ основъ.

Мушское -г, какъ окончаніе родительнаго (и дательнаго), соответствуетъ грабарному -г въ тѣхъ же падежахъ; это -г представляло собою еще въ обще-армянскомъ языкѣ ковечный звукъ въ основѣ, за которымъ нѣкогда слѣдовалъ падежной исходъ (*-os или *-es). Такимъ образомъ, мы имѣемъ въ грабарѣ: haug, hōg (къ ном. haig ‘отецъ’) изъ обще-арм. *haug, изъ индо-европ.

¹⁾ Константинопольская форма ašun-kh представляетъ плурализованное ašun. Плурализациа явленіе нерѣдкое въ ново-армянскомъ.

*pətr-os(-es), срв. πατρός¹⁾); таур, тōг (къ пом. таиг 'мать') изъ обще-арм. *таур, изъ индо-европ. *mātr-os(-es), срв. μητρός; еубаур, еубōг (къ пом. еубаиг 'братъ') изъ обще-армянс. *еубаур, изъ индо-европ. *bhrātr-os(-es); кхеī (къ пом. кхоиг 'сестра') изъ обще-арм. *кхеī (?), изъ индо-европ. *suesr-os(-es)²⁾; дстер (къ пом. дустр 'дочь') изъ древнѣйшей (пра-армянской) формы *duster-os(-es), срв. относительно вида основы гомер. θυγατέρ-ος и т. д. (См. Armeniaca I [2. Zur Declination d. Verwandtschaftsnamen] p. 170; Arm. Stud. I [Anhang] pp. 87—89; В г у г м а н н, Grundriss II § 235; Arm. Gramm. I подъ отдѣльными словами). Изъ именъ, не обозначающихъ родства, отмѣтимъ въ грабарѣ аубер (къ пом. 'аубеиг, аубииг 'источникъ') изъ обще-арм. *аубер (изъ древнѣйшаго [пра-армянскаго] *bʷer-os||-es), изъ индо-европ. *bhreg-ros||-es (срв. Arm. Gramm. I p. 415) и т. д.

§ 121. Обращаемся къ мушскому діалекту. Здѣсь, изъ формы на -г, принадлежащихъ именамъ родства, нами отмѣчены слѣдующія: хор (къ пом. хег 'отецъ') = хаур(хōг); мор (къ пом. мер 'мать') = таур(тōг)³⁾; ахрор (къ пом. ахрег) = еубаур(еубōг). Что касается другихъ діалектовъ, то формы отъ соответствующихъ именъ вполнѣ покрываютъ мушскія, что видно изъ ниже-слѣдующей таблицы:

Обще-армянскій.	Грабарь.	Мушскій.	Агулисскій.	Тифлисскій.	Карабахскій.
*хаур	хаур хōг	хор	хор	хор	хор
*таур	таур тōг	мор	мор(?)	мор	мор
*еубаур	еубаур еубōг	ахрор	ауриг	ахриг	атбор

¹⁾ Грабарное -аиг въ хаур (позже хōг) и т. д. восходить къ полученному уже въ обще-армянскомъ *-аиг-, какъ результату фонетическаго измѣненія болѣе древней (до-армянской) группы *-atr-os || -es. Подробности см. въ Этьюдахъ I § 92, 2; срв. В г у г м а н н, Grundriss I³ § 577, 3.—Иначе В а г т h o l o m a e, Studien II p. 30 sq.

²⁾ Въ кхеī конечное -ī получилось изъ индо-европ. группы *sr. Срв. Grundriss I³ § 841, d.

³⁾ Формы родительнаго хор и мор мы находимъ также въ мушскихъ сопро-вита; хор-ахрег 'дядя, собс. отца-братъ'; мор-кхиг 'тетка, собс. матери-сестра'.

Изъ именъ съ основами на -г, не имѣющихъ значенія родства, мы можемъ отмѣтить въ мушскомъ лишь avur (къ пом. og 'день') = avur (къ пом. aug, ōg), хотя на ряду съ нимъ встрѣчается и og-i, т. е. съ переходомъ въ другое склоненіе. (Срв. § 122).

§ 122. Прочія имена съ основами на -г, не обозначающія родства, перешли въ мушскомъ, насколько намъ извѣстно, къ разрядъ склоненія съ родительнымъ на -i. Такимъ образомъ, при граб. auber мы имѣемъ aurg-i (къ пом. aurg 'источникъ'), срв. ахалц. aurg-i, тифл. aurg-i (къ пом. aurg); при граб. aler (при которомъ есть и aliur-ou съ переходомъ въ склоненіе основъ на -o-) — alg-i (къ пом. alur 'мука'), срв. приводимое у Sch r ö d e r'a algi (Thesaurus etc. p. 308). — Аналогичное явленіе было нами отмѣчено уже въ родительномъ ед. числа именъ съ носовыми основами; см. выше §§ 115, 116.

§ 123. Мушское — оѳ, какъ окончаніе родительнаго (и дательнаго), соответствуетъ грабарному -og; см. Этюды I § 148. Что касается граб. -og, то его должно различать въ падежахъ родительномъ-дательномъ, съ одной стороны, и въ мѣстномъ (съ предшествующимъ предлогомъ i, y-, см. § 159)—съ другой.

Въ родительномъ (дательномъ) падежѣ -og, въ древнѣйшемъ грабарѣ, является исключительнымъ исходомъ въ kпоѳ 'женщины' къ пом. kin; одно -g мы имѣемъ въ формахъ geŷg, geuŷg, geauŷg къ пом. giuŷ etc. 'деревня'; наконецъ, форма miog 'чипис' является на ряду съ mioŷ къ пом. mi. Далѣе, въ грабарѣ, по указанію Bagratuni § 93 (срв. также Паткановъ, Исслѣдованіе о составѣ § 57), мы имѣемъ, параллельно съ обычными формами родительнаго на -ou (а также и на -vou), слѣдующія формы на -og: mardog (при mardoŷ къ mard 'человѣкъ', основа на -o-); jioŷ (при jioŷ къ ji 'конь', основа на -o-); hayelog (при hayelvoŷ къ hayeli 'зеркало', арм. основа на -io-); teŷvog (при teŷvoŷ къ пом. teŷi 'мѣсто', арм. основа на -io-) и т. д. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ такого спеціальнаго изслѣдованія, изъ котораго мы могли бы видѣть, у какихъ, именно, писателей, какой эпохи и какъ часто встрѣчаются формы родительнаго единственнаго числа на -og вмѣсто и при -ou. Мы имѣемъ только работу Гюбшмана (Armeniasa III [12. Der Locativ auf -og] p. 122 sq.), изъ которой видно, что въ языкѣ Новаго Завѣта (одинъ изъ древнѣйшихъ памятниковъ

грабара) встрѣчается, какъ форма родительнаго на -oğ, лишь выше-приведенное mioğ на ряду съ формою mioy, тогда какъ въ остальныхъ случаяхъ (оставляя въ сторонѣ knoğ и geğ) <... oğ von Haus. aus Lokativendung und zwar im ältesten armenisch die Endung des Loc. der yo-Stämme (nom. -i) ist>, какъ напр. i teğvoğ 'въ, на мѣстѣ' (но gen. teğvoy); y-ekeçechvoğ 'въ церкви' (но gen. ekeçechvoy) и т. д. Вопросъ относительно того, какому падежу первоначально принадлежалъ суффиксъ -oğ, остается, все-таки, невыясненнымъ, равно какъ и его этимологическое происхождение. (Попытки объяснить -oğ см. у Г ю б м а н а, Arm. St. I p. 89, и у Meillet, Notes arméniennes p. 7 = M.S.L.P. VIII p. 157; наше объясненіе, — см. Древности восточныя II, протоколы стр. 83—84 [«Родительный падежъ въ армянскомъ языкѣ»], — кажется намъ, въ настоящее время, мало вѣроятнымъ ¹⁾).

Какъ бы то ни было, мы въ средне- и ново-армянскомъ языкѣ находимъ формы съ исходами, соответствующими грабарному -oğ, исключительно съ функциями родительнаго (и дательнаго) падежа, — обстоятельство, которое, въ связи съ тѣмъ, что и въ грабарѣ извѣстны формы на -oğ, какъ формы родительнаго-дательнаго, можетъ] указывать на то, что уже [въ обще-армянскомъ были извѣстны формы на -*oğ, какъ формы родительнаго-дательнаго единственнаго числа.

Изъ средне-армянскаго отмѣтимъ, на примѣръ, слѣдующія формы, встрѣчаемыя въ «Сборникахъ притчъ Вардана» ²⁾: khuroçh 'сестры' (p. 39, изд. М а р р а) = khuroğ (см. § 124); knoçh-n 'этой женщины' (p. 181) = knoğ; knoçh-s 'моей женѣ' (p. 191); aigoçh 'мужу' (p. 174) — образование по аналогіи knoçh ³⁾. Изъ

¹⁾ Отмѣтимъ для полноты, что попытка объяснить ġ въ связи съ y (mardoğ—mardoy), находямая у П а т к а н о в а, Исследование о составѣ § 57, въ сущности восходить къ объясненію P e t e r m a n n'a, Grammatica linguae armenicae p. 107 подстрочное прим. ***), отъ котораго овъ въослѣдствіи отказался.

²⁾ Особенность этихъ формъ заключается въ томъ, что въ соответствіи грабарному -ğ (въ -oğ) является въ нихъ -çh (въ -oçh).

³⁾ Образование aigoçh возникло при knoçh подобнымъ же образомъ, какъ при средневѣковомъ киликійскомъ gen. dıgan (къ nom. gniğ 'жена' — K a r s t, Kilikisch-arm. I § 49) возникло aıgan (къ aıniğ 'мужъ'). [Такимъ образомъ,

средневѣковаго киликійскаго приведемъ формы: энгероѡ къ энгѣгъ 'другъ' (K a r s t, Kilikisch -arm. I § 51) и dignoѡ къ dign 'госпожа' = tikin (ibid. § 49).

§ 124. Что касается мушскаго діалекта, то, насколько мы можемъ судить по имѣющимся у насъ примѣрамъ, исходъ -цоѡ встрѣчается всего въ трехъ-четырехъ примѣрахъ, и врядъ ли къ приводимымъ нами можно будетъ присоединить много новыхъ; проф. П а т к а н о в ъ, по крайней мѣрѣ, въ своемъ обзорѣ формъ именной флексіи нашего діалекта (Мушскій стр. IV—VI) совершенно не приводитъ исхода -цоѡ.

Примѣры: энгер-цоѡ къ ном. энгѣгъ 'товарищъ', срв. тифл. пэнгрүчъ (въ грабарѣ энкер-и); khәг-цоѡ (и khur-цоѡ) къ ном. khur 'сестра', срв. ахалц. khurцечъ (въ грабарѣ указываются при обычныхъ gen. kheḡ, khver также формы: khuroḡ и khroḡ); tir-цоѡ ¹⁾ (къ ном. ter 'хозяинъ, господинъ; Господь'), срв. тифл. tirүчъ, агул. tегисъ, ахалц. dirцечъ (въ грабарѣ teaḡn къ ном. tег).

Примѣчаніе. По примѣру немногочисленныхъ армянскихъ образований на -цоѡ мы имѣемъ въ мушскомъ gen. sing. отъ персидскаго заимствованія уаг 'возлюбленная' въ формѣ уаг-цоѡ.

ДАТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖЪ.

§ 125. Предварительное примѣчаніе. Выставляя какъ заглавіе нижеслѣдующихъ §§-въ — «Дательный падежъ», мы прежде всего должны отвѣтить на вопросъ: дѣйствительно ли существуетъ въ мушскомъ, въ именной флексіи, такая падежная форма, съ опредѣленною, индивидуальною физиономіей?

килікійское айган при гуган, по своему происхожденію, представляетъ полную параллель мушскому ирган при кэган, о чемъ см. выше § 112 примѣчаніе].

¹⁾ Срв. изъ языка четырехъ бассейновъ, изданныхъ Паткановымъ (Мушскій стр. 28—44), формулу tigoḡ-n-i („постпозитивное“ -i является отличительною чертою въ языкѣ этихъ бассейновъ).

На этот вопрос можно дать двойной отвѣтъ, смотря по тому, будетъ ли для насъ точкою отправленія современная мушская рѣчь, или же мы будемъ имѣть въ виду историческую перспективу извѣстныхъ мушскихъ формъ. Съ этой, послѣдней точки зрѣнія, мы, конечно, не можемъ признать существованія въ мушскомъ дательнаго, какъ самостоятельной падежной формы. Этой точки зрѣнія, вѣроятно, держался и профессоръ К. Паткановъ, объединившій вмѣстѣ формы родительнаго и дательнаго въ своемъ краткомъ очеркѣ особенностей мушскаго діалекта (Мушскій, стр. V) ¹⁾. Если же мы взглянемъ на этотъ вопросъ съ точки зрѣнія современнаго мушскаго діалекта, то должны будемъ признать въ немъ существованіе обособившейся отъ родительнаго, извѣстнымъ образомъ, падежной формы, принявшей на себя функціи *dativi*.

Эти соображенія относятся не только къ мушскому діалекту, но и ко всемъ тѣмъ, гдѣ мы находимъ (какъ, на примѣръ, въ литературномъ «восточномъ» ново-армянскомъ языкѣ) обособившіяся отъ родительнаго формы съ функціями дательнаго падежа.

§ 126. Уже изъ предыдущаго предварительнаго примѣчанія можно видѣть, что въ армянскомъ именномъ склоненіи формы *dativi* (какъ въ единственномъ, такъ и во множественномъ числѣ) формально совпадаютъ съ формами *genitivi*. Такое совпаденіе хорошо извѣстно изъ грабара и составляетъ одну изъ наиболее рельефныхъ, отличительныхъ чертъ этого языка ²⁾.

Генезисъ этого формальнаго совпаденія въ грабарѣ (и уже въ обще-армянскомъ языкѣ, § 127) дательнаго съ родительнымъ слѣдуетъ видѣть въ явленіяхъ, вызванныхъ факторами двойнаго.

¹⁾ Съ этой точки зрѣнія взглянулъ на дѣло проф. Паткановъ также и въ своемъ „Исслѣдованіи о діалектахъ армянскаго языка“, гдѣ мы въ грамматическихъ очеркахъ отдѣльныхъ діалектовъ находимъ общія парадигмы для формъ родительнаго и дательнаго.

²⁾ Этотъ характерный фактъ грамматики грабара послужилъ профессору S. Bugge однимъ изъ доказательствъ родства армянскаго языка съ этрусскимъ, гдѣ, по указанію этрускологовъ, встрѣчается при *verba dandi* часто форма *genitivi* вм. *dativi*. См. *ergo Etruskisch und Armenisch* pp. 16 — 17 („Genitiv mit Bedeutung des Dativs“).

рода: фонетическими и синтаксическими; къ этимъ факторамъ примыкаетъ еще факторъ особаго рода — аналогія. Подъ факторами перваго рода мы разумѣемъ такіе, благодаря которымъ, послѣ известнаго ряда звуковыхъ видоизмѣненій, двѣ, первоначально различавшіяся другъ отъ друга формы фонетически совпадали въ одной. Мы не станемъ вдаваться въ разборъ отдѣльныхъ процессовъ, кратко разсмотрѣнныхъ проф. Томсономъ въ своей «Исторической грамматикѣ современнаго армянскаго языка города Тифлиса» (§ 322), и ограничимся цитатою изъ даннаго изслѣдованія, представляющей конечный выводъ автора: «Слѣдовательно,—говоритъ онъ,—мы видимъ, что въ большинствѣ склоненій первоначальный дательный падежъ ед. числа совпадаетъ въ обще-армянскомъ языкѣ съ родительнымъ падежомъ ед. числа». Такимъ образомъ, въ меньшинствѣ случаевъ, первоначальный дательный въ обще-армянскомъ могъ совпасть съ другими падежами; такъ Томсонъ (I. c.) указываетъ, что, напримѣръ, индо-европейскій дательный падежъ отъ именъ съ основами на *-о- долженъ былъ совпасть въ обще-армянскомъ съ именительнымъ («*λύφ* = *gail*»).

Въ виду того, что однимъ фонетическимъ путемъ въ обще-армянскомъ не могло получиться полнаго падежнаго синкретизма, приходится сплошное совпаденіе дательнаго съ родительнымъ объяснять, съ одной стороны, факторами синтаксическими, съ другою — вліяніемъ аналогіи.

Подъ факторами синтаксическими мы разумѣемъ такіе случаи словосочиненія, когда вмѣсто дательнаго могъ быть поставленъ, безъ особой разницы значенія, падежъ родительный. Это, именно, случаи такого же рода, какъ и тѣ, которые въ древне-персидскомъ способствовали окончательному вытѣсненію дательнаго и замѣнѣ его родительнымъ падежомъ ¹⁾,

¹⁾ Считаемъ великимъ привести то, что мы находимъ по этому поводу у столь авторитетнаго знатока синтаксиса индо-европ. языковъ, какъ профессоръ Дельбрюкъ. Въ его „Синтаксисъ“ (Grundriss d. vergl. Grammatik III, 1 § 75) мы читаемъ: „Wir vermögen zwei Ausgangspunkte dafür [именно, что „das Altpersische den Dativ in den Genitiv hat aufgehen lassen“] zu erkennen: a) der Dativ hat ein Gebiet okkupiert, welches sonst dem Genitiv gehört. Ich denke

несмотря на то, что дательный, какъ самостоятельный, отдѣльный падежъ, существовалъ не только въ пра-иранскомъ, но и удержался въ собратъ древне-персидскаго, въ языкъ Авесты, гдѣ мы, однако (подобно тому какъ въ позднѣйшемъ санскритѣ, пали и пракритѣ, о чемъ см. Whitney, Ind. Grammatik § 297), встрѣчаемъ случаи употребленія genitivi вмѣсто дательнаго. (Примѣры собраны у Гюбшмана—Zur Casuslehre, München 1875, p. 274; срв. также Delbrück, Grundriss d. vergl. Grammatik III, 1 pp. 192—193).

Замѣчательное совпаденіе, въ данномъ случаѣ, армянскаго языка съ древне-персидскимъ было впервые, на сколько мы знаемъ, отмѣчено извѣстнымъ языковѣдомъ Фридрихомъ Мюллеромъ; см. его Beiträge z. Declination des armenischen Nomens (Wien 1864) p. 4 (= Sitzungsberichte d. phil.-hist. Cl. d. kais. Akademie d. Wissenschaften, Wien 1863, Dec.). [Независимо отъ Фр. Мюллера и почти одновременно подобное же наблюденіе сдѣлалъ и профессоръ Паткановъ въ своемъ «Исслѣдованіи о составѣ армянскаго языка» (1864 г.); см. о. с. p. 49]. Въ этомъ отношеніи можно привести и другой аналогичный случай. Именно, мы разумѣемъ на родной ново-греческій языкъ, въ которомъ, какъ извѣстно, въ обоихъ числахъ дательный замѣняется, между прочимъ, формою родительнаго ¹⁾.

Въ связи съ обоими, только-что разсмотрѣнными факторами мы не должны упускать изъ виду и вліянія, оказаннаго въ раз-

dabei an den sog. adnominalen Dativ (vgl. § 146), der in Avestischen stark entwickelt ist und es auch in einem früheren Stadium des Altpersischen gewesen sein wird. b) Durch den Genitiv wurde etwas ausgedrückt, das sonst dem Dativ zufällt.“ Срв. также объясненіе Гюбшмана, Zur Casuslehre, древне-персидскаго падежнаго синкретизма (о которомъ опъ говоритъ на стр. 294) черезъ „Berührungspunct von Dativ und Genitiv“ (pp. 273—274).

¹⁾ Для большей точности приводимъ нижеслѣдующую выписку изъ труда Thurnb'a—Handbuch d. neugriechischen Volksprache (Strassburg, 1885): „Der Dativ ist aus der Volksprache gänzlich geschwunden: er findet sich höchstens in formelhaften, der Schrift- (oder Kirchen-)sprache entnommenen Wendungen. wie etwa θεῷ δόξα 'Gott sei Dank'. Der Dativ wird durch ἵς (εις) cum Acc., mit Artikel ἵς τό(ν), ἵς τή(ν), ἵς τό, ἵς τοῦς, ἵς τές, ἵς τὰ (στόν, στήν и s. w.) umgeschrieben oder durch den Genetiv oder Acc. ersetzt...“ (o. c. § 40).

сма тривае момъ процесъ падежнаго синкретизма а н а л о г і е й. Аналогія, съ одной стороны, замѣнила въ единственномъ числѣ формами родительнаго тѣ первоначальныя формы *dativi*, которыя не совпадали съ ними; съ другой стороны, благодаря ей и во множественномъ числѣ, по образцу единственнаго, родительный и дательный совпали въ одной и той же формѣ.

§ 127. Къ какой эпохѣ относится возникновеніе формальнаго совпаденія родительнаго и дательнаго падежей въ армянскомъ языкѣ? Имѣя въ виду, что это явленіе не составляетъ особенности одного грабара, но раздѣляется съ нимъ и всѣми, намъ извѣстными, армянскими діалектами, проходя, такимъ образомъ, черезъ всю исторію армянскаго языка,—мы должны возводить его уже къ эпохѣ обще-армянскаго языка.

§ 128. Армянская народная, живая рѣчь, унаслѣдовавъ изъ обще-армянскаго языка утрату формальнаго различія между родительнымъ и дательнымъ, нашла, однако, способъ, благодаря которому формы, имѣвшія значеніе дательнаго, дифференцировались извѣстнымъ образомъ. Въ общихъ чертахъ, это различіе можетъ быть объяснено на примѣрахъ изъ «восточнаго» ново-армянскаго литературнаго языка ¹⁾. Здѣсь, дательный отличается

¹⁾ Здѣсь, мы должны отмѣтить, что нѣкоторое недоумѣніе по отношенію къ „восточному“ ново-армянскому литературному языку вызываетъ въ насъ то, что мы читаемъ у С а р г с я н ц а. Въ § 21 (стр. 90) своего изслѣдованія, говоря о формахъ *dativi* и *accusativi* въ агудисскомъ, почтенный авторъ замѣчаетъ: „Какъ въ литературномъ языкѣ [г. С а р г с я н ц ѣ разумѣетъ восточно-армянскій литературный языкъ] и въ другихъ діалектахъ, такъ и въ зокскомъ [т. е. агудисскомъ], изъ этихъ падежей [т. е. дательнаго и винительнаго] первый по своему исходу сходитъ съ родительнымъ... Только по отношенію къ собственнымъ именамъ слѣдуетъ замѣтить, что между зокскимъ, съ одной стороны, и литературнымъ языкомъ и другими діалектами, съ другой,—существуетъ небольшая разница: въ то время, какъ въ послѣднихъ собственныхъ имена въ дательномъ и винительномъ принимаютъ въ концѣ частицу -n, въ зокскомъ этого не бываетъ (слѣдуютъ примѣры)“.

Мы совершенно не понимаемъ, почему г. С а р г с я н ц ѣ, знатокъ восточнаго ново-армянскаго литературнаго языка, ограничилъ сферу употребленія частицы -n, въ концѣ формы дательнаго, лишь одними собственными именами. Всякій, кто прочтетъ его же собственное изслѣдованіе объ „Агудисскомъ діалектѣ“, напишанное восточнымъ ново-армянскимъ литературнымъ языкомъ, смо-

отъ родительнаго тѣмъ, что замыкается посредствомъ -п (одна изъ старыхъ указательныхъ ¹⁾ частицъ), за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда стоящее въ дательномъ падежѣ слово имѣетъ неопредѣленный характеръ (т. е. когда по гречески не стояло бы члена, а по нѣмецки и французски мы употребили бы неопредѣленный членъ) ²⁾. Такимъ образомъ, мы имѣемъ: gen. ašakerti, но dat. definitus — ašakerti-n (dat. indefinitus — asakerti) къ nom. ašakert 'ученикъ'. (То же самое и во множественномъ числѣ: gen. ašakert-ner-i, но dat. def. — ašakert-ner-in 'τοῖς μαθηταῖς', dat. indef. ašakert-ner-i 'μαθηταῖς'). Въ тѣхъ же случаяхъ, когда -п приходится присоединяться къ формамъ, исходящимъ на согласный (какъ, напримѣръ, gen. šan), то между этимъ согласнымъ (какимъ, именно, являлся носовой) и присоединяемымъ -п развивается въ качествѣ «вспомогательнаго гласнаго» (срв. Этюды I § 77, 2) э; при этомъ, конечное -п удерживается лишь въ томъ случаѣ, если слѣдующее слово въ рѣчи начинается съ гласнаго; если же въ началѣ слѣдующаго слова находится согласный звукъ, -п исчезаетъ и остается лишь одно э-. Такимъ образомъ, мы имѣемъ: gen. šan, но dat. def. или šan-эп (передъ гласнымъ) или šan-э (передъ согласнымъ) —къ nom. šun 'собака'.

Примѣчаніе. Въ формѣ дательнаго (какъ опредѣленнаго, такъ и неопредѣленнаго) вм. конечнаго -п могутъ являться также и другія старыя «лице-опредѣляющія частицы»: -s, по отношенію къ первому лицу, и -d (въ произношеніи -t), по отношенію ко второму лицу; такимъ образомъ, мы имѣемъ:

жетъ убѣдиться, что не только nomina propria, но и appellativa принимаютъ въ дательномъ (и притомъ „опредѣленномъ“) -п.

¹⁾ Или, иначе, „лице-опредѣляющихъ“. (См. примѣчаніе къ настоящему §-у; срв. также Этюды I § 26 подстрочное прим. 1.)

²⁾ Это обстоятельство, а именно, что въ „неопредѣленномъ“ дательномъ отсутствуетъ конечное -п, можетъ служить указаніемъ на то, что этотъ характерный признакъ ново-армянскаго dativi (въ извѣстныхъ диалектахъ) представляетъ собою старое указательное мѣстоименіе-частицу, издавна имѣвшее свойство ближе опредѣлять предметъ подобно опредѣленному члену новыхъ языковъ. (О подобномъ употребленіи -п въ грабарѣ срв. напримѣръ, у Гюбшмана, Arm. St. I p. 91). Съ такою функціей -п извѣстно въ именномъ склоненіи, напримѣръ, въ константинопольскомъ.

ašakerti-s 'моему ученику', ašakerti-d 'твоему ученику'; š'an-əs 'моей собаке', š'an-əd 'твоей собаке' (-п-əs и -п-əd являются въ этомъ видѣ постоянно, какое бы то ни было начало слѣдующаго въ рѣчи слова).

§ 129. Однако, этотъ способъ обособленія дательнаго падежа отъ родительнаго не получилъ повсемѣстнаго развитія на территоріи ново-армянскаго языка. Сознаніе указательнаго значенія частицы -п воспрепятствовало тому, чтобы она спустилась до степени падежнаго признака. Представителемъ такого положенія дѣла можетъ считаться западный ново-армянскій литературный языкъ (иначе — константинопольскій литературный) ¹⁾. Изъ труда Aidynian'a можно видѣть, что въ этомъ языкѣ форма дательнаго совершенно совпадаетъ съ формою родительнаго падежа; см., напримѣръ, парадигму въ II § 25. Съ другой стороны, если существительное склоняется по такъ называемому «опредѣленному» склоненію (т. е. если бы въ новыхъ языкахъ оно имѣло при себѣ опредѣленный членъ), то, наравнѣ съ дательнымъ (а также и нѣкоторыми другими падежами), и родительный принимаетъ частицу -п, которая является съ своей старою функцией — служить опредѣляющею частицею; см. Aidynian II § 86; срв. также относительно разговорнаго языка Riggs — Grammar of the modern arm. lang. as spoken in Constantinople etc., pp. 12—14.

Также формально не отличается дательный отъ родительнаго: въ агулнскомъ, какъ это можно видѣть изъ таблицы окончаній,

¹⁾ Показанія литературныхъ ново-армянскихъ языковъ — „восточнаго“ и „западнаго“ — не могутъ служить въ то же время масштабомъ для всѣхъ отдѣльныхъ диалектовъ восточной и западной группы. Такимъ образомъ, несомнѣнно принадлежащій къ западной группѣ диалектъ, описанный М х и т а р о м ъ С е в а с т і й с к и м ъ, различаетъ дательный отъ родительнаго присоединеніемъ -п; см., напримѣръ, парадигмы на стр. 10, 13, 17, 21, 23—24, 25 и т. д. его Грамматикѣ. Съ другой стороны, какъ мы увидимъ въ настоящемъ §-ѣ, такой „восточный“ диалектъ, какъ агулнскій, не различаетъ формально дательнаго отъ родительнаго; относительно „восточной“ рѣчи, которая описана С e h r ö d e r'омъ, см. примѣчаніе къ настоящему §-у.

приведенной у Саргсянца (стр. 95); въ ахалцхскомъ, о чемъ см. Ахалц. § 100, и въ нѣкоторыхъ другихъ діалектахъ ¹⁾.

Примѣчаніе. Ново-армянская рѣчь начала XVIII вѣка, описанная Schróder'омъ, не различала, судя по приводимой имъ парадигмѣ (Thesaurus etc. p. 307), дательнаго отъ родительнаго. Но, если мы обратимъ вниманіе на напечатанные у него же тексты, то увидимъ, что формы дательнаго отличаются иногда отъ формъ родительнаго конечнымъ -п.

§ 130. Мушскій діалектъ принадлежитъ къ разряду тѣхъ, которые воспользовались частицею -п для формальной дифференціаціи дательнаго падежа отъ родительнаго; такимъ образомъ, въ мушскомъ мы имѣемъ обособившуюся отъ родительнаго форму дательнаго (см. выше § 125). При этомъ, если дательный имѣетъ неопредѣленный характеръ (обусловливаемый, обыкновенно, присоединеніемъ *me, ma, m'* [передъ гласнымъ слѣдующаго слова] 'eip; up'), то конечное -п уже отсутствуетъ (срв. что сказано въ § 128); то же самое мы видимъ въ тифлисскомъ и другихъ діалектахъ.

¹⁾ Въ этомъ отношеніи имѣющіяся относительно нѣкоторыхъ діалектовъ свѣдѣнія (преимущественно въ сочиненіяхъ прежняго времени) должны быть принимаемы съ большою осторожностью. Всѣ эти свѣдѣнія сводятся къ тому, что какъ для родительнаго, такъ и для дательнаго существуетъ лишь одна форма. Такъ, напримѣръ, профессоръ Паткановъ, въ своемъ „Издѣловіи о діалектахъ“, въ очеркахъ отдѣльныхъ діалектовъ, объединяетъ родительный и дательный падежи; то же самое, какъ мы уже видѣли, онъ дѣлаетъ и относительно мушскаго (см. § 125). По Petermann'у, Über dialect der Armenier von Tiflis p. 66 sq. (въ „Philologische und hist. Abhand. d. Königl. Akad. d. Wiss. zu Berlin“ за 1866 г.), въ тифлисскомъ именномъ склоненіи существуетъ одна и та же форма для родительнаго и для дательнаго — показаніе, совершенно расходящееся съ тѣмъ, что говорится у Томсона. Тифл. § 322.

Имѣя въ виду неточныя показанія Патканова относительно мушскаго и Petermann'a относительно тифлискаго. — мы думаемъ, что въ большинствѣ случаевъ наши изслѣдователи руководились историческою перспективою (срв. выше § 125) и положеніемъ дѣла въ грабарѣ (гдѣ произошло формальное совпаденіе родительнаго и дательнаго). (Нельзя, конечно, быть увѣреннымъ относительно точности показанія Schróder'a, о которомъ говорится въ примѣчаніи къ настоящему §-у).

Примѣчаніе. Въ формѣ дательнаго вм. -п могутъ являться также и другія «лице-опредѣляющія частицы»: -s (по отношенію къ первому лицу) и -t (по отношенію ко второму лицу). Срв. что сказано выше, въ примѣчаніи къ § 128.

Примѣрами дательнаго въ мушскомъ могутъ служить слѣдующія формы:

Дательные на -in: art-in 'пашнѣ'; dərkes-in 'сосѣду'; gorc-in 'дѣлу'; ašχər-in 'странѣ'; thak[a]vor-in 'царю'; arek-in 'солнцу'; muk-in 'мышь'; katv-in 'кошкѣ'; otavor-in 'пѣшему, пѣшеходу'; jıavor-in 'всаднику, конному'; χanəm-in 'госпожѣ'; aγ-in 'господину' и т. д.

Дательные на -un: aḡs-un 'медвѣдю'; mart-un 'человѣку'; sir-un 'любви, для любви, изъ-за любви'; hortk-un (къ nom. hortik 'теленокъ'); gəly-un 'головѣ'; təγ-un 'ребенку'; phor-un 'животу' и т. д.

Дательные съ лице-опредѣляющимъ частицами: gəly-ı-t 'для твоей головы'; arev-ı-t 'для твоей жизни, т. е. ради тебя' ¹⁾ и т. д.

Дательные безъ -п: срв. ašoγ-i m' 'à un ašoγ' при ət ašoγ-in 'этому ашугу' (см. «Давидъ Сасунскій» у П а т к а н о в а, Мушскій стр. 17).

§ 131. Повидимому, въ мушскомъ существовала обособившаяся форма для дательнаго только отъ тѣхъ именныхъ основъ, которыя образовывали форму родительнаго съ суффиксомъ на гласный (-i, -u). Если же родительный имѣлъ другое образование (напримѣръ, на -an), то, насколько мы можемъ судить по имѣющимся у насъ свѣдѣніямъ, это же образование употреблялось и въ зна-

¹⁾ Arev собственно значить „солнце, солнечный свѣтъ или жаръ“, но употребляется также въ значеніи „жизнь“ (преимущественно въ извѣстныхъ выраженіяхъ: клятвахъ и т. д.). Такое употребленіе очень древнее и въ значеніи „жизнь“ arev извѣстно уже въ габарѣ, напр. Gen. 42. 15: erdveal y-arevu pharavoni = τὴν ὑτίειαν Φαραώ; срв. также у Моисея Хоренскаго, кн. II гл. 18: erdnu y-arevu Artašesi ev Tigdanay; выраженія: z-arev hatanel 'лишить жизни' и т. д.

Аналогичное употребленіе словъ, означающихъ „свѣтъ и т. д.“ въ значеніи „жизнь, существованіе“ извѣстно изъ различныхъ, какъ древнихъ, такъ и новыхъ языковъ.

чениі dativi. Примѣрами такихъ «дательныхъ» могутъ служить: а/сѣк-ап 'дѣвцы и дѣвицѣ'; уаг-цос 'возлюбленной' и т. д.

Примѣчаніе. Иногда, впрочемъ, для дательнаго языкъ образуетъ особыя формы; такъ, при род. тіг-цос (къ ном. ter 'господинъ') форма дательнаго является какъ тіг-ун. (Срв. араратское ter-in при gen. тіг-огъ къ ном. ter).

§ 132. Отдѣльно должны быть упомянуты такія формы дательнаго, которыя являются со значеніемъ локальнымъ и темпоральнымъ (dativi loci et temporis, о чемъ см. ниже § 159): lus-ун 'утромъ; на разсвѣтѣ'; bari lus-van 'добрымъ утромъ'; zatk-in 'на Пасхѣ'; kesor-in 'въ полдень'; аг̄vət-ун (или аг̄avt-ун) 'утромъ' (послѣднія три формы беремъ изъ «Давида Сасунскаго», П а т е а н о в ъ, Мушскій стр. 12, 12, 2); chəvk-in 'на кровлѣ (дома)' къ ном. chəvik ¹⁾ и т. д.

§ 133. Въ отдѣльныхъ ново-армянскихъ діалектахъ мы встречаемъ въ извѣстныхъ огаменѣлыхъ выраженіяхъ формы, которыя Томсонъ, не безъ основанія, считаетъ (Тифл. § 323) «старыми дательными падежами», избѣжавшими общаго стремленія къ обособленію отъ формъ родительнаго посредствомъ прибавленія конечнаго -п. Изъ мушскаго мы можемъ привести лишь одну форму сауи въ выраженіи: сауи čh'e = «не продается, собс. не есть для продажи»; сау-и представляетъ старую форму дательнаго и соотвѣтствуетъ граб. сау-оу (или сау-и) къ ном. сау 'расходъ, трата; въ позднѣйшемъ языкѣ также: продажа'.

Аналогичныя формы изъ тифлисскаго (напримѣръ: marthu tal, gnal «выдавать, выходить замужъ» и др.) — см. у Томсона, Тифл. I. с. Изъ араратскаго діалекта мы можемъ привести: mardī gnal

¹⁾ Это мужское существительное, по своему образованію (срв. выше § 19. стр. 15), представляетъ diminutivum (впрочемъ, въ chəvik diminutivное значеніе уже успѣло утратиться) изъ *chiv-ik (срв. выше стр. 95), гдѣ chiv соотвѣтствуетъ граб. chiv со значеніемъ «кровля дома; черепица»; см. Ручной словарь армянскаго языка ² (Венеція) s. v. (Въ Акад. Словарѣ граб. chiv приводится, неувѣренно, съ другими значеніями. Въ виду нахождения родственнаго слова въ мушскомъ, можно отдать предпочтеніе значенію, указанному Ручнымъ словаремъ).

‘выйти замуж’), m° tal ‘выдавать замуж’ (срв. тифлисский ¹⁾); kargi berel ‘привести въ порядок’; саги ш’е ‘не продается’ (срв. мушское саги ш’е) ²⁾.

Примѣчаніе. Интересенъ фактъ перехода старыхъ формъ дательнаго, являющихся въ одномъ діалектѣ, въ новыя (т. е. съ конечнымъ -п) въ другомъ. Примѣромъ такого перехода можетъ служить араратское khamun (или khamiin) tal ‘пускать на вѣтеръ (собс. давать вѣтру)’, напр. γoskhə khamun tal ‘болтать, собс. пускать слова на вѣтеръ’; срв. въ тифлисскомъ старое khamu, напримѣръ, въ выраженіи: khamu tal— ‘расточать’.

ТВОРИТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖЪ (Instrumentalis).

§ 134. Въ качествѣ исхода творительнаго ед. числа въ мушскомъ мы имѣемъ -цов, которое соотвѣтствуетъ грабарному -ов, какъ суффиксу instrumentalis sing. отъ именъ съ основами на -о-, напримѣръ, mard-ov (plur. mard-ov-kh) къ nom. mard ‘человѣкъ’; срв. Этюды I § 49. Какъ грабарное -ов, такъ и мушское -цов восходятъ къ обще-армянскому *-ов ³⁾.

¹⁾ Древность подобныхъ выраженій засвидѣтельствована и въ грабарѣ, гдѣ мы имѣемъ, съ одной стороны: knuthean tal (aliquem) ‘выдавать к. л. замужъ, давать к. л. въ жены’; knuthean aḡnul (aliquem) ‘брать въ жены, жениться’, а съ другой: aḡn tal ‘выдавать замужъ’; aḡn linel ‘выходить замужъ’.

²⁾ Интересно было бы объяснить какъ старый дательный форму рагги въ выраженіи: рагги tal (изъ аштаракскаго діалекта) ‘кататься, скользить (собс. давать) по льду (сообщеніе С. Шахъ-Азизъ)’. Въ рагги мы имѣемъ окаменѣлое выраженіе; самостоятельно *рагг („ледъ[?]“, срв. раг ‘холодный’ = раг ‘ледъ; позднѣе: холодный’) не употребляется.

³⁾ Обще-армянское *-ов въ извѣстныхъ діалектахъ подвергалось особымъ фонетическимъ видоизмѣненіямъ, въ связи съ законами объ измѣненіяхъ въ нихъ обще-армянскаго *-ов. Такъ, въ нашемъ діалектѣ мы имѣемъ -цов согласно съ Этюдами I § 49. Въ агулескомъ мы находимъ -ов (съ дальнѣйшимъ измѣненіемъ въ -öv) лишь въ односложныхъ словахъ (tn-ov ‘домомъ’; ḡjg-öv ‘водою’), въ не-односложныхъ же происходитъ измѣненіе въ -av (-äv), Срв. с. я н цъ стр. 42—43, 92—93; срв. относительно карабахскаго -av у П а т к а н о в а, Изслѣдованіе о діалектахъ стр. 68. Въ асланбекскомъ діалектѣ изъ *-ов

Что касается грабарнаго (и обще-армянскаго) суффикса -ov, то въ немъ -v находится въ родствѣ съ -b, исходомъ творительнаго ед. числа отъ именъ съ основами на согласные, напримѣръ, граб. dster-b (plur. dster-b-kh) къ nom. dustr 'дочь' (основа на -r); akam-b (plur. akam-b-kh) (-amb изъ индо-европ. * $\text{p}_b\text{-bhi}$) къ nom. акп 'глазъ' (основа на -n); ср. Арм. Ст. I pp. 69, 86—88. Обще-армянское *b измѣнилось въ *v послѣ тематическаго гласнаго основы (ibid. p. 75); поэтому, мы имѣемъ граб. творительные: Maren-av къ nom. Mariam 'Марія' (армянская основа на -a-); marg-d-ov (plur. marg-d-ov-kh) къ nom. marg 'человѣкъ' (основа на -o-); teγ-eav (plur. teγ-eau-kh, teγ-eō-kh [au изъ av]) къ nom. teγi 'мѣсто' (основа на -io-); srt-iv (plur. srt-iv-kh) къ nom. sirt 'сердце' (основа на -i-); azg-av (plur. azg-au-kh, azg-ō-k [au изъ av]) къ nom. azg 'народъ, племя' (смѣш. основа на -i-/a-). Послѣ тематическаго -u обще-арм. *v исчезало; поэтому, мы имѣемъ граб. zardu изъ *zarduv (plur. zardu-kh изъ *zarduv-kh) къ nom. zard 'украшеніе' (основа на -u). Срв. также Brugmann, Grundriss I² §§ 559, 727.

Грабарное (и обще-армянское) b, которое въ извѣстномъ положеніи измѣнялось въ v, восходитъ къ *bhi, одному изъ индо-европейскихъ суффиксовъ творительнаго ед. числа (cf. Brugmann, Grundriss II § 281), унаслѣдованному, помимо армянской, также вѣтвями греческой (-φι-, -φι-ν) и, быть можетъ, кельтской (гдѣ, впрочемъ, можно предполагать, равнымъ образомъ, и исходъ * m_i , о чемъ см. Brugmann, o. c. II p. 636); срв. также суффиксъ instr. plur. арійскаго праязыка * bhi-s , изъ индо-европейскаго * bhi-s , откуда др.-инд. -bhi-ś, др.-перс. -bhi-š, авест. -bhi-š (срв. Bartholomae, Handbuch der altiran. Dialecte p. 68). Такимъ образомъ, сопоставимъ (по суффиксу) граб. dster-b съ гомеров. δρεσ-φι; akam-b, anjam-b (къ nom. anjn 'persona') съ др.-ирландскимъ anmim, anmim (къ nom. ainm n- 'имя') изъ индо-европ. * $\text{m}_b\text{-bhi}$ (* $\text{m}_b\text{-bhi}$), срв. Brugmann, Grundriss I² § 433, 2, § 443, 1; marg-d-ov съ φε-σ-φι и т. д. ¹⁾

мы имѣемъ -ōv (hach-ōv къ hach 'хлѣбъ'), A ě, a Ğ o a n, Études de dialectologie arménienne (на арм.) I (Асламбекскій диалектъ) стр. 15. 23.

¹⁾ Для полноты отмѣтимъ, что проф. Ферд. Юсти находитъ родство между грабарнымъ „instrumentalsuffix“ b (v), др.-индѣйскимъ -bhi- и т. д. и бурдскимъ

§ 135. Мужское -цов, полученное изъ обще-арм. *-ов, распространилось, какъ суффиксъ творительнаго ед. числа, на всю область именнаго склоненія, вытѣснивъ собою все остальные. Подобное распространеніе исхода, первоначально принадлежавшаго именамъ съ основою на -о-, мы видимъ и въ другихъ намъ извѣстныхъ ново-армянскихъ діалектахъ. Остановимся нѣсколько на выясненіи причинъ этого явленія. Такое преобладаніе, съ одной стороны, объясняется значительнымъ количествомъ основъ на -о-, съ другой — ему могло способствовать то обстоятельство, что исходъ родительнаго на -и (=граб. -оу), принадлежавшій первоначально основамъ на -о- (см. выше § 96), распространился, какъ мы уже знаемъ, и на очень многія изъ другихъ основъ. Утратѣ стараго -b, суффикса творительнаго ед. ч. отъ именъ съ основами на согласные (напримѣръ, на носовые), способствовало далѣе и то, что индивидуальный характеръ извѣстныхъ основъ (именно, на носовые) былъ, въ большинствѣ случаевъ, утраченъ въ новыхъ діалектахъ въ именительномъ падежѣ, служившемъ исходнымъ пунктомъ ново-армянскаго склоненія. Только въ родительномъ (дательномъ) отъ нѣкоторыхъ именъ мы видѣли остатки стараго склоненія носовыхъ основъ; но эти остатки, крайне незначительные, уже не обладали достаточною жизненною силою, чтобы быть

„affix“-омъ -vā (отчасти присоединяемъ иногда къ падежу со значеніемъ ablativi, отчасти употребляемъ „für andere locale Beziehungen“). Не рѣшаясь, въ настоящее время, вполне присоединиться къ мнѣнію почтеннаго прагнста (см. его *Kurdische Grammatik* pp. 130 — 131), мы, тѣмъ не менѣе, желали бы указать на нѣкоторый матеріалъ, представляемый армянскимъ языкомъ, примѣнительно къ приведеннымъ у нашего автора курдскимъ примѣрамъ.

Изъ примѣровъ, приводимыхъ у Юсти (о. с. р. 130), видно адвербиальное употребленіе курдскаго -vā; въ этомъ отношеніи интересно сопоставить граб. -ev (какъ разновидность суффикса instrum. sing. -ov) съ аналогичною функціей, напр., въ *ardar-ev* ‘истинно’ при *ardar-ov* — instr. sing. къ *ardar* ‘праведный, справедливый’. Далѣе, отмѣтимъ въ параллель курдскимъ: *brehva ciumi* ‘ich reise’, собственно ‘ich gehe auf den Weg’; *kiva „wo“*; *kuvā „wohin“* — мужское vor *divov* (изъ *di-цов*) ‘по какому пути, въ какую сторону?’, гдѣ *divov* представляетъ инструментальную форму къ *di-* изъ **dih* ‘сторона’ (встрѣчаемаго и въ другихъ діалектахъ): срн. изъ нашихъ записей: *čh’an gina, vor divov ertan* = не знаютъ, по какой дорогѣ (въ какую сторону) имъ идти.

въ состояніи содѣйствовать сохраненію исконнаго исхода творительнаго этихъ основъ, хотя бы въ этомъ падежѣ основа и продолжала сохранять старый носовой характеръ; такимъ образомъ, мы имѣемъ, напримѣръ, *dāgnov* (см. § 136 подь b, ѓ) къ ном. *duġ* (= *duġn*) 'дверь' (ген. *dġan*). Что касается основъ на плавные, то онѣ были вообще немногочисленны и вполнѣ подчинились общей аналогіи, не оказавъ, съ своей стороны, никакого вліянія.

§ 136. Имѣющіеся у насъ примѣры мужскихъ формъ творительнаго ед. числа мы разсмотримъ по слѣдующимъ категоріямъ:

а) Творительные отъ основъ, соответствующихъ грабарнымъ основамъ на гласные:

а) Основамъ на -о- (имѣющимъ въ instr. sing. -ov, напр. *mard-ov* къ *mard* 'человѣкъ'): *astac-ov* при *astuc-ov* ¹⁾ (къ ном. *as[t]vas* 'Богъ') = *astucov*; *gisec-ov* (къ ном. *gisġer* 'вечеръ') = *gisecov*; *γot-ov* (къ ном. **γot* 'трава') = *γotov*; *hot-ov* (къ ном. *hġot* 'запахъ') = *hotov*; *uġ-ov* (къ ном. *uġ* 'сила') = *uġ-ov* (ном. *oiġ*) при *uġ-iv* (такъ какъ въ грабарѣ это имя склоняется и по склоненію основъ на -i-); *mat-ov* (къ ном. *mat* 'мать') = *matov* (къ ном. *mat* 'бабка', основа на -о- и на -и-); *lezv-ov* [или, скорѣе, *lezv-ov*] (къ ном. *lezi* 'языкъ') = *lezv-ov* при *lezv-av* (такъ какъ граб. *lezi* также склоняется по смѣшанному склоненію основъ на -i-/-a-); *ġar-ov* (къ ном. *ġur* 'вода') = *ġrov* (при *ġur-b*); цѣлый рядъ творительныхъ отъ infinitiv'овъ, напр. *ġinal-ov* (къ *ġinal* 'знать' = конст. *khidnal*, граб. *ġitenal* и т. д.).

б) Основамъ на -i- (имѣющимъ въ instr. sing. -iv: *srt-iv* къ *sirt* 'сердце'): *jen-ov* (къ ном. *jen* 'голосъ' = *jain*); *hənar-ov* и *hunar-ov* (къ ном. **hənar* ²⁾ 'средство, способъ' = *hnar*; см. ниже подь e) и т. д.

¹⁾ Напримѣръ, въ известной формулѣ утѣшенія (прибращеніи къ родственникамъ умершаго): *astacov maġitarvis* = да утѣшишь тебя Богъ (собс. да будешь утѣшанъ Богомъ или, точнѣе, [съ] Богомъ утѣшишься!).

²⁾ Форма, соответствующая граб. *hnar* въ мужскомъ была бы **hənar*, тогда какъ мужское **hunar*, срв. instr. *hunar-iv*, можно разсматривать какъ заимствованное черезъ турецкій (*hüner*) персидское *hunar* „искусство, способность, ловкость и пр.“ Въ особенности эти значенія видны въ instr. *hunarov*, употребляющемся въ значеніи adj.: „искусный, ловкій“. Срв. § 137.

γ) **Основамъ на -iо-** (имѣющимъ въ instr. sing. -eav: teγ-eav къ teγi 'мѣсто'); tar-цов (къ nom. tari 'годъ'); osk-цов (къ oski 'золото'); bar-цов (къ nom. bari 'bonus, -a, -um; [subs.] bonum') въ извѣстныхъ формулахъ и выраженiяхъ пожеланiя ¹⁾; arcæl-цов (къ nom. arcæli 'бритва') и т. д.

δ) **Смѣшаннымъ основамъ на -i-/а-** (имѣющимъ въ instr. sing. -av: azg-av къ azg 'народъ'); hraman-k-цов (къ nom. hraman-kh 'привазанiе' ²⁾) = nom. pl. hraman-kh); çar-цов (къ nom. çara 'дорога' = çanarah); lezv-цов, см. выше подъ α; zог-цов (къ nom. zог 'сила'), срв. встрѣчающееся также въ грабарѣ zau[ō]r-ov (при формахъ: zau[ō]r-av и, по склоненiю основъ на -и-, zau[ō]r-и); rap-цов (къ nom. rap 'отецъ' = rap 'дѣдъ') и т. д.

б) Творительные отъ основъ, соответствующихъ грабарнымъ основамъ на носовые (за исключенiемъ тѣхъ, именительный которыхъ исходитъ на -iup и -thiup):

α) **Носовой характеръ основы сохраняется:** dōrñ-цов (къ nom. duī 'дверь' = duīñ); jəkn-цов (къ nom. juk 'рыба' = jukn), срв. приводимую у Schrödera (Thesaurus etc. p. 307) форму jkn-ov (начала XVIII вѣка) и т. д.

β) **Носовой характеръ основы утраченъ:** ot-цов (къ nom. vot 'нога' = otñ) при ot-k-цов (къ nom. vot-kh 'id.' = nom. pl. ot-kh); jeī-цов (къ nom. jjeī 'рука' = jeīñ) при jeī-k-цов (къ nom. jjeīkh 'id.' = nom. pl. jeī-kh) и т. д.

с) Творительные отъ основъ, имѣющихъ въ именительномъ -up и -tjen, въ соответствii грабарнымъ -iup и -thiup: arñ-цов (къ arup 'кровь' = arupñ); uraχuten-цов (къ nom. uraχutien 'радость' = uraχutthiup) и т. д.

¹⁾ Напримѣръ, при пожеланii счастливаго пути: barцов хеццов gonas, barцов, хеццов ikas = 'добраго, счастливаго (благополучнаго) пути: добраго, счастливаго возвращенiя (собс. съ добромъ, съ благополучiемъ да уйдешь; съ добромъ, съ благополучiемъ да придешь [назадъ]); срв. тифл. mnas, gnas barov (Тифл. стр. 187) = прощай (собс. оставайся, уходи съ добромъ), а также соответствующее употребленiе грабарнаго instr. h̄areav (къ nom. bari), напр. bareav ekir = добро пожаловать и пр.

²⁾ hraman-kh, сравнительно съ граб. hraman (Arm. Gram. I p. 182), представляетъ „плурализованное“ существительное; о „плурализацин“ см. ниже § 174.

д) Творительные отъ именъ, не имѣющихъ соотвѣтствій въ грабарѣ: сѣз-цов (къ пом. *siž* 'ребенокъ, дитя'); котс-цов (къ пом. *kotsoš* ¹⁾) (въ формѣ *kotš-цов* между *t* и *s* исчезло *-o-*, о чемъ см. Этюды I § 57) и т. д.

е) Творительные отъ словъ заимствованныхъ: askar-цов (къ пом. *askar* 'войско' — арабское слово); khef-цов (къ пом. *khef* 'спокойное довольство, спокойствіе, *dolce far niente*' — арабское слово); γalm-цов (къ пом. *γalam* 'перо' — арабское слово); χangā-l-цов (къ пом. *χangal* 'кинжалъ' — арабское *χangar*); fasal-цов (къ пом. *fasal* 'рѣшеніе' — арабское слово); hunar-цов (къ пом. **hunar* 'искусство, ловкость' — персидское слово, срв. выше подъ *a*, *α*, съ подстрочнымъ примѣчаніемъ 2); thəfəng-цов (къ пом. *thufang* 'ружьё' — турецкое слово); pheškər-цов (къ пом. **pheškir* 'полотенце', персидское *peškir*) и т. д.

§ 137. Творительные нѣкоторыхъ именъ существительныхъ подучили въ мушскомъ значеніе прилагательныхъ. Такъ, напримѣръ, *jeŋcov* (instr. къ пом. *jen* 'голосъ' = *jain*), первоначально значившее, въ качествѣ instr. *qualitatis* (см. *De lbr ü c k*, *Grundriss d. vergl. Grammatik* III, 1 § 106), «съ голосомъ», стало употребляться въ качествѣ *adjectivi* «голосистый, зычный». Значеніе прилагательнаго выработалось извѣстнымъ синтактическимъ путемъ; сначала, напримѣръ, говорили: «этотъ человекъ *jeŋcov e*, т. е. есть [съ] голосомъ» (срв., напримѣръ, лат. *immani corpore serpens*; форма *eximia mulier* и пр.); затѣмъ, *jeŋcov* стало приобретать значеніе прилагательнаго: «обладающій голосомъ, голосистый, зычный». Въ былинѣ о «Давидѣ Сасунскомъ» мы встрѣчаемъ *jeŋcov* какъ прозвище въ составѣ собственнаго имени: *jeŋcov-ovan* = «голосистый Иванъ» (*Паткановъ*, *Мушскій* стр. 7 и слд.); въ мокскомъ вариантѣ этой былинны встрѣчается *jeŋov-hovan* (*Abeyean*, *Davith ev Məher* p. 11 sq.) ²⁾. Такимъ же путемъ instr. (*qualitatis*) *izcov* 'съ силою' сталъ значить «сильный, мощный», *hunarcov* 'съ искусствомъ, съ ловкостью' — «искусный, ловкій».

¹⁾ Слово *koto[š]* приводится въ числѣ „простонародныхъ“ словъ въ „Прибавленіи“ къ Акад. Словарю, s. v.

²⁾ Такое сложное собственное имя встрѣчается и въ другихъ вариантахъ нашей былинны; см. д. Гарегинъ, *Sasmau s̄ter* стр. 50, 80 и др.

Интересны слѣдующіе примѣры изъ «*Давида Сасунскаго*»: *fa-sal*цов е; і (Паткановъ, Мушскій стр. 10) «*собс. будь съ рѣшеніемъ, т. е. будь разсудительнымъ, понимающимъ дѣло, знай, какъ поступать*» (отъ арабс. *fasl* «*собс. раздѣленіе, разчлененіе; часть; рѣшеніе*»); *ətunkh...kotš*цов *čh-jen* (ibid. стр. 21) — «*собс. они не суть съ рогомъ (kotš*цов), т. е. они не храбры, не сильны, они не храбрецы»¹⁾.

Такой переходъ творительнаго (instr. qualitatis) въ прилагательныя извѣстенъ во всей области ново-армянскаго языка, какъ народнаго, такъ и литературнаго, срв., напримѣръ, такія формы, какъ *hamov*²⁾ «*вкусный, собс. съ вкусомъ*»; *užov* «*сильный, себе, съ силою*»; *ginov* «*пьяный, собс. съ виномъ*»; *tarikhov* «*взрослый, собс. съ лѣтами*»; *šnorghov* «*даровитый; видный (относительно вѣѣшности), собс. съ дарованіемъ*»; *šēnkhov-šnorghov* «*обладающій достоинствами (šēnkh-ov отъ šēnkh «строеніе, зданіе» = n. pl. šēn-kh)*; *teskhov* «*красивый, видный, собс. съ видомъ*»; тифл. *anumov* (твор. отъ *anum* «*имя*» = *anun*) «*извѣстный, собс. съ именемъ*»; эрив. *anəmov* (или *anumov*) «*id.*»; *tənov-te;ov* «*домовитый, собс. съ домомъ — мѣстомъ*»; польско-арм. *šahov* «*собс. съ выгодой, выгодный*» (твор. отъ *šah* «*польза, выгода*»), *Aidunia n I* p. 184, и пр. (Спеціально о константинопольскомъ литературномъ языкѣ см. у *Aidunia n'a*, II § 484).

Нѣкоторыя прилагательныя могутъ представлять, по образованію, также и грабарныя формы *instrumentalis plur.*, какъ, напримѣръ, *čelōkh*²⁾ «*умный, собс. съ умомъ*»; *šnorhōkh* то же, что и *šnorghov* (см. выше); *mōgvōkh* «*бородатый, собс. съ бородою*».

Эти образованія такъ укрѣпились въ языкѣ, что послужили основаніемъ для новыхъ, какъ, напримѣръ, для *verba denominativa*, срв. *ginov-nal* (къ *ginov*) «*сдѣлаться пьянымъ; напиться*»; *čelōkh-an-al* (къ *čelōkh*) «*поумнѣть*» и т. д.

¹⁾ Въ противоположность *kotš*цов въ данномъ мѣстѣ стоитъ *khol*, поленяемое Паткановымъ (ibid., глоссарій s. v.) какъ „паршивый, плѣшивый“ (перс. замѣтваніе); здѣсь *khol* употреблено въ переносномъ значеніи: „слабый, трусъ и т. п.“

²⁾ Что касается транскрипціи примѣровъ изъ литературнаго языка, то мы имѣемъ въ виду, въ данномъ случаѣ, не произношеніе, но передачу обычной литературной орфографіи этихъ словъ. Поэтому, мы пишемъ: *Ѣ, Ѣ, и т. д.*

Ознакомившись съ употребленіемъ формъ творительнаго въ значеніи прилагательныхъ въ мушскомъ, въ частности, и въ ново-армянскомъ вообще, — посмотримъ, насколько такое употребленіе извѣстно изъ болѣе раннихъ эпохъ исторіи армянскаго языка.

Что касается древне-армянскаго языка, то указаніе на случаи употребленія въ грабарѣ подобныхъ adjectiva мы находимъ у Aidunia'n'a, который въ своей «Критической грамматикѣ современнаго армянскаго языка», приводитъ (II p. 478) нѣсколько примѣровъ этого рода: yodvas-ov 'сложный, собс. съ соединеніями, со связями'; salac-ov 'сложенный, собс. со стѣбами, со складками'; anchanel-ov 'проходящій, собс. съ прохожденіемъ'; однако, мы должны замѣтить, что въ Ав. Ст. намъ не удалось найти цѣлать съ этими примѣрами и, такимъ образомъ, мы не знаемъ, у писателей какой, именно, эпохи они встрѣчаются; также и въ «Пространной грамматикѣ древне-армянскаго языка» Ваgгaтuпi мы не нашли указанія на случаи этого рода.

Въ средне-армянскомъ употребленіе творительныхъ въ значеніи прилагательныхъ является уже довольно распространеннымъ; при этомъ, интересно отмѣтить обращеніе въ прилагательныя также творительныхъ отъ заимствованныхъ существительныхъ (то же и въ ново-армянскихъ діалектахъ). Приведемъ изъ «Сборниковъ притчъ Вардана» слѣдующіе примѣры: ginov ēg (стр. 163, изд. М а р р а) 'былъ пьянъ' по аг. при вариантѣ arbac ēg (по I) и основномъ чтеніи harbechav (по V); χelōkh (стр. 62) 'умный'; meṽōkh (ib.) 'грѣховный, собс. instr. plur. съ грѣхами' (оба послѣдніе примѣра представляютъ чтеніе по D) и т. д. Изъ «Собранія» К о с т а н я н ц а приведемъ: or dukh mnakh eṽkaṽg aṽm o v = чтобы вы оставались долголѣтными, собс. съ долгимъ годомъ (о. с. I p. 15); eṽ dukh mnakh χ a γ a γ k e n ὀ k h = а вы живите покойно, собс. съ покойною жизнью (l. c.).

§ 137-bis. Такимъ образомъ, объ употребленіи въ классическомъ грабарѣ прилагательныхъ, представляющихъ форму творительнаго падежа, не представляется возможнымъ говорить положительнымъ образомъ ¹⁾. Однако, нѣкоторые слѣды подоб-

¹⁾ Мы, по крайней мѣрѣ, не знаемъ такихъ примѣровъ, которые можно было бы съ полною увѣренностью считать за первоначальныя формы творитель-

наго употребленія мы находимъ и въ грабарѣ; это, именно, такіе случаи, какъ *агаѣ-і* 'замужняя [женщина]', *капаѣ-і* 'женатый [мужчина]', въ которыхъ мы имѣемъ формы творительнаго ед. числа (*агаѣ* къ пом. *aig* 'мужь', *капаѣ* къ пом. *kin* 'жеца') съ присоединеніемъ суффикса *-і*¹⁾; такимъ образомъ, напримѣръ, *агаѣ-і* собственно значить «съ мужемъ». (Срв. также *Bugge*, *Beiträge* p. 48).

Примѣчаніе. Съ другой стороны, мы имѣемъ рядъ интересныхъ формъ на *-ov-i* (при *-ov-in*), образованныхъ, вѣроятно, отъ творительнаго ед. числа извѣстныхъ притяжательныхъ мѣстоименій и употребляющихся, преимущественно, какъ *pronomina adjectiva*; таковы, напримѣръ: *meг-ov-in* 'нашъ' отъ *instr. sg.* *meг-ov* 'нашимъ' къ пом. *meг* 'нашъ' (собс. *gen. plur.* къ *es* 'я'), *meг-ov-i* 'adv. по нашей волѣ'; *jeг-ov-in* 'вашъ' отъ *instr. sg.* *jeг-ov* къ пом. *jeг* 'вашъ' (собс. *gen. plur.* къ *du* 'ты'); *iur-ov-i* (при *iur-ov-in* 'subs. самъ; adj. свой, собственный; adv. самъ по себѣ; sponte' отъ *instr. sg.* *iur-ov* къ пом. *iur* 'свой'; *khov-in* 'твой' отъ *instr. sg.* *kh-ov* къ пом. *kho* 'твой' (собс. *gen. sing.* къ *du* 'ты').

Съ такими грабарными образованиями нельзя не сопоставить аналогичныхъ образований на *ov-i* въ ново-армянскомъ языкѣ. Изъ мушскаго у насъ примѣровъ нѣтъ²⁾, но изъ другихъ діалектовъ можно отмѣтить: изъ араратскаго: *hənar-ov-i*

наго. Н. Эминъ, *Всеобщая исторія Степаноса Таронскаго* (русскій переводъ), объяснялъ *aziv* какъ творительный ед. числа отъ *azn* 'племя'. „употребленный вмѣсто именительнаго и означающій: человекъ съ родомъ, съ именемъ, следовательно: родовитый, благородный“ (стр. 253). Но это врядъ ли правдоподобно въ виду того, что отъ *azn* творит. ед. ч. является въ формѣ *azamb* и мы, по меньшей мѣрѣ, ожидали бы **azamb-i* (срв. *агаѣ-і* и пр.); *aziv* находится, правда, въ связи со словомъ *azn*, но представляетъ образование при помощи особаго образовательнаго суффикса *-iv* (срв. *hoviv* и т. д.), о которомъ мы говорили выше § 49.

¹⁾ Это такое же *-i*, какъ и то, которое входитъ, напримѣръ, въ составъ сложнаго суффикса *-ash-i*; см. выше § 32.

²⁾ Въ виду распространенія въ ново-армянскихъ діалектахъ образований на *-ov-i*, мы никакъ не станемъ утверждать, чтобы они не встрѣчались вовсе въ мушскомъ.

(къ *hənar* = *hnar*) 'вымышленный, фальшивый, собс. съ изобрѣтеніемъ, съ выдумкою'; *šip-ov-i* 'выдуманный' (очень старое, повидимому, образование, въ которомъ *šip-ov* представляетъ творительный ед. числа, соответствующій граб. *šip-ov* [при *šip-iv*] къ пом. *šēn* 'селеніе; зданіе, постройка'; *as-ov-i* 'по слухамъ, какъ говорятъ', гдѣ *as-ov* можетъ быть творительнымъ къ **as* 'рѣчь, молва' = *as-kh* 'рѣчь', срв. глаголь *as-el* 'говорить'; *kar-ov-i* (въ выраженіи: *karovi kiž* 'сумасшедшій, котораго должно держать на привязи'), гдѣ *kar-ov* твор. къ *kar* 'привязь'; *gu-ov-i* 'покупной, кулленный (собс. съ цѣною)' и т. д.; изъ тифлискаго: *pəngr-ov-i* 'общинный' отъ твор. *pəngr-ov* 'съ товарищемъ' къ пом. *pəngir* = *ənker*. (Другіе примѣры см. у Томсона, Тифл. § 228, съ которымъ, однако, мы расходимся въ толкованіи происхожденія формъ на *-ov-i* ¹⁾).

Образованія на *-ov-i*, подобныя вышеприведеннымъ, значительно распространены въ ново-армянскихъ діалектахъ. (Въ литературномъ ново-армянскомъ они также встрѣчаются, хотя и значительно рѣже; въ качествѣ примѣровъ можно отмѣтить: *šipovi* 'выдуманный'; *berovi* 'привозной' [къ *berel* 'приносить, привозить']; *nšanakovi* 'по назначенію' [къ *nšanakel* 'назначать']; *əntrovi* 'по выбору' [къ *əntrel* 'выбѣрать'] и нѣк. др.).

При этомъ нельзя не замѣтить, что нѣкоторыя изъ нихъ не легко поддаются перефразировкѣ при помощи выраженія: «съ (тѣмъ то)»; слѣдовательно, между ними могутъ встрѣчаться и такія, которыя образованы не отъ надежной формы извѣстнаго имени, но отъ той или другой основы или корня при посредствѣ выработавшагося, готоваго суффикса *-ov-i*; таково, напримѣръ, тифл. *gəthn-ov-i* 'найденный' и др.

§ 138. Формы творительнаго ед. числа въ мушскомъ употре-

¹⁾ Томсонъ, разсматривая „тифлисскій суффиксъ *-ovi*“, между прочимъ, говоритъ: „Трудно сказать, какъ образовались эти слова [*pəngrovi* и др.] и занимающій насъ суффиксъ [*-ovi*]... Разсматривая вышеприведенныя слова съ суф. *-ovi*, мы видимъ, что ихъ нельзя объяснить изъ творит. надежа, и что, слѣдовательно, нельзя допустить происхожденія суф. *-ovi* изъ *ov+i*. Въ грабарѣ мы не находимъ соответствій къ этимъ словамъ“ (Тифл. § 228).

блются и въ значеніи нарѣчіи, какъ, напримѣръ, րալստեղծով 'радостно, собс. съ радостью'; ցիերցով 'вечеромъ'; շուրջով 'насилво'; собс. силой' и т. д. Такое употребленіе творительнаго въ значеніи нарѣчіи мы имѣемъ право возвести къ обще-армянскому праязыку ¹⁾: оно хорошо извѣстно какъ изъ грабара (многочисленные примѣры см. у Вагратіи § 520) и средне-армянскаго (напримѣръ, շերեկով 'днемъ'), такъ и изъ ново-армянскихъ діалектовъ (относительно, напримѣръ, тифлисскаго см. Тифл. § 383, 7; относительно константинопольскаго см. Аидуниан II § 291). При этомъ, въ грабарѣ, въ значеніи нарѣчіи, употребляются не только первоначальныя формы творительнаго единственнаго числа (напр. հաւ-իւ, ԲՆ-ԱՎ и т. д.), но и множественнаго (չել-աւկի и т. д.); что касается новыхъ діалектовъ, то въ нихъ формы творительнаго множ. числа (на -օկհ = -աւկի, -օկի) должны быть разсматриваемы или какъ грабарныя заимствованія, или же какъ остатки прежнихъ формъ творительнаго множ. числа, уцѣлѣвшихъ въ адвербіальномъ употребленіи, постѣ того какъ въ именномъ склоненіи они исчезли, благодаря извѣстному новообразованію, передѣлавшему всю флексію множ. числа; къ такимъ «переживаніямъ» принадлежитъ, напр., ново-армянское շեւոկի 'умно' (также и adj. 'умный') = շեւաւկի 'умно, искусство' — при շեւոկով (форма твор. ед. числа). (Примѣры нарѣчіи на -օկի изъ тифлисскаго — см. у Томсона, Тифл. § 383, 1).

Примѣчаніе. Намъ не пришлось отмѣтить въ мушскомъ существованіе нарѣчіи на -օւ-ի, т. е. нарѣчіи, образованныхъ изъ формы творительнаго ед. числа, осложненной суффиксомъ -ի; соответствующія образованія извѣстны изъ другихъ ново-армянскихъ діалектовъ, срв., напр., անկեր-օւ-ի 'съ товарищами, совмѣство' и др.²⁾. Осложненіе новымъ суффиксомъ формъ

¹⁾ Въ обще-армянскомъ языкѣ употребленіе формъ творительнаго (какъ единственнаго, такъ и множественнаго числа), въ значеніи нарѣчіи, слѣдуетъ считать унаслѣдованнымъ изъ индо-европейскаго праязыка. См. § 139.

²⁾ Формы на -օւ-ի послужили основаніемъ для многихъ образованій, въ которыхъ мы не можемъ выдѣлнить формы первоначальнаго творительнаго; таковы, напримѣръ, ново-армянскія нарѣчныя выраженія: կօւ-ի 'въ прикуску', կիւօւ-ի 'въ накладки', образованныя съ готовымъ суффиксомъ -օւ-ի къ глаголамъ կօւ 'кусать' и կիւել 'бросать'; срв. что сказано выше, § 137 примѣчаніе (конецъ), относи-

творит. мы находимъ и въ грабарѣ, гдѣ встрѣчаются нарѣчія на -ov-in, -ov-imb, напримѣръ: bolor-ov-in, -imb 'совсѣмъ, совершенно'; bu-av-in, -imb 'id.' при bu-av и т. д.

Отдѣльно должны быть отмѣчены интересныя образования на -ev-in, -ev-imb, какъ amen-ev-in, -imb 'совсѣмъ'; нельзя не усмотрѣть въ -ev- этихъ образований параллельный суффиксъ instrum. sing. къ -ov (отъ основъ на -o-), т. е. то -ev, которое мы имѣемъ въ adv. ardar-ev (при ardar-ov, § 139) и въ мѣстоименномъ склоненіи (in-ev 'мною' etc.).

§ 139. Употребленіе формы творительнаго въ качествѣ нарѣчія, возводимое нами (§ 138) къ обще-армянскому, было унаследовано послѣднимъ уже изъ болѣе отдаленной эпохи. Какъ извѣстно, въ различныхъ индо-европейскихъ языкахъ творительный отъ извѣстныхъ основъ именъ (существительныхъ и прилагательныхъ) и въ некоторыхъ мѣстоименіи былъ, наравнѣ съ вшителнымъ, наиболѣе употребительною падежною формою въ значеніи нарѣчія. (Cf. Delbrück, Grundriss d. vergl. Grammatik [Syntax] III, 1 § 267 [Rückblick]). Возникновеніе такого употребленія формы творительнаго можно относить уже къ эпохѣ индо-европейскаго праязыка.

Въ своемъ «Синтаксисѣ» профессоръ Дельбрюкъ посвятилъ разсмотрѣнію нарѣчій специальную, обширную главу (XIV), въ которой имъ собранъ значительный матеріалъ по различнымъ индо-европейскимъ языкамъ ¹⁾. Такъ какъ Дельбрюкъ совершенно не касается фактовъ армянскаго языка, то предыдущій §-ъ, въ которомъ мы разсмотрѣли употребленіе творительнаго въ качествѣ нарѣчія въ древне-средне- и ново-армянскомъ, можетъ служить дополненіемъ къ упомянутому отдѣлу труда почтеннаго ученаго. Матеріалъ, представляемый, въ этомъ отношеніи, древне-средне- и ново-армянскимъ, заслуживаетъ особеннаго вниманія занимающихся сравнительнымъ синтаксисомъ индо-европейскихъ

тельно прилагательныхъ на -ovi. (Срв., по этому поводу, также у Delbrück'a — Grundriss d. vergl. Grammatik [Syntax] III, 1 pp. 642—643).

¹⁾ Объ „инструментальныхъ нарѣчіяхъ“ проф. Дельбрюкъ говоритъ въ §§ 244—248

языковъ. Разбираясь въ примѣрахъ, мы можемъ сдѣлать, напри-
мѣръ, слѣдующія сопоставленія съ родственными языками: граб.
gišerav, ново-арм. gišerov, мушс. gišerov 'ночью': др.-инд. naktauā
(къ ном. *naktā, Delbrück, о. с. р. 574), ст.-слав. ношѣа:
средне-арм. cherekov, тифл. cherekov 'днемъ', или ново-арм. orov
'id.': др.-инд. divā, русс. днемъ; ново-арм. štarov, тифл. štarov 'по-
спѣшно, спѣша': др.-инд. tarasā 'поспѣшно, скоро' (къ ном. ta-
ras 'Kraft, Schnelligkeit'). Рѣже встрѣчаются въ армянскомъ языкѣ,
въ значеніи нарѣчій, формы instr. pluralis, подобно тому какъ это
бываетъ въ др.-индійскомъ (cf. Whitney, Indische Grammatik
§ 1112), авестійскомъ и нѣкоторыхъ другихъ (см. Delbrück,
о. с. §§ 245, 248). Срв., напр., граб. ɣel-aukh (-ōkh) средне- и
ново-арм. ɣelokh (см. § 138) и др.-инд. sahōbhiś 'mit Gewalt', śanaīś
'langsam'.

Интересно также отмѣтить въ нѣкоторыхъ грабарныхъ «инстру-
ментальныхъ» нарѣчійхъ -ev при обычномъ исходѣ творительна-
го -ov (отъ основъ на -o-). Срв. уже приведенныя (§ 138 примѣ-
чаніе) ardar-ev 'истинно, по справедливости' (но ardar-ov!); amen-
ev-in 'совершенно, совсѣмъ' и во множ. числѣ ardev-kh 'истинно,
вѣрно; итакъ; въ вопросахъ: развѣ (ᾗρα) ¹⁾. Такія образования на
-ev должны быть рассматриваемы какъ очень древнія; въ -e- исхо-
да -ev мы, по всей вѣроятности, имѣемъ звукъ, восходящій къ
индо-европ. *e, чередовавшемуся съ *o въ именахъ съ основами
на *-o- (Bugmann, Grundriss II § 59 р. 102, срв. также I²
§ 548).

ОТЛОЖИТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖЪ (Ablativus).

§ 140. Въ мушскомъ мы имѣемъ два рода отложительныхъ
падежей: 1) отложительный простой и 2) отложительный описательный.

¹⁾ Такъ объясняютъ ardevkh (позже также ardeaukh, ardeōkh) Bugge, K. Z.
XXXII pp. 3—4; относительно формы срв. instr. plur. mevkh (meaukh, -ōkh) 'нами',
jevkh (jeaukh, -ōkh) 'вами'. Происходитъ ли ardevkh отъ *ard = др.-инд. ṛta-
какъ думаетъ Bugge (съ чѣмъ не согласенъ Гюбшманъ, Arm. Gramm. I
р. 424), — представляется вопросомъ.

I. Отложительный простой.

§ 141. Въ качествѣ исходовъ простого отложительнаго въ мушскомъ мы обыкновенно находимъ: 1) -en ¹⁾ (очень рѣдко одно -e) и 2) -ich, -uch, (-ach), причемъ первый рядъ исходовъ, сравнительно со вторымъ, по нашимъ наблюденіямъ, встрѣчается чаще. Нѣкоторыя имена, при этомъ, имѣютъ двойную форму отложительнаго, т. е. съ исходами -e[n] и -ch.

Примѣчаніе. Проф. Паткановъ, въ очеркѣ мушскаго діалекта (Мушскій стр. V—VI), приводитъ, почему то, въ качествѣ отложительныхъ единс. числа исключительно формы на -e, тогда какъ въ переизданныхъ имъ текстахъ встрѣчаются также и формы на -ch. См. подробности ниже § 150.

§ 142. Оба ряда исходовъ простого отложительнаго, находимые въ мушскомъ, встрѣчаются и въ другихъ ново-армянскихъ діалектахъ, причемъ должно имѣть въ виду слѣдующее: въ діалектахъ восточной группы обыкновенно мы имѣемъ рядъ исходовъ на -ch и рѣже формы на -e, -en; въ діалектахъ же западной группы, напротивъ, отношеніе обратное, и преобладающими исходами являются -en, -e ²⁾. То же самое должно имѣть

¹⁾ Въмѣсто -en, въ извѣстныхъ случаяхъ, какъ мы увидимъ далѣе, могутъ являться -es и -et. (См. ниже § 147).

²⁾ Выразаясь подобнымъ образомъ, мы представляемъ положеніе дѣла лишь въ общихъ чертахъ. Разумѣется, относительно каждаго отдѣльнаго діалекта должно быть сдѣлано особое замѣчаніе по поводу соотношенія обонхъ рядовъ интересующихъ насъ исходовъ. Такъ, напримѣръ, въ тифлисскомъ діалектѣ (діалектѣ восточной группы) соотношеніе обонхъ рядовъ — какъ это можно видѣть изъ Тифл. § 328 — почти равномерное и, кромѣ того, рядъ -e, -en подверженъ въ немъ нѣкоторымъ осложненіямъ. Относительно араратскаго діалекта (діалекта также восточной группы) должно замѣтить, что въ немъ почти господствующими являются формы на -ch; что же касается формъ на -e, то таковыя встрѣчаются лишь въ извѣстныхъ оборотахъ, а именно въ такихъ сочетаніяхъ, какъ-то: dŕne-duŕ 'изъ двери въ дверь'; pate-pat 'отъ стѣны къ стѣнѣ' (= мушс. pate-pat); khayakhe-khayakh 'изъ города въ городъ'; tare-ch-tari 'изъ года въ годъ'; ore-ch-og 'изъ дня въ день, ежедневно' и т. д. Въ послѣднихъ формахъ -ch представляетъ предлогъ = ch- 'къ, до', и, такимъ обра-

въ виду и относительно обоихъ ново-армянскихъ литературныхъ языковъ: въ восточномъ получили право гражданства — за извѣстными, немногочисленными исключениями — формы на *-ch*, въ западномъ же — формы на *-en*, *-e*.

§ 143. Мы рассмотримъ сначала исторію мужскихъ исходовъ *-en*, *-e*. Прежде всего, слѣдуетъ замѣтить, что съ исторической точки зрѣнія исходомъ, собственно, является *-e*, тогда какъ форма *-en* представляетъ лишь извѣстное осложненіе стараго исхода постпозитивною указательною частицею *-n*, о которой намъ уже приходилось говорить выше (см. § 128). Подобное осложненіе стараго исхода *-e* мы встрѣчаемъ и въ другихъ діалектахъ, какъ, напримѣръ, постоянно въ тифлискомъ (см. Тифл. § 328); срв. въ старо-тифлискомъ такія формы на *-en*, какъ

зомъ, относится ко второму слову: слѣдовательно, *ogechog* должно быть понимаемо какъ „*oge ch-og*“, т. е. „это дня ко дню“. [Ивленіе параченія суффикса мы находимъ въ тифлискомъ, напр. *hokhesh*, abl. къ *hokhi* 'духъ, душа', Тифл. § 329, ахалцхскомъ, гдѣ мы имѣемъ даже вторичное присоединеніе *-e*, такъ что исходъ ablativi является въ видѣ *-eche*, Ахалц. § 116]. Съ другой стороны, въ ахалцхскомъ (діалектъ западной группы), насколько можно судить по Ахалц. § 110 (стр. 52), являются исключительно формы на *-e*. Въ языкѣ польскихъ армянъ прошлаго вѣка могутъ быть указаны ablativi также съ исходомъ на *-ch* (*A i d u n i a n I* p. 192 подстрочное прим. 36), тогда какъ обыкновеннымъ исходомъ отложительнаго въ этомъ діалектѣ является *-e[n]*, напр. *rapen* къ *rap* 'вещь' = *ban* (cf. *H a n u s z — Lautlehre der polnisch-armen. Mundart etc.* p. 20). Въ описанномъ *S c h r ö d e r*'омъ армянскомъ языкѣ начала XVIII вѣка, который принадлежалъ къ восточной группѣ, мы находимъ оба исхода: *-e(n)* и *-ch* (*Thesaurus linguae armenicae* p. 307), хотя въ текстахъ, въ значительной степени, формы на *-en* преобладаютъ надъ формами на *-ch* (см. о. с. pp. 325—370).

Относительно агулскаго и, въ связи съ нимъ, карабахскаго — см. у *С а р г с я н ц а* § 22.

N.B. То, что говоритъ проф. *П а т к а н о в ъ*, Исследование о составѣ стр. 52, о формахъ на *-en* и на *-ch* въ нарѣчіяхъ „западныхъ“ и „кавказскихъ“ (т. е. восточныхъ) Армянъ, основано, въ сущности, на особенностяхъ литературныхъ языковъ тѣхъ и другихъ, о которой упоминалось выше. Впрочемъ, должно имѣть въ виду, что въ своемъ болѣе позднемъ трудѣ — „Исследование о діалектахъ армянскаго языка“ — проф. *П а т к а н о в ъ*, перечисляя „отличительные признаки“ діалектовъ восточной и западной группъ (о. с. p. 16 sq.), ничего не говоритъ объ исходахъ отложительнаго на *-e* и *-ch*.

ау-ен 'отъ господина'; hokh-ен 'отъ души' и пр. Но, въ настоящее время, это -п въ мушскомъ таѣь плотно срослось съ старымъ исходомъ -е, что съ современной точки зрѣнія -ен можетъ считаться, на ряду съ -е, исходомъ ablativi (подобно тому какъ -in, -un, т. е. -i + n, -u + n, считаются настоящими исходами dativi; срв. выше § 130).

§. 144. Мушское -ен (т. е. старое -е + извѣстная постпозитивная частица -п) или (рѣдкое) -е находятся въ соотвѣтствіи, съ одной стороны, съ грабарнымъ -ē (см. Этюды I § 32), съ другой — съ -е, -ен ново-армянскихъ діалектовъ. Всѣ эти исходы должны быть возводимы къ обще-армянскому *-ē. Что же касается этого послѣдняго, то происхожденіе его до сихъ поръ не поддается толкованію. Существуютъ двѣ теоріи: одна — Гюбшманна, другая Бартоломэ, въ основаніи которыхъ лежатъ два противоположныхъ воззрѣнія названныхъ лингвистовъ на исторію индо-европ. *-t- въ армянскомъ языкѣ (о чемъ срв. Этюды I § 161,2). Гюбшманъ, Arm. St. I p. 89, выводитъ граб. -ē (напримѣръ, i hau[ō]rē къ ном. hair 'отець', у-аканē къ акн 'глазь', i srtē къ sirt 'сердце' и т. д.), черезъ посредствующую ступень *-ey- [-у- изъ *t между гласными, о. с. p. 74], изъ индо-европ. *-etos (срв. др.-инд. yatas, sarvatas и т. д., авест. uvatō изъ пра-арійской формы на *-tas и т. д.). При этомъ, однако, Гюбшманъ замѣчаетъ (о. с. p. 89): «auffällig bleibt das e in *ey, da es Nominalstämme auf e nicht giebt»; въ виду этого, онъ предполагаетъ, что -е- въ -ey должно быть разсматриваемо какъ тематическій гласный (чередовавшійся съ -о-), подобный тому, который мы видѣли въ «инструментальномъ» нарѣчій ardarev (см. § 139), или который является въ instr. sing. мѣстоименнаго склоненія, напримѣръ, inev 'мною' и пр. Это толкованіе, принятое Бругманомъ (см. Grundriss II p. 595), и съ которымъ, повидимому, согласенъ также и Томсонъ (Тифл. § 329), — встрѣтило возраженіе со стороны Bartholomae, который (Studien II p. 10), исходя изъ своего положенія: «intervokalisches und auslautendes t ging [въ грабарѣ] wie s in gleicher Stellung einfach verloren» (о. с. p. 27 sq.), — полагаетъ, что изъ индо-европ. *-e- въ грабарѣ могло бы получиться только -е.

Съ своей стороны, Bartholomae думаетъ, что -ē могло

произойти изъ *oi-tos «mit dem bekannten ablatifsuffix -tos und dem bei J. Schmidt, K. Z. XXV, s. 57 besprochenen oi, dessen eindringen in den singular vom slavischen her bekannt ist; cf. ksl. тѣмъ» (о. с. р. 10). На этомъ мнѣнїи проф. Bartholomae слѣдуетъ нѣсколько остановиться. Индо-европ. *oi, дѣйствительно, давало въ грабарѣ ē (срв. Этюды I § 28, 3 съ примѣчаніемъ); но вопросъ въ томъ, восходитъ ли, на самомъ дѣлѣ, граб. ē, въ данномъ случаѣ, къ индо-европейскому виду основы на *-oi- вм. *-o-? Далѣе, нельзя не замѣтить, что *-oi-tos — разъ оно послужило основаніемъ для граб. -ē — мы прежде всего ожидали бы встрѣтить въ отложительныхъ отъ основъ на -o-; мы ожидали бы такихъ формъ, какъ *i mard-ē, вмѣсто чего находимъ i mard-ou (къ ном. mard 'человѣкъ'), которое Гюбшманъ склоненъ вывести также изъ *-o-tos (Arm. St. I p. 89) ¹⁾.

• Намъ кажется, что мнѣніе проф. Гюбшмана (въ связи съ его закономъ о переходѣ индо-европ. *t въ грабарное у, Armeniaca I p. 169 = Arm. St. I p. 74 ²⁾) — заслуживаетъ предпочтенія уже потому, что оно не вызываетъ особыхъ сомнѣній ³⁾.

¹⁾ Что касается исхода ablativi на -au (совпадающаго съ исходами genitivi-dativi) въ склоненїи собственныхъ именъ съ армянскими основами на -a-, то проще всего, какъ намъ кажется, объяснять это -au влияніемъ соответствующаго исхода -ou въ основахъ на -o-; по аналогїи gen.-dat. mardou, abl. i mardou къ nom. mard возникло gen.-dat. Trdatay, abl. i Trdatay къ ном. Trdat 'Трѣдатъ, средне-перс. Tīrd(āt)'. (Вообще, слѣдуетъ имѣть въ виду, что все склоненїе собственныхъ именъ съ армянскими основами на -a- подверглось влиянію со стороны флексїи основъ на -o-).

²⁾ Срв. также что говорить Бругманъ, Grundriss I² § 577, 4.

³⁾ Исключительно въ интересахъ полноты исторїи разъясненія нашего суффикса (грабарнаго -ē) мы приводимъ, въ нижеслѣдующихъ строкахъ, обзоръ мнѣній болѣе раннихъ арменистовъ. Оставляя въ сторонѣ толкованія Windischmann'a (Die Grundlage des Armenischen in arischen Sprachstamme p. 28 отд. оттиска) и Petermann'a (Grammatica linguae armenicae p. 108 sq.), — обратимся къ проф. Патканову (Исслѣдованіе о составѣ стр. 50—54) и Фр. Мюллеру (Beiträge z. Declination des armenischen Nomens p. 6 sq.). Оба армениста, въ сущности, примыкаютъ къ толкованію Боппа (Vergl. Grammatik I § 183, 4), сопоставлявшаго граб. ablativъ на -ē (полученное изъ *-et, въслѣдствіе замѣнительнаго удлиненія послѣ утраты конечнаго зубнаго⁴⁾) съ

Выработавшись известным образом, суффикс *ablativi* -ē распространился по всему армянскому склонению (за исключением армянских основ на -а- и -о-) как готовый суффикс, присоединявшийся или к формам именительного (например, *i baht-ē* к *baht* 'счастье', основа на -i-; *i srt-ē* вм. *i *sirt-ē* к *sirt* 'сердце', основа на -i-; *y-azg-ē* к *azg* 'народ, племя', смешанная основа на -а-/-i-) или же к формам родительного-дательного (например, *i dster-ē* к *dustr* 'дочь', gen. *dster*, основа на -г, *y-akan-ē* к *akn* 'глаз', gen. *akan*; *y-anjn-ē* вм. *y-anjn-ē* к *anjn* 'лицо', gen. *anjn*, основы на -п; *i hau[ō]r-ē* к *hair* 'отец', gen. *hau[ō]r*, основа на -г; *y-aḡn-ē* к *aḡ* 'муж', gen. *aḡn* и т. д.). Существуют также и двойные образования, как то: *i zard-ē*, *i zardv-ē* ¹⁾ к ном. *zard* 'украшение', gen. *zard-u*, основа на -u-, и т. д.

§ 145. Как мы увидим ниже (§ 147), мушское (и вообще ново-армянское) -е, -еп распространилось по всей области именного склонения. В этом отношении существует разница между ново-армянским языком и грабаром, в котором, как мы только что видели (§ 144), исходь -ē образует отложительные падежи от всех основ, за исключением основ на -о- и армянских основ на -а-, срв., например, *i marḡoy* 'от человека', *i Marḡamay* 'от Марии'. Старых образований отложительных падежей от этих последних основ в ново-армянском языке мы обыкновенно не находим. Об остатках см. § 151.

Распространение -ē, -ēп по всему именному склонению мы

др.-индийскими, авестийскими и латинскими *ablativ*'ами на зубные звуки; вся разница между названными учеными лишь в том, что Паткановъ и Фр. Мюллеръ выводят -ē изъ е + у, которое было получено изъ старго *t. Равнымъ образом, къ Бопиу восходитъ приводимое Паткановымъ (l. c.) и Фр. Мюллеромъ (l. c.) неправильное сопоставление осетинских отложительныхъ на -йі съ армянскими на -ē. (О происхожденіи осетинскаго -йі, какъ суффикса *ablativi*, см. у В. с. Миллера — Осетинскіе Этюды II стр. 132).

¹⁾ Къ этимъ обѣимъ формамъ примыкаетъ и третья: *i zardu*, которую мы считаемъ образованною по аналогіи. Именно, на основаніи образцовъ: gen.-dat. *marḡoy*: abl. *i marḡoy* (къ ном. *marḡ*), съ одной стороны, и gen.-dat. *Marḡamay*: abl. *i Marḡamay* (къ ном. *Marḡam* 'Марія'), съ другой, — возникла при gen. *zardu* форма *ablativi* — *i zardu*.

уже, въ значительныхъ размѣрахъ, наблюдаемъ въ средне-армянскомъ. Срв., напримѣръ, такія формы изъ «Сборниковъ притчъ Вардана», какъ-то: *i beganēn* (стр. 8, изд. Марра) 'изо рта' при вар. *i beganou*; *i cochēn* (стр. 39) 'изъ-за пазухи' при вар. *i cochoy-n*; *i saġēn* (стр. 46, 47) 'съ дерева', граб. *i saġoy*; *mar-dē* (стр. 91) 'отъ человѣка' при вар. *mar-do* (= [i] *mar-do*); *i getēn* (стр. 92) 'изъ рѣки' при вар. *i getoy-n* и т. д.

§ 146. Грабарный префиксъ *i* (*y*-) передъ формами отложительныхъ падежей. Какъ можно видѣть изъ грабарныхъ примѣровъ отложительныхъ падежей, приведенныхъ въ предыдущихъ §§-хъ, каждому изъ нихъ предшествуетъ префиксъ *i* (или, если падежная форма начинается гласнымъ, то *y*-). Что касается этимологiи этого префикса, то она пока остается неразъясненною ¹⁾. Употребленiе префикса *i* при формахъ *ablative* (съ чѣмъ нельзя не сопоставить постояннаго употребленiя *hača s. abl.* въ древне-персидскомъ, cf. *H ü b s c h m a n n — Zur Casuslehre* p. 295, и въ большинствѣ случаевъ *hača s. abl.* въ авестiйскомъ, cf. *ibid.* p. 228), врядъ ли можно считать, во всѣхъ случаяхъ, одинаково древнимъ. Къ нему прибѣгали, вѣроятно, прежде всего, когда происходило формальное совпаденiе отложительнаго съ другими падежами (напримѣръ, въ формѣ *mar-do* совпадали *genitivus-dativus* и *ablativus*), а затѣмъ сфера его употребленiя охватила и такіе случаи, когда въ этомъ префиксѣ особой необходимости не могло ощущаться, т. е. когда *ablativus* являлся со своимъ характернымъ суффиксомъ *-ē* (напримѣръ, *i hau[ō]gē*, *y-akan-ē* и т. д.).

Существуетъ ли въ ново-армянскихъ діалектахъ префиксъ, соответствующій грабарному *i*? Насколько мы знаемъ, въ тѣхъ ново-армянскихъ діалектахъ, которые продолжаютъ сохранять формы *ablative* на *-e* (= граб. *-ē*), такой префиксъ неизвѣстенъ. Отсутствiе его вполне понятно. Въ ново-армянскомъ исходъ *ablative* на *-e* распространился, какъ мы знаемъ, на всѣ основы и, слѣдовательно, не было причины, которая

¹⁾ Попытка Фр. Мюллера (*Beiträge z. Declination des arm. Nomens* p. 7) видѣть въ грабарномъ префиксѣ *i* „eine Verwandte der neupersischen *Idāfath*“, конечно, не убѣдительно.

заставляла бы языкъ прибѣгать къ вспомогательнымъ способамъ для выраженія понятія отдаленія и т. д.

Постепенное исчезновеніе префикса *i* (у-) можно наблюдать уже въ памятникахъ средне-армянскаго языка. Такъ, напримѣръ, въ памятникѣ второй половины XII-го столѣтія (съ нѣкоторыми «вульгаризмами»), въ «Посланіи» Нерсеса Ламбронскаго къ царю Левону I, мы находимъ, среди классическихъ формъ ablativ'овъ, форму *unkndru-thenē* (вм. у-), «Хрестоматія» Эминая, М. 1849, стр. 107; или въ «Сборникахъ притчъ Вардана» мы встрѣчаемъ, наряду съ обычными формами отложительныхъ съ префиксомъ *i* (у-), также — хотя и довольно рѣдко — формы безъ этого префикса; примѣры: *thagavorēn* (стр. 1) вм. *i th°* 'отъ царя'; *og ais amēn charcharanach-d azatikh* 'чтобы вы избавились отъ всѣхъ этихъ вашихъ мученій' (стр. 44) вм. *i ch°*; *hachn k'el(l)ē jeřach-n* 'хлѣбъ уходитъ у него изъ рукъ' (стр. 78) вм. *i j°*; *dīnē i duīn* 'изъ двери въ дверь' (стр. 221); *χelach* въ выраженіи: *χelach tharheschan* 'лишились разума' (стр. 298), срв. граб. *thaphil i χelach* 'лишиться разума; сойти съ ума' (ном. *χel-kh* 'умъ, рассудокъ'); иногда, къ то время какъ въ одномъ спискѣ «Притчъ» мы находимъ классическую форму (т. е. въ сопровожденіи префикса), въ другомъ является форма «вульгарная», т. е. безъ префикса, какъ, напримѣръ, *aikh-d χotorechakh astucoy* (такъ въ V; въ другихъ рукк. у-astucoy) 'вы же, всѣ прочіе, отклонились отъ Господа' (стр. 45); *kerakrēg z-nau* (т. е. z-na) *iur arpanach-n* (по С; стр. 66) 'кормилъ его изъ своихъ палатъ' (вар. по D: у-iur a°); *i tha, uch i thaγ* 'изъ одной части города въ другую' (стр. 204) по рук. В = *thaγuch i thaγ* по D, и т. д. Изъ «Сборниковъ» Костанянца приведемъ: *khun-s hater e ačhveroy-s* (I стр. 46) 'глаза мои лишились сна, собс. мой сонъ отдѣлился отъ моихъ глазъ' (изъ рук. 1647 г.).

Что касается, въ частности, мушскаго діалекта, то въ текстахъ, собранныхъ нами, мы не находимъ передъ ablativ'ами на -е префикса *i*; два-три примѣра (*i soven* къ *сцов* 'море'; *i gəlux* къ *gəlux* 'голова' и др.) мы встрѣтили въ записяхъ, доставленныхъ намъ посторонними лицами; при этомъ, слѣдуетъ имѣть въ виду, что эти формы отложительныхъ съ предшествующимъ *i* встрѣ-

чаются какъ разъ въ текстахъ стихотворныхъ, такъ что возникаетъ вопросъ о нѣкоторомъ книжномъ характерѣ этихъ формъ. Въ былинѣ «Давидъ Сасунскій» мы встрѣтили форму *i rhoçanen* 'съ улицы' (Паткановъ, Мушскій стр. 8). Однако, всѣ эти формы имѣютъ случайный характеръ, и основное положеніе объ употребленіи въ мушскомъ формъ отложительнаго падежа безъ особыхъ префиксовъ остается, такимъ образомъ, въ силѣ.

§ 147. Обратимся теперь къ обзору мушскихъ формъ отложительнаго падежа на *-en*, *-e*. Обычною формою исхода даннаго падежа является *-en*; что же касается формъ на *-e*, то онѣ встрѣчаются крайне рѣдко (по крайней мѣрѣ, по нашимъ наблюденіямъ). При этомъ, слѣдуетъ замѣтить, что вмѣсто *-en* могутъ являться также и формы на *-es* и *-et*, т. е. формы на *-e* + «лицеопредѣляющія частицы»: *-s* (для перваго лица) или *-t* (для втораго лица). Срв. § 128 прим. Кроме того, при нѣкоторыхъ формахъ на *-en*, *-e* существуютъ и параллельныя формы съ суффиксомъ *-ch*, которыя иногда приходилось наблюдать даже въ предѣлахъ одного и того же текста.

Формы отложительнаго падежа на *-e*, *-en* etc. встрѣчаются въ мушскомъ отъ именъ со всѣми основами (различая послѣднія съ точки зрѣнія грамматики габара); срв. § 145. Имѣющіеся у насъ примѣры рассмотримъ по нижеслѣдующимъ рубрикамъ:

1) Формы на *-e* п: *ğar-en* 'изъ воды'; *şar-en* 'съ горы'; *rhoç-en* 'изъ живота'; *hoç-en* 'изъ земли, изъ страны'; *sağ-en* 'съ дерева' (при *sağ-uch*); *məs-en* 'изъ мяса'; *çuçiçor-en* 'изъ яблока'; *sərt-en* 'изъ сердца'; *vəz-en* 'съ шеи'; *has-en* 'отъ хлѣба'; *sov-en* 'изъ моря'; *te[ə]ç-en* 'съ мѣста'; *təp-en* 'изъ дому'; *jeğn-en* 'отъ, изъ руки'; *azk-en* 'изъ племени, изъ роду' (при *azki-ch*); *şərak-en* 'отъ свѣчи'; *khət-en* 'изъ носу'; *sandruten-en* 'отъ, вслѣдствіе тяжести'; *thugruten-en* 'отъ, вслѣдствіе торговли'; *mətk-en* 'изъ ума, изъ памяти'; *jeğk-en* 'отъ, изъ руки'; *hert[ə]k-en* 'изъ отверстія на кровлѣ'; *rat-en* 'отъ стѣны'; *og-en* (къ пом. *og* 'день'), напримѣръ, въ выраженіи: *khani m'oren yetkh* = спусти нѣсколько дней, собс. отъ нѣсколькихъ дней спусти, и т. д.

2) Формы на *-e*: *moç-e* 'отъ матери'; *çelk-e* 'отъ ума, отъ разума' (напримѣръ, въ выраженіи: *çelke rakas mart e* = онъ недалекаго ума человѣкъ, собс. онъ отъ ума недостающій человѣкъ,

есть); *pat-e pat* 'отъ стѣны къ стѣнѣ' (срв. что сказано выше въ подстроч. прим. 2 на стр. 138) и т. д.

Примѣчаніе. Что касается такихъ мушскихъ формъ, какъ, напримѣръ, *maze* 'волосяной', *maše* 'мясной', — формъ, аналогичныя которымъ встрѣчаются во множествѣ и въ литературныхъ ново-армянскихъ языкахъ (восточномъ и западномъ) и въ другихъ діалектахъ, — то, какъ уже было замѣчено въ Этюдахъ I § 89 (съ подстрочн. прим. 2), мы считаемъ ихъ, вмѣстѣ съ Томсономъ, Тифл. § 207 слд., не за формы *ablativ'ovъ* на -e, какъ нѣкоторые склонны думать (см., наприм., Ахвердянъ, *Sayeath-Nova*, Тифлисъ 1852, стр. 47 — объясненіе формы *ōkē* 'золотой')¹⁾, но за соотвѣтствія грабарнымъ прилагательнымъ на -eay (при которыхъ встрѣчаются и формы на -ē, Этюды I стр. 83 подстрочн. прим. 3), напримѣръ, *mazeay* 'волосяной' = муш., конст., тифл. и пр. *maze*. (См. выше § 59). — Подобныя этимъ формы на -ē мы уже находимъ въ средне-армянскомъ, напримѣръ, *brde* (XII в.) 'шерстяной', о чемъ см. *Aidunia* II p. 176.

3) Формы на -es, -et: *gəly-es* 'изъ моей головы'; *charuten-es* 'отъ моей злости'; *tey-et* 'съ твоего мѣста' и т. д.

§ 148. Отложительныя на -ch. Обращаемся теперь къ рассмотрѣнію формъ отложительныхъ на -ch (-ich, -uch, -ach). Прямыхъ соотвѣтствій этимъ формамъ мы въ грабарѣ не находимъ: онѣ принадлежатъ исключительно средне- и ново-армянскому. Что касается происхожденія этого -ch, то оно съ трудомъ поддается объясненію. Оставляя въ сторонѣ сопоставленіе -ch съ рус-

¹⁾ Также и Айдынъ въ своей „Критической грамматикѣ современнаго армянскаго языка“, говоря о константинопольскихъ прилагательныхъ на -e (пишется -ē), замѣчаетъ: „Отложительные ед. числа отъ именъ, обозначающихъ вещество, матеріалъ, употребляются какъ имена прилагательныя“; такимъ образомъ, мы имѣемъ: *phaide* 'изъ дерева = деревянный'; *khare* 'изъ камня = каменный'; *hoye* 'изъ земли = земляной' и т. д.

Замѣтимъ, что уже Schlegel, въ отдѣлѣ „Synopsis linguae civilis Armenorum“ своего *Thesaurus'a*, правильно объяснилъ отношеніе ново-армянскаго -e (Schroder пишетъ грабарное -ē) къ грабарному -eay: „Sic...in eay desinentia, quando materiam, ex qua quid factum est, significant, eius loco ē habent, ut: thythē 'quod ex papyro', mazē 'quod ex pilis'“ (о. с. p. 305).

скимъ *изъ*, сдѣланное П а т г а н о в ы м ъ, Изслѣдованіе о составѣ стр. 52, мы не можемъ не обратить вниманія на попытку Т о м с о н а, отыскать слѣды этихъ болѣе позднихъ формъ уже въ самомъ грабарѣ. Именно, принимая объясненіе проф. Ф о р т у н а т о в а, по мнѣнію котораго (см. В. В. VII р. 88) ¹⁾ изъ индо-европ. *-sjo (въ родительномъ ед. числа именъ съ основами на *-o-) развилось армянское падежное окончаніе -ch, вытѣсненное въ единств. числѣ другимъ окончаніемъ (-ou), — Т о м с о н ъ полагаетъ, что «когда [въ обще-армянскомъ] подѣ влияніемъ другихъ склоненій, сохранившихъ формальное различіе между отложительнымъ и родительнымъ падежами, отложительный падежъ сталъ вообще отдѣляться формально отъ родительнаго падежа,.... первоначальныя основы на -o воспользовались двойственностью своихъ окончаній, и стали употреблять -och какъ окончаніе отложительнаго падежа» (Тифл. § 334). Но, такое различіе, повидимому, не было строго проведено въ обще-армянскомъ; поэтому, по выдѣленіи изъ него отдѣльныхъ діалектовъ, въ грабарѣ оно совершенно утратилось, тогда какъ въ другихъ діалектахъ продолжало существовать, распространяясь и на другія основы. Такъ смотритъ на -ch въ исходѣ ablativi, въ ново-армянскомъ, проф. Т о м с о н ъ. Останавливаясь на этой теоріи, представляющей пока единственную попытку объяснить наше загадочное -ch, мы считаемъ нужнымъ выставить на видъ одно соображеніе, невольнo вызываемое ею. Въ самомъ дѣлѣ, разъ обще-армянскій языкъ могъ почувствовать необходимость дифференцировать форму ablativi sing. основъ на *-o- отъ формы genitivi-dativi sing., то не было бы естественнѣе ожидать, что онъ скорѣе воспользуется уже готовымъ суффиксомъ ablativi sing. *-ē, вмѣсто того, чтобы прибѣгать къ помощи *-ch, имѣвшаго иное назначеніе; мы, по крайней мѣрѣ, ожидали бы скорѣе такія образованія, какъ *mar-dē 'отъ человѣка' и т. д. (по образцу *haugē 'отъ отца' и т. д.)

Со своей стороны, мы предлагаемъ вниманію арменистовъ слѣдующую попытку выясненія ново-армянскаго -ch. Мы склонны предполагать, что этотъ исходъ находится въ генетической связи съ грабарнымъ -ch въ genitivus-dativus и ablativus plur., напри-

¹⁾ Срв. Этымы I § 156, 3, а также ниже § 179.

мѣръ: *mardoch*, *i mardoch* къ *marđ* 'человѣкъ'; *te; each*, *i te; each* къ *te; i* 'мѣсто'; *srtich*, *i srtich* къ *sirt* 'сердце'; *ačhach*, *y-ačhach* къ *nom. plur. ačh-kh* 'глаза'; *zarduch*, *i zarduch* къ *zard* 'украшение'; *harch*, *i harch* къ *hair* 'отецъ' и пр. Нельзя ли думать, что, послѣ того какъ образование множ. числа стало совершаться по новому принципу (о чемъ см. ниже, въ отдѣлѣ о множественномъ числѣ, § 161), сдѣланному спеціальныя падежныя исходы *pluralis* излишними, — языкъ воспользовался для отложительнаго единственнаго суффиксомъ этого падежа во множ. числѣ? ¹⁾

§ 149. Прежде чѣмъ перейти къ парадигмамъ пзъ мужскаго и другихъ новыхъ діалектовъ, приведемъ нѣсколько примѣровъ отложительныхъ на *-ch* изъ памятниковъ средне-армянскаго языка. Въ «Сборникахъ притчъ Вардана» мы находимъ, на примѣръ, слѣдующія формы: [*erd*]ikich 'съ отверстія на крышѣ (служащаго въ армянскомъ деревенскомъ домѣ для свѣта и для выхода дыма)' (стр. 297, изд. М а р р а) ²⁾; [*i*] *tha; uch* 'изъ квартала'

¹⁾ Здѣсь мы должны упомянуть, что уже *Aidunia* n, въ своей „Критической грамматикѣ современнаго армянскаго языка“ (1866), отмѣчая исходы отложительнаго *-ich* и *-uch*, какъ морфологическую особенность діалектовъ восточной группы (у него „четвертая діалектическая группа“), считалъ ихъ за соотвѣствія *grab.* исходамъ множ. ч. *-ich* и *-uch*, перенесенныя въ ед. число для образованія формъ *ablativi*. (Такое же мнѣніе высказывалъ и армянскій фолклористъ еписк. С р в а н ц я н ц ъ — *Grosch* и *Broch*, Конст. 1874, р. 191)

²⁾ Отмѣтимъ *quasi* *grabаризированную* форму *ablativi* (*plur.*) *y-erdich*, встрѣчаемую въ притчѣ № 297, 6 и 17 [стр. 298], къ *nom. (plur.) erdikh* (при *erthikh*). Ново-армянская форма этого слова приводится (какъ и средне-армянская) въ двухъ видахъ, то какъ [*h*]erdik, то какъ *erdikh* или *erdis* (напр. въ *Ак. Словарѣ* при поясненіи *grab.* *erd*; о формѣ на *-s* см. подстр. прим. на стр. 58—59). Р. Т е г - М о w s e s j a n z, *Der armenische Bauernhaus. Ein Beitrag z. Kulturgeschichte d. Armenier*, Wien 1892 (отд. отт. изъ XXII т. „*Mittheilungen d. Anthropolog. Ges. in Wien*“), р. 142 (гдѣ приводятся подробности относительно интересующаго насъ слова), отмѣчаетъ слѣд. (діалектическія) формы: *herthik*, *erthik* и *herth* (начальное *h-*, какъ и въ соотвѣтствующемъ мужскомъ *hertik*, *abl. hertaken*, § 147, 1, развилось позднѣе; срв. Этим. I § 217). П о с лѣ д н я я форма представляетъ полное соотвѣтствіе *grabарному* *erd* (основа на *-o-*) 'слуховое окно на крышѣ; далѣе: крыша, домъ и живущіе въ домѣ' (*E; i-šë* и др.); слѣдовательно, средне- и ново-армянскія формы на *-ik* представляютъ собою *deminutiva* (см. § 19).

(стр. 204); mekuch 'сразу, вдругъ' ablativus къ mek 'одинъ', срв. мушское meken 'id.'

§ 150. Обращаемся къ обзору мушскихъ формъ на -ch (встрѣчающихся сравнительно въ меньшемъ количествѣ, чѣмъ формы на -en). Формы на -ch являются въ трехъ видахъ: -uch, -ich, -ach. Изъ нихъ форма на -uch наиболее распространенная и, притомъ, исключительно свойственная отложительнымъ падежамъ съ основами на -o-, тогда какъ, насколько мы могли замѣтить, имена съ другими основами (напр. на -u-, на -i-/-a-) допускаютъ оба вида: -uch и -ich. Что касается формы на -ach, то мы имѣемъ лишь одинъ примѣръ (ахсѣк-ach къ ном. ахсѣк 'дѣвушка').

Слѣдуетъ замѣтить, что выборъ того или другого вида аблативнаго суффикса (-uch, -ich, -ach) обусловливается, до известной степени, характернымъ гласнымъ родительнаго падежа; срв. abl. astæc-uch при gen. astæc-u (къ ном. as[t]vac 'Богъ'); abl. Sasn-uch при gen. Sasn-u (къ ном. Sasun 'Сасунъ, названіе области'); abl. žam-uch при gen. žam-u (къ ном. žam 'церковь'); abl. ханәм-ich при gen. ханәм-i (къ ном. ханәм 'госпожа', турецкое ханәм); abl. khaуk-ich при gen. khaуk-i (къ ном. khaуakh 'городъ'); abl. gam-uch при gen. gam-u (къ ном. gami 'корабль', турецкое gami); abl. ахсѣк-ach при gen. ахсѣк-а (см. § 112) къ ном. ахсѣк и т. д. Этимъ примѣненіемъ къ гласному родительнаго падежа объясняется также и то обстоятельство, что основы на сонорные (на плавные и носовые), — родительный падежъ которыхъ нерѣдко, какъ мы знаемъ (§ 120), является безъ характернаго суффиксальнаго гласнаго (напр. tan къ ном. tun 'домъ'; hog къ ном. her 'отецъ' и др.), — почти исключительно предпочитаютъ образовывать формы отложительнаго на -en (напр. tən-en къ gen. tan, ном. tun 'домъ' и пр.)

Обращаясь къ самимъ примѣрамъ мушскихъ отложительныхъ на -ch, приведемъ слѣдующіе:

1) Ф о р м ы н а -uch: astæc-uch 'отъ Бога'; gəлу-uch 'съ головы'; bern-uch 'изо рта'; mart-uch 'отъ человѣка'; саг-uch 'отъ, изъ дерева'; khən-uch 'со сна'; khar-uch 'изъ камня'; žam-uch 'изъ церкви'; ġgin-uch 'отъ вина'; tar-uch 'отъ, изъ году' (напр. şçors taruch hetiev = спустя четыре года); rap-uch 'отъ отца'; егкп-uch 'съ неба' (часто въ шаблонной формулѣ, въ кон-

цѣ сказокъ: «сѣ неба упало три яблока и пр.»); *šəz-uch* 'отъ ребенка' (къ пом. *šiz*; диалектическое слово); *gam-uch* 'сѣ, изъ корабля' и т. д.

2) Ф о р м ы н а -ich: *agev-ich* 'отъ солнца'; *khaɣk-ich* 'изъ города'; *azk-ich* 'изъ племени'; *thak[a]voruten-ich* 'изъ царства'; *ɣaləp-ich* 'отъ госпожи'; *təɣaz-ich* 'изъ склада, магазина' (къ пом. *təɣaza*, арабс. слово) и т. д.

3) Ф о р м ы н а -ach: *aɣšək-ach* 'отъ дѣвушки'. (Другихъ примѣровъ мы не имѣемъ).

§ 151. Отдѣльное мѣсто среди формъ отложительныхъ должно быть отведено формамъ этого падежа на -и и -а, совпадающимъ съ формами родительнаго-дательнаго на -и и -а (§§ 96, 112). Изъ такихъ формъ, отмѣченныхъ нами лишь въ текстѣ былины «Давидъ Сасунскій» (проф. П а т к а н о в ъ, Мушскій, въ очеркѣ мушской морфологии не упоминаетъ о нихъ), — приведемъ слѣдующія: *Sasn-и* 'изъ Сасуна' (о. с. pp. 17, 24) при уже упомянутой нами (§ 150) формѣ *Sasn-uch*; *ah-и* 'отъ страха' (р. 24); *Məsr-a* 'изъ Египта' (р. 17).

Далѣе, при формахъ на -и встрѣчаются въ мушскомъ также и формы на -ип (т. е. съ присоединеніемъ постпозитивнаго указательнаго -п); такимъ образомъ, мы имѣемъ: *vaɣ-ип* 'отъ страха' (о. с. р. 13); *vaɣenal-ип* 'отъ страха' (форма къ inf. *vaɣenal*, срв. конст. *vaɣnal*, граб. *vaɣil*).

Обращаясь за справками къ другимъ діалектамъ, мы отмѣтимъ отложительные на -а, «встрѣчающіеся иногда» въ ахалцхскомъ, напр. *ɣarsa* 'отъ Карса' (Ахалц. § 104). Въ араратскомъ діалектѣ также встрѣчаются формы на -и, напр. *sisəɣi* 'отъ смѣха' (въ выраженіи: *sisəɣi tēɣnel* = помирать отъ смѣха). *A i d y n i a n*, I p. 184, указываетъ, что въ польско-армянскомъ болѣе, чѣмъ въ какомъ либо другомъ діалектѣ («*amēn gavaɣakanē aveli*»), сохранились аблативныя формы на -и (осложненныя, впрочемъ, какъ видно изъ приводимыхъ имъ примѣровъ, постпозитивною указательною частицею -п), напримѣръ: *sovi-п* 'отъ голода', *siɣi-п* 'изъ любви' ¹⁾). Въ константинопольскомъ упо-

¹⁾ Что касается этого *siɣi-п*, то можно сомнѣваться, дѣйствительно ли мы имѣемъ, въ данномъ случаѣ, отложительный падежъ? *Siɣi-п* могло бы быть и

требленіе отложительнаго на -un (называемаго *Aidunia* н'омъ «безпредложнымъ отложительнымъ») — явленіе нерѣдкое; срв., напримѣръ, *vaun* 'отъ страха'; *thadelun* 'отъ работы' (къ *inf. thadel* 'работать' = *datil*, мушс. *datiel*) и т. д. (См. *Aidunia* II § 66, 5 и § 479). Такія же формы встрѣчаются и въ нѣкоторыхъ другихъ изъ «западныхъ» діалектовъ, но, за неимѣніемъ точныхъ свѣдѣній, мы не рѣшаемся приводить ихъ.

Формы на -un, какъ формы отложительнаго (совпадавшія съ формами дательнаго), были въ большемъ употребленіи въ языкѣ начала XVIII вѣка, описанномъ *Мхитаромъ Севастіянскимъ*; срв. такія формы, какъ-то: *havun* къ *hav* 'курица' (Грамматика стр. 17); *ch[ə]rdun* 'отъ холода' (стр. 18); *irichun* 'отъ священника' (стр. 19); *raṇnikh-per-un* къ *raṇnikh-per* 'бани' (стр. 28), *nom. sing. raṇnikh* = *baṇanikh* и т. д.

Объясненіе, даваемое этого рода отложительнымъ падежамъ *Aidunia* н'омъ, какъ намъ кажется, единственно возможное. Именно, почтенный арменистъ сопоставляетъ (I р. 184 подстрочное прим. 26) приводимыя имъ польско-армянскія формы съ такими средне-армянскими, какъ, напримѣръ, *i sovu* 'отъ голода' (граб. *i sovoṷ*). Кроме того, въ средне-армянскомъ, при формахъ на -u, извѣстны были и формы на -un, напримѣръ, *i datelun* (XII вѣка, cf. *Aidunia* II р. 177) 'отъ работы' (срв. конст. *thadelun*). Что касается стараго предлога *i*, то мало-по-малу онъ начинаетъ исчезать уже въ средне-армянскомъ, гдѣ, на ряду съ формами съ *i*, являются также и формы безъ него (см. *Aidunia* II § 479). Слѣдовательно, аблативныя формы на -u = -ou (или, въ осложненномъ видѣ, -un) первоначально должны были встрѣчаться преимущественно отъ основъ на -o-¹⁾, а затѣмъ

формою дательнаго, со значеніемъ „ради любви“; такое значеніе мы приняли и для мужскаго *siṅu-n* (см. § 130), встрѣчаемаго нами въ поговоркѣ: *ṷaṷoṷi siṅu-n əz-həṷjji ratier kə-lize* = изъ-за 'любви къ винограду онъ лижетъ стѣнки давилъни.

¹⁾ А также, хотя и очень рѣдко, отъ основъ на -u-. Сюда мы могли бы отнести арабатское *siṅaṷu* 'отъ смѣха', имѣя въ виду, что *nom. siṅaṷ* представляетъ во второй части соотвѣтствіе граб. *saṷt* (*gen. saṷti* и *saṷi*, *осн. на -u-*), отложительный котораго можетъ являться въ формѣ *i saṷi* (при *i saṷe*).

это -и могло распространиться и на другія основы (срв., напримѣръ, мушское *ahi* 'отъ страха' вм. **ahē* при граб. *y-ahē*). Съ другой стороны, разъ явились формы отложительнаго на -и при формахъ родительнаго на -и, то и нѣкоторыя другія формы родительнаго могли принять на себя роль отложительнаго; поѣтому, напримѣръ, родительные: мушс. *Məzga* 'Египта', ахалц. *γarsa* 'Карса' стали также употребляться въ аблативномъ значеніи.

Такимъ образомъ, этого рода отложительные должны, во всякомъ случаѣ, считаться очень старыми фактами, уцѣлѣвшими въ средне- и ново-армянскомъ.

II. Описательный отложительный.

§ 152. Подъ «описательнымъ» отложительнымъ мы разумѣемъ такое выраженіе, которое состоитъ изъ формы родительнаго падежа въ соединеніи съ поставленнымъ позади его предлогомъ ¹⁾. Эта характерная особенность мушскаго нарѣчія отмѣчена была и проф. П а т к а н о в ы м ъ, Мушскій стр. VII, но только онъ, почему то, счелъ нужнымъ сузить сферу употребленія этого способа выраженія, ограничивъ ее одною мѣстоименною областью (или точнѣе — одними *pronomina demonstrativa*). На самомъ же дѣлѣ (какъ это можно видѣть и изъ текста былинны «Давидъ Сасунскій»), этотъ способъ быть въ одинаковой степени свойственъ и именной флексіи.

Въ качествѣ предлоговъ (или точнѣе — послѣдоговъ) въ мушскомъ, въ данномъ случаѣ, употребляются чаще всего *noten* и *notich* ²⁾, а также (сообразуясь со смысломъ фразы) *mešen* 'изъ', *vəgaven* 'съ'. Примѣры (изъ «Давида Сасунскаго»): *rapu noten*

¹⁾ Въ мушскомъ предлоги обыкновенно ставятся передъ управляемымъ словомъ. Это одна изъ характерныхъ чертъ этого діалекта, сравнительно съ другими. Срв. § 157.

²⁾ Формы *not-en* и *not-ich* представляютъ собою предлогъ *not* = *mau[ɔ]t* (³⁾ съ аблативными суффиксами. Одна изъ особенностей армянскихъ діалектовъ заключается въ томъ, что предлоги могутъ измѣняться по падежамъ и числамъ. (Относительно этой особенности въ тифлисскомъ подробно говоритъ Томсонъ, Тифл. § 377).

(Мушскій стр. 3) 'отъ отца'; *ur motich* (стр. 25) 'отъ нея'; *jiu vāgaven* 'съ коня' (стр. 18); *təli meṣen* 'изъ грязи' (стр. 18) и т. д.

Примѣчаніе. «Описательный» отложительный извѣстенъ и въ нѣкоторыхъ другихъ діалектахъ (въ большей или меньшей степени), преимущественно же въ діалектахъ турецкой Арменіи, напр. въ мокскомъ, ванскомъ и т. д. Изъ болѣе ранней эпохи, употребленіе описательнаго отложительнаго отиѣтимъ въ старомъ польско-армянскомъ (половины XVI вѣка): *moṭu moden* 'отъ матерн' (изъ «Книгъ армянскаго суда»).

МѢСТНЫЙ ПАДЕЖЪ (Locativus).

§ 153. Проф. Паткановъ, въ своемъ очеркѣ мушскаго діалекта (Мушскій стр. IV слд.), ничего не говоритъ о мѣстномъ падежѣ въ этомъ діалектѣ. Причина этого, конечно, заключается въ томъ обстоятельстве, что особой формы *locativi*, какъ отдѣльнаго падежа, въ нашемъ діалектѣ не существуетъ. Мы находимъ въ мушскомъ, въ значеніи этого падежа, описательное выраженіе («*locativus periphrasticus*»), состоящее изъ формы родительнаго падежа съ предлогомъ *meṣ* (*məṣ*) 'въ'.

§ 154. Упомянутый способъ выраженія понятія *locativi* въ мушскомъ — является общимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ характернымъ для всѣхъ діалектовъ западной группы, служа, такимъ образомъ, однимъ изъ отличительныхъ признаковъ, по которымъ принято дѣлить армянскіе діалекты на «восточные» и «западные». (Срв., преимущественно, у Патканова, Исслѣдованіе о діалектахъ стр. 16 слд.). Именно, въ то время какъ западные діалекты (константинопольскій, польско-армянскій, ахалцыхскій, см. Ахалц. § 100, и др.) прибѣгаютъ къ упомянутому (§ 153) уже описанію посредствомъ родительнаго съ предлогомъ «въ»¹⁾, — восточные

¹⁾ Въ виду этого, не совсѣмъ точнымъ является то, что мы читаемъ у Томсона, Тифл. § 331: «Такимъ образомъ получился въ тифл. діалектѣ и въ другихъ восточныхъ діалектахъ новый мѣстный падежъ [т. е. съ исходомъ -*im*], между тѣмъ какъ въ западныхъ діалектахъ утвердился вин. падежъ въ роли мѣстнаго падежа. Ср. ахалц. *khatakhe* — въ городѣ

(напр., тифлисскій, см. Тифл. § 331, агулисскій, см. Саргянцъ § 24, и т. д.) имѣютъ для мѣстнаго падежа особую форму, исходящую на -um (-am, -em) ¹⁾. Соответствующимъ образомъ, въ западномъ ново-армянскомъ литературномъ языкѣ мы имѣемъ описаніе, а въ восточномъ — форму на -um.

Примѣчаніе. Впрочемъ, что касается восточныхъ діалектовъ, то слѣдуетъ имѣть въ виду, что и имъ (въ большей или меньшей степени) не чуждъ описательный способъ выраженія locativi. Такъ, напримѣръ, въ тифлисскомъ діалектѣ, гдѣ обычною формою мѣстнаго падежа является образование на -um, «нерѣдко употребляется....родительный падежъ съ mech [= мушс. meç], вм. ask-um [‘въ народѣ’] — aski mech, и т. д., такъ что многія слова вовсе не образуютъ мѣстнаго падежа на -um» (Тифл. § 331, въ концѣ).

§ 155. Итакъ, въ ново-армянскомъ языкѣ мы имѣемъ два способа образованія locativi. Если мы ихъ сравнимъ съ обычнымъ грабарнымъ способомъ выраженія этой падежной формы, то увидимъ, что между ними существуетъ значительная разница. Именно, въ древне-армянскомъ литературномъ языкѣ (грабарѣ) locativus (не являющійся въ качествѣ особаго падежа съ опредѣленнымъ исходомъ) выражается при помощи извѣстнаго описанія.

Такъ, въ единственномъ числѣ, отъ именъ съ основою на -o-, въ качествѣ locativi является (съ формальной точки зрѣнія) nominativus (accusativus) съ предлогомъ i ²⁾ (или, предъ гласными, y-), напр. i khun ‘in somno’; другія основы употребляютъ въ значеніи locativi sing. форму genitivi (dativi) съ предлогомъ i (y-). Что

[при этомъ, однако, возможенъ и описательный locativus по Ахалц. § 100], тиф. khaḥkhaḥ⁴. Относительно употребленія формы именительнаго-винительнаго для выраженія понятія времени („когда?“) и мѣста („гдѣ?“) въ мушскомъ — см. ниже § 160.

¹⁾ Это -um, какъ исходъ locativi, мы встрѣчаемъ въ языкѣ начала XVIII в. (принадлежавшемъ къ восточной группѣ), описанномъ Шрёдеромъ: jkū-um ‘въ рыбѣ’ (Thesaurus etc. p. 307).

²⁾ Такимъ образомъ, этотъ предлогъ долженъ быть отличенъ отъ другого предлога i, употреблявшагося при формахъ ablativi (§ 146).

касается множественного числа, то повсюду форма мѣстнаго падежа тождественна съ формою винительнаго; вся разница лишь въ томъ, что locativus сопровождается предлогомъ *i* (*y-*)⁴). Такое формальное совпаденіе мѣстнаго падежа съ именительнымъ (винительнымъ) и родительнымъ (дательнымъ) въ единственномъ числѣ и съ винительнымъ во множественномъ — объясняется особенностями армянской фонетики: нѣкоторыя формы стараго мѣстнаго ед. числа совпали, фонетическимъ путемъ, съ формами именительнаго (напр., индо-европ. ном. **zdornos* и loc. **zdorn-ei* или *-oi* должны были дать еще въ обще-армянскомъ одно **khun*, вслѣдъ за исчезновеніемъ въ концѣ слова индо-европ. суффиксовъ *-os*, *-ei* или *-oi*), нѣкоторыя же — съ формами *genitivi-dativi* (напр., въ основахъ на сонорные [носовые и плавные], вслѣдъ за исчезновеніемъ въ концѣ слова индо-европейскихъ суффиксовъ *-os* или *-es* [gen.], *-ai* [dat.], *-i* [lok.], должна была получиться одна и та же форма). Болѣе подробное разсмотрѣніе этихъ процессовъ можно найти у Томсона, Тифл. § 331 и у Meillet, Notes arméniennes pp. 7—8 [«Le locativ»] = M.S.L.P. VIII pp. 157—158 — Что касается множественнаго числа, то совпаденіе формы стараго мѣстнаго съ формою винительнаго было вызвано отчасти — и первоначально — также причинами фонетическаго характера; такъ, напримѣръ, *dsters* (къ ном. sg. *dustr* 'дочь', основа на *-r*) могло получиться, какъ форма *accusativi*, изъ индо-европейской формы на **-ter-ns*, а какъ форма *locativi* — изъ формы на **-ter-si* (или *-su*). Затѣмъ, путемъ аналогіи, стали употребляться въ значеніи *locativi* формы *accusativi* также и отъ именъ съ другими основами. Это неорганическое возникновеніе мѣстнаго падежа отъ именъ съ основами на *-o-* и т. д. вполне убѣдительно показано у Meillet (l. c.). Благодаря падежному синкретизму, развилось употребленіе при *locativ*ъ предлога *i* (*y-*); съ аналогичнымъ развитіемъ употребленія предлога при падежной формѣ мы уже познакомились выше (§ 146).

⁴) Здѣсь мы приводимъ правила образованія *locativi* лишь въ общихъ, наиболѣе характерныхъ чертахъ, оставляя въ сторонѣ подробности, которыя можно найти въ томъ или другомъ трудѣ по грамматикѣ габара (напримѣръ, у Bagratuni).

§ 156. Прежде чѣмъ приводить мушскіе примѣры locativi, обратимся къ выясненію той формы мѣстнаго падежа, которая является единственною (насколько намъ извѣстно) въ изслѣдуемомъ нами диалектѣ.

«Locativus periphrasticus», являющійся не только въ диалектахъ западной группы, но и въ нѣкоторыхъ изъ восточныхъ (§ 154 примѣчаніе), представляетъ собою форму родительнаго падежа въ зависимости отъ предлога, означающаго «въ» (§ 153). Этотъ предлогъ — въ мушскомъ meš (шэс), тифлисскомъ mešh, ахалцыхскомъ mešh и т. д. — соответствуетъ грабарному выраженію i meğ (при i miği) «среди; въ», представляющему собою собственно locativus («въ серединѣ») къ ном. meğ (какъ s u b s. «середина», cf. Arm. Gramm. I p. 289); такимъ образомъ, мушское meš (шэс) по своему происхожденію — имя существительное, чѣмъ и объясняется его управление родительнымъ падежомъ. Въ грабарѣ мы встрѣчаемъ иногда подобнымъ же образомъ: i meğ (или i miği) «in μέσῳ; in medio, inter» съ родительнымъ; по смыслу, эти выраженія приближаются къ значенію locativi («среди» какъ бы «въ»).

Разница значенія ново-армянскаго locativi periphrastici и его грабарнаго эквивалента заключается, именно, въ томъ, что послѣдній имѣетъ въ виду, главнымъ образомъ, центральность, среднанный пунктъ какого либо мѣста или предметовъ, занимающихъ извѣстную площадь; срв., напримѣръ: i meğ covi «среди моря (какъ бы: въ морѣ)»; i meğ tap «внутри дома (какъ бы: въ домѣ)»; i meğ sağoch «среди, между деревьями»; i meğ jer «среди васъ, между вами»; i meğ tačaris «среди этого храма» и т. д. (Другіе примѣры см. у Bagratuni § 290, въ концѣ, и въ Ак. Словарѣ s. v. i meğ). Между тѣмъ, въ ново-армянскомъ понятіе центральности успѣло ослабѣть уже до такой степени, что выраженія съ предлогомъ, соответствующимъ грабарному i meğ, получили назначеніе — обозначать прямо мѣстонахожденіе на вопросъ «гдѣ?»¹⁾. Разумѣется, такой переходъ значенія совершился

¹⁾ При этомъ, однако, слѣдуетъ имѣть въ виду, что какъ въ мушскомъ, такъ и въ другихъ диалектахъ, не исключается возможность такихъ случаевъ, когда понятіе центральности («среди, между») чувствуется въ извѣстной сте-

не сразу и еще въ грабарѣ могутъ быть указаны примѣры, гдѣ понятіе центральности не выдѣляется особенно ярко и рельефно.

Примѣчаніе. Съ формальной точки зрѣнія, разница между ново-армянскимъ, напр. мушскимъ *meś* и грабарнымъ *i meğ* заключается въ отсутствіи предлога *i*. Начало этого исчезновенія мы можемъ отмѣтить уже въ средне-армянскомъ, гдѣ на ряду съ *i meğ* является просто *meğ*; срв., напримѣръ, *i meğ gişerin* 'среди ночи = ночью' («Сборники притчъ Вардана», изд. Марра, стр. 87) на ряду съ *meğ gişerin* (по варианту D).

§ 157. Обращаясь, въ частности, къ мушскому, мы видимъ, что предлогъ *meś* (*meś*), управляющій родительнымъ, ставится обыкновенно послѣ управляемаго слова и лишь рѣдко (по нашимъ наблюденіямъ) передъ управляемымъ словомъ (подобно грабарному *i meğ*). Такая постановка предлога въ мушскомъ противорѣчитъ общему положенію, по которому въ этомъ діалектѣ, какъ мы увидимъ на своемъ мѣстѣ, предлоги ставятся передъ управляемымъ словомъ, что и составляетъ одну изъ характерныхъ чертъ этого діалекта въ сравненіи съ другими. — Что касается самой формы предлога, то она является обыкновенно какъ *meś*, но, по отдѣльнымъ говорамъ, встрѣчается также и *meś* (см. Этюды I § 34 съ примѣчаніемъ).

Изъ имѣющихся у насъ (сравнительно немногочисленныхъ) примѣровъ мушскихъ locativ'овъ приведемъ слѣдующіе:

1) Примѣры, въ которыхъ *meś* (*meś*) слѣдуетъ за управляемымъ словомъ: *kəgaki meś* 'въ огнѣ'; *gəgi meś* 'въ водѣ'; *aħrgi meś* 'въ источникѣ'; *gegi meś* 'въ деревнѣ'; *baki meś* 'во дворѣ, на дворѣ'; *khaŋki meś* 'въ городѣ' (срв. грас. *i meğ khaŋakhi*); *meğazi meś* 'въ магазинѣ'; *karsi meś* 'въ «карас»-ѣ¹⁾; *thundran meś* 'въ «тонир»-ѣ'; *geti meś* 'въ рѣкѣ' (срв.

лени, хотя бы и существовали тѣ или другіе способы для болѣе рельефнаго выраженія этого понятія. Болѣе подробное разсмотрѣніе этого вопроса принадлежить уже синтаксису.

¹⁾ Такъ называются кувшины для вина, сдѣланные изъ глины и зарываемые въ землю.

граб. *i meġ getou* или *geti*); *šori-n meġ* 'въ его одеждѣ' (къ пом. *šnor*, простонародное слово, встрѣчающееся уже въ средне-армянскомъ); *im tan meġ* 'въ моемъ (*im*) домѣ' (срв. граб. *i meġ tan imou*); *hori-n meġ* 'въ ямѣ'; *reḡeji meġ* 'въ котлѣ'; *meḡri meġ* 'въ медѣ'; *thə/ti'm meġ* 'въ одномъ (-m) пясмѣ'; *ət peḡuteni meġ* («Давидъ Сасунскій»; Паткановъ, Мушскій стр. 1) 'въ такомъ (ət) стѣсненномъ положеніи'; *hauzi meġ* 'въ бассейнѣ'; *gamu meġ* 'на кораблѣ' и т. д.

2) Примѣры, въ которыхъ *meġ* (*meġ*) предшествуетъ управляемому слову: *meġ ət geti-n* 'въ этой рѣкѣ' (или 'въ эту рѣку', «Давидъ Сасунскій» стр. 2); *pataḡ meġ ug thani-n* 'упала [рѣчь идетъ о саранчѣ] въ ея «тань»'; *dušmutien pataḡ meġ erku auroḡ* 'вражда возникла (собс. упала) между двумя братьями' (Паткановъ, Мушскій стр. 31, изъ басни № 3; транскрипція наша); *meġ gamu-n* 'въ кораблѣ' и т. д.

§ 158. Не останавливаясь на исходѣ (первоначально принадлежавшемъ мѣстоименному склоненію) *-um* (изъ обще-армянскаго **-um*, изъ индо-европейскаго **-o-* [основы] + *sm* [детерминативъ] + суффиксъ *dativi* или *locativi*; срв. граб. *dat. um*, *loc. u-um* къ пом. о 'кто'; *dat. oḡum*, *loc. u-oḡum* къ пом. о 'который' ¹⁾) — съ др.-инд. *tasmāi*, *tasmin*, авест. *ae-tahmāi*; срв. В р у г м а н н, *Grundriss I*² § 841, с.; II § 423), — являющемся въ извѣстныхъ случаяхъ въ грабарѣ (въ дательномъ и мѣстномъ) и общеупотребительномъ, въ качествѣ суффикса *locativi*, въ «восточныхъ» діалектахъ ново-армянскаго языка, мы, тѣмъ не менѣе, считаемъ нужнымъ указать на литературу предмета, въ виду интереса, представляемаго этимъ исходомъ въ исторіи армянскаго языка вообще, и «восточныхъ» діалектовъ въ частности.

О формахъ на *-um* въ грабарѣ, помимо Петерманна — *Grammatica ling. arm.* pp. 106 — 107, писали: Fr. Müller — *Beiträge z. Decl. d. arm. Nomens* pp. 4—5; Паткановъ — *Исслѣдованіе о составѣ стр.* 48 — 49 (первые, сдѣлавшіе вѣрное

¹⁾ Замѣтимъ, что Гюбшманъ, *Arm. St. I* [р. 90 (и вслѣдъ за нимъ В р у г м а н н), приводитъ *um* и *oḡum* какъ однѣ и тѣ же формы для дательнаго и мѣстнаго. Это, конечно, справедливо съ точки зрѣнія исторической перспективы, но фактически въ грабарѣ *locativi* являются съ предлогомъ *i* (у-).

сопоставленіе этихъ формъ съ ихъ соотвѣтствіями въ индо-европейскихъ языкахъ); Г ю б ш м а н ъ — Armeniaca III («№ 13. Der Dativ-Locativ auf -um») pp. 123 — 125; Т о м с о н ъ — Тифл. § 331; B u g g e — Etruskisch und Armenisch p. 65 (съ подстрочнымъ прим. 1). Обь -um и т. д. въ ново-армянскомъ см. у A i d y n i a n'a I pp. 195 (съ подстрочнымъ прим. 41), 202—203; П а т к а н о в а — Исслѣдованіе о діалектахъ стр. 16 слд. (= P e t e r m a n n, Über den arm. Dialect von Agulis въ «Monatsbericht d. Königl. Akademie d. Wiss. z. Berlin» 1866, p. 728 sq.); Т о м с о н а, l. c.

Примѣчаніе. Суффиксъ -um послужилъ въ діалектахъ основаніемъ для образованія новой основы въ творительномъ падежѣ нѣкоторыхъ именъ. Такъ, напримѣръ, въ тифлискомъ (см. Тифл. § 327), въ основахъ на -г и въ тѣхъ, родительный падежъ которыхъ исходитъ на -uñ, творительный образовывается «преимущественно» посредствомъ -m-ov (а не обычнаго -ov), въ основаніи котораго лежитъ *-um-ov (съ исчезновеніемъ u въ неоконечномъ слогѣ), напр. hog-mov 'отцемъ' и т. д.; также и въ мѣстоименномъ склоненіи: inj-mov 'мною'; miz-mov 'нами' и пр. ¹⁾

Если это явленіе понятно въ діалектахъ, имѣвшихъ въ живомъ употребленіи -um (какъ исходъ locativi), то не можетъ не показаться страннымъ то обстоятельство, что мы

¹⁾ Срв. формы на -mov изъ языка начала XVIII в., описаннаго М х и т а р о м ъ С е в а с т і й с к и м ъ (Грамматика): dirōc-mov (стр. 23) при родит. dirōc къ nom. der 'господинъ'; instr. pl. dirvādoc-mov (стр. 24) къ nom. plur. dirvādikh 'господа'; instr. pl. aḫpōrdoc-mov (стр. 25) къ nom. pl. aḫpōrdikh 'братья'; изъ мѣстоименнаго склоненія: inj-mov (стр. 31) 'мною' и т. д. Однако, при этомъ, мы встрѣчаемъ: hog-ov къ haig 'отецъ' и т. д. (Во всѣхъ этихъ примѣрахъ транскрипція, быть можетъ не особенно точная, принадлежитъ намъ). — Въ языкѣ начала XVIII в., описанномъ Ш р ö д е р о м ъ, мы находимъ формы творительнаго на -mov (при обычномъ -ov): knk-mov 'женщиномъ' при kn-ov (Thesaurus etc. p. 308). Этотъ суффиксъ не долженъ быть разсматриваемъ какъ варіантъ -mov; онъ возникъ первоначально въ мѣстоименномъ склоненіи (срв. inj-mov 'мною', mez-mov 'нами' и т. д., о. с. p. 310 sq.), гдѣ въ процессѣ его возникновенія играла роль основа косвенныхъ падежей личныхъ мѣстоименій на -an- (срв. abl. injanē, -jnē, -jnich, loc. injnam и т. д.).

его находимъ и въ такихъ діалектахъ, гдѣ *-um* вообще неизвѣстно ¹⁾. Такъ, въ мушскомъ, въ мѣстоименномъ склоненіи, въ *instrum. sing.* личнаго мѣстоименія 1-го л. мы имѣемъ форму *inj-mṑov* 'мною', срв. ахалц., тифл. *inj-mov*. Въ мушскомъ намъ не пришлось отмѣтить *-mṑov* (изъ **-um-ṑov*, срв. Этюды I § 64) въ именномъ склоненіи, но, быть можетъ, оно существуетъ и въ немъ ²⁾; срв., напримѣръ, въ ахалцыхскомъ, — въ діалектѣ западной группы (слѣдовательно, не имѣющемъ формъ *locativi* на *-um*), — такія образования, какъ-то: *hog-mov* 'отцемъ' (срв. тифл. *hog-mov*) и т. д. (Ахалц. § 105). Точно также и въ константинопольскомъ (*Aidynian* II §§ 55, 56, 58) основы на *-r* (имена рода) и имена, имѣющія *gen. sing.* на *-oçh* (= тифл. *-uçh*, мушс. *-ṑoç*, § 123, и т. д.), иногда образуютъ творительный съ помощью *-m-ov*: *hog-mov* 'отцемъ'; *khroçh-mov* 'сестрою' и пр.; изъ мѣстоименнаго склоненія отмѣтимъ: *inj-mov* 'мною', *mez-mov* 'нами' и пр. (*Aidynian* II § 150).

§ 159. Помимо описательнаго мѣстнаго падежа, въ мушскомъ извѣстны также и простые *locativi*, которые, съ вѣншей стороны, представляютъ формы, схожія съ формами родительнаго (или, скорѣе, дательнаго). Нѣкоторыя изъ такихъ формъ мы уже имѣли случай приводить, когда разсматривали образование родительнаго падежа (§ 95 слд.). Формальное совпаденіе этихъ *locativ'ovъ* съ *genetiv'ами* — явленіе очень старое; мы можемъ исторически прослѣдить его до эпохи габара, гдѣ оно было унаслѣдовано уже изъ обще-армянскаго языка. Въ обще-армянскомъ, въ силу извѣстныхъ фонетическихъ законовъ, произошло,

¹⁾ Объясненіемъ этого явленія можетъ служить то обстоятельство, что унаслѣдованное изъ обще-армянскаго **-um* исчезло въ отдѣльныхъ діалектахъ уже послѣ того, какъ на основаніи его образовались формы на *-mov*. Образцомъ такого діалекта можетъ служить, между прочимъ, тотъ діалектъ начала XVIII вѣка, который описанъ М х и т а р о м ъ С е в а с т і й с к и м ъ; въ немъ, хотя не существуютъ *locativi* на *-um*, однако встрѣчаются формы творительнаго на *-mov*. (См. подстрочное примѣчаніе 1-е на стр. 159).

²⁾ Дѣло въ томъ, что среди нашихъ примѣровъ какъ разъ отсутствуютъ формы творительнаго падежа отъ тѣхъ именъ, относительно которыхъ возможно предполагать, что они образуютъ эту падежную форму на **-mṑov*.

какъ мы уже видѣли (§ 155), совпаденіе въ единственномъ числѣ мѣстнаго падежа, отъ именъ съ сонорными основами, съ формами родительнаго-дательнаго. Это органическое совпаденіе затѣмъ перешло, уже путемъ аналогіи, и на нѣкоторыя другія основы. Когда, такимъ образомъ, въ грабарѣ былъ унаслѣдованъ этотъ падежной синкретизмъ, языкъ почувствовалъ необходимость дифференцировать мѣстный падежъ отъ родительнаго-дательнаго, въ виду чего и сталъ прибѣгать къ употребленію, передъ формами съ локативнымъ значеніемъ, предлога *i* (передъ гласными *y*-); такимъ образомъ, форма *jeḡin* (къ пом. *jeḡn* 'рука') стала значить «руки (*gen.*), рукъ (*dat.*)», а *i jeḡin* — «въ рукъ» и т. д. Такого рода *locativi* въ грабарной грамматикѣ носятъ названіе «*paḥdriv trakan*», т. е. «дательный предложный, т. е. съ предлогомъ» (*Bagratuni* §§ 20, 21, 265; срв. *Luier, Grammatik der class. armen. Sprache, Wien 1869, p. 86*). Но, ново-армянскій языкъ (и отчасти уже средне-армянскій) сталъ опускать предлогъ ¹⁾, и, такимъ образомъ, нѣкоторыя формы *locativi* и *genitivi-dativi* формально снова совпали. Употребленіе такихъ *locativ'ovъ* значительно распространено въ ново-армянскомъ, причемъ извѣстная часть ихъ уже обратилась въ нарѣчія. Относительно такихъ *locativ'ovъ* въ тифлисскомъ см. Тифл. § 324, относительно константинопольскаго — *Aidunia* II p. 18; такія *locativ'y* существуютъ въ араратскомъ и другихъ діалектахъ. Изъ мушскаго мы можемъ привести слѣдующіе примѣры: *aḡvətu-n* 'утромъ'; *lusu-n* 'на разсвѣтѣ, утромъ, на зарѣ'; *kesori-n* 'въ полдень'; *zatk-i-n* 'на Пасхѣ'; *bagi lus-van* 'добрымъ утромъ'; *ḥhoki-n* 'на колѣнѣ, на колѣно' и т. д.

§ 160. Въ заключеніе, мы должны нѣсколько остановиться еще на одномъ способѣ выраженія понятія *locativi* въ мушскомъ, болѣе подробное разсмотрѣніе котораго принадлежитъ уже области синтаксиса падежей.

Именно, въ мушскомъ для выраженія понятія мѣста и времени употребляется также форма, которая, съ вѣншей стороны, совпадаетъ съ формою именительнаго -винительнаго;

¹⁾ Сравните такіе случаи безпредложныхъ *locativ'ovъ* въ грабарѣ, какъ *gi'seri* ('*νυκτός, noctu*') (въ адвербіальномъ значеніи) при *i gi'seri*.

это какъ бы «accusativus» loci et temporis. Сюда принадлежатъ такіе случаи, какъ-то: irkup 'вечеромъ', срв. граб. egekun 'вечеръ' (какъ adv. 'вечеромъ'); khu с̄посч-п е (hach) 'хлѣбъ' въ твоей пазухъ' и т. д. Аналогичное употребленіе формъ, сходныхъ съ формами именительнаго (винительнаго), свойственно и другимъ армянскимъ діалектамъ (преимущественно — западной группы), причемъ многія изъ такихъ формъ уже обратились въ нарѣчія. Относительно тифлисскаго см. Тифл. § 326, б ¹⁾ и § 384, относительно ахалцхскаго — Ахалц. § 100, 2, относительно константинопольскаго — A i d y n i a n II pp. 17—18.

Возникновеніе такихъ формъ locativi находится, вѣроятно, въ связи съ употребленіемъ въ грабарѣ (на вопросъ: «гдѣ?»), въ извѣстныхъ случаяхъ, предлога і съ падежною формою, совпадающею съ винительнымъ падежомъ, о чемъ мы уже говорили выше (§ 155). Слѣдовательно, первоначально такое употребленіе должно было возникнуть только въ именахъ съ извѣстными основами (именно на -о-), а затѣмъ, уже путемъ аналогіи, распространиться и на имена съ другими основами.

Множественное число.

Принципы обычнаго образованія множественнаго числа въ ново-армянскомъ вообще и въ мушскомъ въ частности.

§ 161. Прежде чѣмъ приступить къ разсмотрѣнію остатковъ старыхъ, падежныхъ формъ во множественномъ числѣ въ мушскомъ, разсмотримъ, какъ происходитъ въ немъ, равно какъ и въ ново-армянскомъ вообще, обычное образованіе pluralis.

¹⁾ Къ этому §-у мы должны сдѣлать небольшое замѣчаніе по поводу грабара. Проф. Томсонъ говоритъ: „Въ грабарѣ вин. над. употребляется только въ послѣднемъ смыслѣ [т. е. для обозначенія времени, на вопросъ: когда?], съ предлогомъ і, особенно при неопредѣленномъ наклоненіи: грб. і bažanel — когда дѣлили“. Такая формулировка значительно ограничиваетъ сферу „аккузативнаго“ локатива, который одинаково употребляется какъ для обозначенія времени, такъ и для обозначенія пространства. Примѣры, относящіеся сюда, можно найти, напримѣръ, у Ваg r a t u n i.

Еще въ 1889 году, въ нашемъ рефератѣ ¹⁾, прочитанномъ въ одномъ изъ засѣданій восточной комиссіи Императорскаго московскаго археологическаго общества, мы обратили вниманіе на коренное различіе въ принципахъ образованія множественнаго числа въ древне-армянскомъ (грабарѣ), съ одной стороны, и въ ново-армянскомъ, съ другой. Именно, мы показали, что въ то время какъ въ грабарѣ образованіе это совершается при помощи особыхъ суффиксовъ, отличныхъ отъ суффиксовъ единственнаго числа, въ ново-армянскомъ, въ падежныхъ формахъ *pluralis*, являются тѣ же окончанія, какъ и въ единственномъ числѣ, причемъ между основою имени ²⁾ и падежнымъ окончаніемъ появляется «показатель множественности», являющійся, въ обоихъ ново-армянскихъ литературныхъ языкахъ (восточномъ и западномъ), въ видѣ *-er* и *-ner* ³⁾. Такимъ образомъ, принципъ образованія множественнаго числа въ ново-армянскомъ совершенно совпадаетъ съ принципомъ, хорошо извѣстнымъ изъ угро-финскихъ и урало-алтайскихъ языковъ ⁴⁾. Срв., напримѣръ, склоненіе ново-армян-

¹⁾ „Объ образованіи въ армянскомъ языкѣ множественнаго числа“. См. Древности восточныя т. II, вып. 1, протоколы стр. 73.

²⁾ Или, что то же, именительнымъ единс. числа, который обыкновенно представляетъ собою, подобно именительному ново-иранскихъ языковъ (стр. 165), также и основу.

³⁾ Мы, въ своемъ рефератѣ, высказывая мнѣніе о тюркскомъ вліяніи, находили возможнымъ приписывать армянскимъ „показателямъ множественности“ тюркское происхожденіе. Въ настоящее время, мы считаемъ это предположеніе невѣрнымъ. (Срв. Этюды I стр. 98 подстрочное примѣчаніе 1). При этомъ, замѣтимъ, что такого же взгляда относительно *-ner* (а также *-can*, *-car*, *-er*, *-an*) держался и профессоръ *Petermann*, съ трудомъ котораго (*Grammatica linguae armenicae*) мы въ 1889 г. еще не были знакомы. Вотъ что мы читаемъ у него: „Terminationes *-can*, *-car*, *-er*, *-an* unius ejusdemque videntur esse originis, et *tataricam* indolem praeseferre. Primitivam earum formam puto esse *-ner*..., ut in lingua turgica [въ турецкомъ, однако, собственно *-lar* или *-ler*] etc.“ (о. с. р. 94).

⁴⁾ Уже проф. *Паткановъ*, Исслѣдованіе о діалектахъ стр. 42, по поводу склоненія въ агулскомъ, дѣлалъ сопоставленіе съ турецкимъ. Помимо урало-алтайскихъ и угро-финскихъ языковъ, интересно отмѣтить аналогію, представляемую „кавказскими“ языками, напр. грузинскимъ (характерный показатель множественности *-bi*). [Замѣтимъ, что это обстоятельство послужило для *Фр. Ленормана* однимъ изъ доказательствъ родства съ грузинскимъ языкомъ

сваго seṭan 'столъ' съ венгерскимъ a ház 'домъ' и турецкимъ yol 'пусть',

Singularis.		Pluralis.	
Nom. seṭan	seṭan-ner	a ház	a ház-ak
Gen. seṭan-i	seṭan-ner-i(-u)	{ a ház-nak a ház-é	a ház-ak-nak
Dat. seṭan-i(n)	seṭan-ner-i(n), -u(n)		a ház-ak-é
Abl. {	seṭan-ich	{ seṭan-ner-ich seṭan-ner-ē(n)	a ház-nak
	seṭan-ē(n)		
Instr. seṭan-ov	seṭan-ner-ov		
Loc. {	seṭan-um	seṭan-ner-upi	
	seṭan-i mēḡ	seṭan-ner-i (-u) mēḡ	

Singularis.		Pluralis.	
Nom. yol		yol-lar	
Gen. yol-uu		yol-lar-yn ¹⁾	
Dat. yol-a		yol-lar-a	
Abl. yol-dan		yol-lar-dan	
Loc. yol-da		yol-lar-da	

Далѣе, принципъ образованія множественнаго числа въ ново-армянскомъ мы можемъ сопоставить съ аналогичнымъ принципомъ, находимымъ въ ново-иранскихъ языкахъ, несмотря на то, что склоненіе въ этихъ языкахъ не представляется въ такомъ развитіи, какъ въ ново-армянскомъ. Въ ново-иранскихъ (ново-персидскомъ, курдскомъ, осетинскомъ и т. д.) множественное число отличается отъ единственнаго лишь присоединеніемъ извѣстнаго суффикса (-ān

языка ванскихъ надписей („алародійскаго“), въ которомъ наблюдается тотъ же принципъ образованія pluralis. См. *Lettres assyriologiques sur l'histoire et les antiquités de l'Asie antérieure*, I (P. 1871), второе письмо; срв. П а т к а н о в ъ, Нѣсколько словъ о названіяхъ древнихъ арм. мѣсяцевъ (С.-Петербургъ 1871), стр. 14.

¹⁾ -yn вм. -un по „закону гармоніи гласныхъ“.

и др.) къ формѣ именительнаго единс. числа (имѣющаго значеніе основы); срв. ново-перс. nom. *pedar*, pl. *pedar-ān*; dat. *be-pedar*, pl. *be-pedar-ān*; курд. nom. *düşmen*, pl. *düşmen-ān*; dat. *düşmen-rā*, pl. *düşmen-ān-rā*; loc. *düşmen-da* ¹⁾, pl. *düşmen-ān-da* и т. д.

Подобный же принципъ образованія множ. числа посредствомъ присоединенія къ «показателю множественности» падежныхъ суффиксовъ *singularis* мы уже находимъ установившимся въ средне-армянскомъ (примѣры см. ниже, въ § 164); этотъ же принципъ мы можемъ изрѣдка наблюдать и въ грабарѣ (§ 164).

§ 162. Подобно другимъ ново-армянскимъ діалектамъ (см., напримѣръ, относительно тифлискаго — Тифл. § 340) и мушскій при обычномъ образованіи множественнаго числа, пользуется тѣми же окончаніями, какъ и въ единственномъ, причемъ между основой (т. е. формою *nominativi sing.*) и этими окончаніями инфиксируются показатели множественности *-er-* или *-ner-*; что же касается именительнаго (и винительнаго) падежей (являющихся въ единственномъ безъ особыхъ, характерныхъ окончаній), то ихъ форма множественнаго числа образуется однимъ суффиксированіемъ показателей *-jer* или *-ner*; относительно *-je-* см. Этюды I § 116.

Примѣчаніе. При образованіи падежныхъ формъ множественнаго числа, конечно, должны быть принимаемы во вниманіе извѣстные фонетическіе законы относительно исчезновенія полныхъ звуковъ или перехода ихъ въ неопредѣленный (э), а также относительно чередованій и взаимныхъ отношеній звуковъ между собою. См. Этюды I §§ 5, 33, 39, 41, 51, 64. Иногда аналогія именительнаго единственнаго нарушаетъ основные законы фонетики, о чемъ см., напримѣръ, о. с. § 64 примѣчаніе 2.

Отдѣльно обратимъ вниманіе на образованіе формъ *pluralis* отъ именъ, исходящихъ (въ nom. *sing.*) на *-u*, какъ-то: *lu* 'блоха', *katu* 'котъ'; отъ подобныхъ именъ мы имѣемъ формы на *-əv-jer* и *-və-ner*; такимъ образомъ, отъ *lu* — nom. pl. *ləvjer*,

¹⁾ -da турецкій суффиксъ *locativi*.

отъ *katu* — *katvəŋjer* ¹⁾. Срв. Этюды I § 68 съ подстрочнымъ прим. 1 и выше § 107, подъ *b* (стр. 94).

Такимъ образомъ, мы имѣемъ слѣдующую таблицу падежныхъ окончаній множ. числа при соответствующихъ единственнаго ²⁾:

Singularis.	Pluralis.
Nom. } —	- <i>jer</i> , - <i>njer</i>
Acc. } —	
Gen. -i, -u	- <i>er-u</i> , - <i>ner-u</i>
Dat. -i(n), -n(n)	- <i>er-u(n)</i> , - <i>ner-u(n)</i>
Abl. - <i>uch</i> , - <i>ich</i> ; - <i>c(n)</i>	- <i>er-uch</i> , - <i>ner-uch</i>
Instr. - <i>čov</i>	- <i>er-čov</i> , - <i>ner-čov</i>
Loc. = Gen. съ <i>mec</i>	= Gen. съ <i>mec</i>

§ 163. Какъ мы только что видѣли «показателями множественности» являются въ мужскомъ, съ одной стороны, -*jer* (-*er*-), съ другой, -*njer* (-*ner*-); § 162. Употребленіе этихъ обоихъ показателей распределяется слѣдующимъ образомъ: -*jer* (-*er*-) принимаютъ имена именительный единственнаго которыхъ односложень, и которыя не представляютъ собою старыхъ основъ на носовой; -*njer* (-*ner*-) принимаютъ имена, именительный единственнаго которыхъ не-односложень, а также и тѣ изъ односложныхъ, которыя принадлежать къ старымъ носовымъ основамъ. Такимъ образомъ, мы имѣемъ, въ формѣ *nominativi plur.*:

1) Показатель -*jer*: *mart-ier* 'люди' къ *mart* 'человѣкъ'; *šep-ier* къ *šup* 'собака'; *eš-ier* къ *eš* 'осель'; *kov-ier* къ *kuov* 'корова';

¹⁾ Подобныя формы, какъ *katvəŋjer*, явились подъ вліяніемъ родительнаго и другихъ падежей единственнаго числа (напр. род. отъ *katu* будетъ *katvi* изъ **katu-i*) и были поддержаны аналогіей такихъ органическихъ формъ, какъ *lavjer* (къ ном. *sing. lu*); органическою формою было бы (встрѣчающееся въ другихъ діалектахъ) **katu-njer*.

²⁾ Срв. образованіе *pluralis* въ другихъ діалектахъ, напр. въ агулисскомъ (С а р г с я н ц ъ стр. 88 и 95 — таблица), тифлисскомъ (Тифл. § 340), ахалцхскомъ (Ахалц. § 100) и т. д.

khar-ier къ khar 'камень'; sar-ier къ sar 'гора'; art-ier къ art 'пашня, нива'; jək-ier къ juk 'рыба'; ləv-ier къ lu 'блоха'; khur-ier къ khur 'сестра'; ban-ier къ ban 'дѣло'; sam-ier 'волосы' къ sam; aśk-ier (при aśvə-nier) къ aśkh 'глазъ'; ot-kier къ votkh 'нога' (= ном. pl. ot-kh) и т. д.

2) Показатель -nier:

а) Не-односложныя имена: ḡanavər-nier къ ḡanavar 'животное' (перс. заимствование); təyek-nier (сложная форма pluralis, гдѣ təyek-, изъ *təyai-kh = tyaikh, уже само по себѣ представляетъ множ. число) къ teya 'дитя, ребенокъ'; anun-nier къ anun 'имя'; katvə-nier къ кату 'котъ'; gələx-nier къ gəluх 'голова'; harust-nier къ harust 'богатый'; bəlbul-nier къ bəlbul 'соловей' (перс. заимствование); askər-nier къ askar 'войско' (арабское заимствование) и т. д.

б) Односложныя имена, представляющія основы на носовой: əz-nier къ yez 'быкъ' = ezn; dəf-nier къ duf 'дверь' = dufn; ot-nier (при otk-ier, см. выше) къ vot 'нога' = otn; jēf-nier къ jief 'рука' = jern и т. д.

Такое распределение «показателей множественности» мы можемъ наблюдать и въ другихъ диалектахъ; см., напримѣръ, относительно тифлискаго — Тифл. § 339 (конецъ), относительно ахалцхскаго — Ахалц. § 110. То обстоятельство, что мушская форма -nier (-ner-), равно какъ и соответствующая форма другихъ диалектовъ, является, между прочимъ, въ именахъ съ носовыми основами, можетъ служить намъ объясненіемъ и самого возникновенія этой формы. Форма -nier, по своему происхожденію, это — та же форма, что и -ier; именно, послѣдняя (-ier), присоединяясь къ формѣ именительнаго ед. числа носовыхъ основъ еще въ ту эпоху, когда конечное -n сохранялось, обратилась въ форму -nier, которая стала затѣмъ присоединяться также къ именительному и такимъ именъ, которыя не принадлежатъ къ разряду носовыхъ основъ. Это явленіе можно сопоставить, напримѣръ, съ аналогичнымъ явленіемъ въ древне-индійскомъ, гдѣ мы (уже въ ведійскомъ періодѣ) имѣемъ, въ ном.-асс. pl. именъ средняго рода съ основами на -a-, на ряду съ формами на исконное -ā — формы на -āni (впослѣдствіи вытѣснившія -ā), какъ, напр., yugāni (при вед. yugā изъ пра-арійскаго *jugā, изъ индо-европ. *yug²ā 'juga'), по

аналогіи такихъ формъ отъ носовыхъ основъ, какъ *pāmān-i* ('*nomina*') и т. д. (Cf. *Brugmann, Grundriss II § 338*).

Такимъ образомъ, первоначальнымъ показателемъ множественности мы должны считать форму, являющуюся въ мушскомъ какъ *-ier* (*-er-*); изъ этой формы, уже указаннымъ путемъ, возникла другая форма показателя множественности *-rier*. Воининовеніе мушской формы *-rier*, равно какъ ея эквивалентовъ въ другихъ діалектахъ, слѣдуетъ возводить къ эпохѣ предшествовавшей жизни отдѣльныхъ діалектовъ, т. е. къ обще-армянскому языку, гдѣ должны были существовать на ряду другъ съ другомъ **-eag* и **-neag*, съ исторіей которыхъ мы познакомимся въ слѣдующемъ §-ѣ.

Примѣчаніе. Сравнивая исходы, употребляющіеся для образованія падежей единственнаго числа, съ соответствующими исходами множественнаго, нельзя не замѣтить, что послѣдніе представляютъ гораздо меньшій выборъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ то время какъ въ родительномъ ед. числа мы находимъ исходы: *-i*, *-u*, *-a(n)*, *-an* и т. д., въ множественномъ мы встрѣчаемъ лишь одно *-er-u* (или *-ner-u*)¹⁾; въ отложительномъ ед. числа употребляются, съ одной стороны, *-uch*, *-ich*, (*-azh*), съ другой, *-e(n)*, тогда какъ во множественномъ является лишь *-er-uch* (или *-ner-uch*)²⁾.

Упрощеніе флексіи множественнаго числа, замѣчаемое въ мушскомъ, находитъ себѣ аналогію и въ нѣкоторыхъ другихъ діалектахъ. Такъ, напримѣръ, въ тифлисскомъ діалектѣ родительный множ. числа также исходитъ только на *-er-u* (*-ner-u*), тогда какъ въ единственномъ при исходѣ *-u* существуетъ (и притомъ въ большемъ употребленіи) *-i* (Тифл. § 340); преобладаніе того же *-er-u* (*-ner-u*) наблюдается и въ ахалцыхскомъ (Ахалц. § 100). Наоборотъ, въ агулисскомъ, въ род. множ. числа получилъ преобладаніе надъ прочими исходъ *-i* (*-er-i*, *-ner-i*); см. *Саргсянцъ § 25*, стр. 95 (таблица окончаній).

¹⁾ Срв., по этому поводу, ниже § 166.

²⁾ Считаемо нужнымъ оговориться, что мы представляемъ положеніе дѣла лишь на основаніи нашихъ собственныхъ наблюденій.

§ 164. Какъ мы уже замѣтили (§ 163 конецъ), обычные новоармянскіе «показатели множественности» восходятъ къ общеармянскимъ суффиксамъ *-eag и *-neag (см. Этюды I § 116). Въ настоящемъ §-ѣ мы должны рассмотретьъ исторію этихъ суффиксовъ въ армянскомъ языкѣ.

Общеармянскіе суффиксы *-eag и *-neag дали въ грабарѣ -eag и -neag, съ которыми, въ качествѣ «показателей множественности», мы встрѣчаемся въ его древнѣйшихъ памятникахъ. Мы находимъ у авторовъ, начиная съ V вѣка, напримѣръ, слѣдующія формы на -eag и --neag ¹⁾: пом. pl. ban-eag къ ban 'слово' (у Лазаря Шарпскаго, Фауста Византійскаго); bagjk-neag къ bagjik 'пророкъ' (Библия); van-eag къ van 'жилище' («Житія Святыхъ»); khayakhk-neag къ khayakhik 'городокъ' («Исторія Але-

¹⁾ Оставляя въ сторонѣ толкованіе Diefenbach'a (въ рецензи на Grammatica linguae arm. Петермана — въ „Jahrbuch f. Wissensch. Kritik“, 1843, p. 451) и Патканова (Исслѣдованіе о составѣ стр. 31), имѣющее лишь историческій интересъ, приведемъ мнѣніе, высказанное Бугге. Въ своемъ трудѣ — *Etymologisch und Aetymologisch*, посвящая нѣсколько страницъ соотношенію этрусскихъ образованій множ. числа на -g съ таковыми же въ армянскомъ языкѣ (pp. 109—118), онъ сдѣлалъ попытку — этимологически объяснить эти послѣднія. [По поводу соотношенія этрусскихъ образованій pluralis на -g съ таковыми же въ „кавказскихъ“ языкахъ — см., въ настоящее время, у W i l h. Th o m s e n'a — *Remarques sur la parenté de la langue étrusque*, Copenhagen 1899, p. 8]. Отмѣтивъ прежде всего, что во многихъ „кавказскихъ“ языкахъ (напр. въ абхазскомъ), встрѣчаются образованія множ. числа на -g, проф. Бугге допускаетъ, что можно было бы думать о заимствованіи извѣстныхъ армянскихъ окончаній pluralis на -g (-eag, -eg etc.) изъ какого либо сосѣдняго не индо-европейскаго языка. Но, такое мнѣніе не кажется ему, Бугге, вѣроятнымъ. Поэтому, имѣя въ виду, что „-eg, -eag ein stammhaftes, collectivisches Suffix ist“, онъ находитъ возможнымъ составлять армянскія образованія на -eag съ такими греческими, какъ *vōlaros* (при *tōlos* „Wulst“), *oivaporon* „Weinlaub, Weinstock“. Однако, въ концѣ книги (въ „Nachträge und Berichtigungen“), проф. Бугге снова возвращается къ своей, повидимому, первой мысли, а именно, о возникновеніи армянскихъ окончаній pluralis на -g „unter dem Einfluss einer nicht indogerman. kaukasischen Sprache“ (p. 163). Интересна и достойна вниманія указываемая Бугге „аналогія между армянскимъ и нѣкоторыми „кавказскими“ языками (напр. чеченскимъ), заключающаяся въ распространеніи „коллективныхъ“ окончаній посредствомъ присоединенія обычныхъ окончаній множ. числа (т. е. такіе случаи, какъ граб. *is-eag-kh* къ пом. sg. *es* 'осель').

ксандра»); что касается приводимой у *Aidunian*'а (II § 18) и *Bagratuni* (§ 104) формы *iš-eag* (къ *ēs* 'осель'), то вмѣсто нея въ Ак. Слов. мы находимъ *išear-kh* (т. е. *išear* съ присоеди-
неніемъ обычнаго грабарнаго суффикса *nom. plur. -kh*), встрѣ-
чающееся у епископа Михаила въ его «Похвальномъ словѣ
св. кресту» ¹⁾ (въ «Сборникахъ избранныхъ гомилий» [= *ḡāḡn-
tirkh*]). Другіе примѣры см. у *Bagratuni* § 104. При этомъ,
уже въ грабарѣ, на ряду съ *-eag*, встрѣчается *-er*; такъ, при
ban-eag есть и *ban-er*, при *van-eag* — *van-er* и т. д.; относительно
чередованія *ea* || *e* въ грабарѣ мы говорили въ Этюдахъ I § 115.
Употребленіе *-eag* (*-er*) и *-neag* у древне-армянскихъ классиковъ
представляетъ собою явленіе вообще спорадическое, подобно упо-
требленію и нѣкоторыхъ другихъ суффиксовъ, имѣвшихъ значеніе
показателей множественности (*-ani*, *-ti* и др.).

Наиболѣе значительное распространеніе получаютъ исходы,
соотвѣтствующіе грабарнымъ *-eag* (*-er*) и *-neag*, въ средне-армян-
скомъ, гдѣ мы находимъ ихъ въ видѣ *-er* и *-ner*. Изъ языка XII
вѣка *Aidunian* (II § 18) приводятъ: *hiuth-er(-n)* къ *hiuth* 'сокъ';
gore-er(-n) къ *gore* 'дѣло' и т. д. На анійскихъ надписяхъ мы на-
ходимъ, на примѣръ, слѣдующія формы (начала XIII в.): *hoṅ-er*
'земля'; *tn-er* 'дома' (Эминъ, Армянскіе надписи въ Карсѣ, Ани etc.,
№ 34). Изъ средне-армянскаго киликійскаго языка отмѣтимъ:
azk-ḡer (*-ḡer* изъ *-er*) 'народы'; *ban-ḡer* 'дѣла'; *or-ḡer* 'дни' и т. д.
(Karst, *Kilikisch-armenisch* I § 79, d). Изъ многочисленныхъ
примѣровъ, находимыхъ въ «Сборникахъ притчъ Вардана», при-
ведемъ лишь слѣдующіе: *thoḡn-er* 'внуки' (р. 166, изд. Марра);
drach-ner 'собѣди' (р. 181); *beḡner-d* 'твои ноши, твои' (р. 181),
instr. beḡn-er-ov (р. 182); *harsn-er-n* 'невѣстки' (р. 192), *dat.*
harsn-er-u-s 'моимъ невѣсткамъ' (р. 191); *šner-n* 'собаки' (р. 86),
dat. šn-er-u-d 'вашимъ собакамъ' (р. 44); *aic-er* 'козы' (р. 42); *ga-
l-er-n* 'волки' (р. 44); асс. *gaḡn-er-n* 'ягнать' (р. 44); асс.
z-caḡ-er-n 'деревья' (р. 169); асс. *z-dḡn-er* 'двери' (р. 181);
z-aid sov-ašh-er-d 'эти твои глаза-море' (р. 137) и т. д. —

¹⁾ Время его жизни по Ак. Словарю. I р. 15, неизвѣстно; „Слово“ напи-
сано изящнымъ, классическимъ грабаромъ (*vayelučh haḡabalutheamb*).

Изъ стараго польско-армянскаго діалекта (XVI — XVII вв.) отмѣтимъ (языкъ «Kamenich» [Венеція 1896] о. Алишана)¹⁾: hau-er-n (при классической формѣ hai-kh) 'Армяне' (р. 204); асс. thŷth-er 'письма' (р. 206); dat. ktrič-ner-u-n 'молодымъ людямъ, молодцамъ' (р. 211); instr. ɣačh-er-ov 'крестами' (р. 84); Ēvizor-ner-s (польское заимствование) 'ревизоры' (р. 48) и т. д. Наконецъ, приведемъ матеріалы по языку начала XVIII в., находямые у Schröder'a (Thesaurus etc.) и Мхитара Севастійскаго. Изъ парадигмы, приводимой Schröder'омъ (о. с. pp. 307—308), мы видимъ уже установившееся образование падежей множественнаго числа при помощи -er, -ner; при этомъ, изъ предпосланныхъ парадигмъ правилъ образования множ. числа видно, что распределение суффиксовъ -er и -ner такое же, какъ и въ современныхъ діалектахъ: съ одной стороны, мы имѣемъ: thŷth-er 'epistolae'; hav-er 'gallinae', съ другой: jk-ner 'pisces'; terev-ner 'frondes' и т. д. То же самое мы наблюдаемъ и въ языкѣ, грамматическій очеркъ котораго составленъ Мхитаромъ Севастійскимъ; см., напримѣръ, парадигмы на стр. 10 и т. д. его Грамматики²⁾.

§ 165. Должно имѣть въ виду, что значеніе грабарныхъ формъ, образованныхъ при посредствѣ рассмотрѣнныхъ въ предыдущемъ §-ѣ «показателей множественности», представляется нѣсколько отличнымъ (по крайней мѣрѣ у классическихъ писателей) отъ тѣхъ, которыя образованы съ обычнымъ суффиксомъ pluralis -kh (§ 169). Образованія на -ear (-er), -near выражаютъ, употребляя слова проф. Патканова, «скорѣе собирательность однородныхъ предметовъ, чѣмъ множественное число» (Исследование о составѣ стр. 31). «Коллективное значеніе», присущее исходамъ -ear и т. д., было уже отмѣчено Боппомъ, Vergl. Grammatik I § 227; послѣ Патканова (i. c.) о немъ говорили Бугге, Etruskisch u. Armenisch pp. 116 — 117, и Томсонъ, Тифл. § 339.

¹⁾ Нижеслѣдующія формы мы транскрибируемъ лишь въ томъ видѣ, какъ мы ихъ находимъ записанными обычною армянскою орфографіей.

²⁾ Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ: hach-er 'хлѣба', gen. hach-eru, dat. hach-eru-n, abl. hach-eru-n, instr. hach-erov; chrt-er къ churt 'холодъ'; tñn-er къ tuñn (хотя асс. tur-ə) 'дверь' = duñn, gen. tñn-eru и т. д.

Въ средне-армянскомъ отгѣнокъ коллективнаго значенія, отгѣченный для грабара, уже почти не связанъ съ исходами -ег, -нег, которые являются, какъ и соотвѣтствующіе въ ново-армянскомъ, настоящими окончаніями pluralis ¹⁾.

§ 166. Выше (§ 164) мы рассмотрѣли исторію обще-армянскихъ исходовъ -еаг (-ег), -неаг въ грабарѣ и далѣе въ средне- и ново-армянскомъ. Теперь, мы должны обратить вниманіе на то, какъ происходило самое склоненіе множественнаго числа.

Грабарныя имена, принимавшія въ именительномъ (винительномъ) множ. числа -еаг (-ег), -неаг, въ остальныхъ падежахъ слѣдовали склоненію основъ на -о-, присоединяя падежныя окончанія singularis къ «показателямъ множественности»; срв. подобный же способъ въ средне- и ново-армянскомъ (§ 162). Такимъ образомъ, мы имѣемъ въ грабарѣ: ном. бап-еаг (къ ном. sing. бап 'слово, дѣло') или бап-ег, асс. [z-]бап-еаг (-ег), gen.-dat. бап-ег-оу и т. д. Изъ этого примѣра можно видѣть, что отгѣченное въ мушскомъ (равно какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ ново-армянскихъ діалектахъ) стремленіе къ суффиксу -и въ родительномъ (и дательномъ) множ. числа (-[п]ег-и, -[п]ег-и-и) представляетъ собою довольно старое явленіе, такъ какъ это -и соотвѣтствуетъ грабарному -оу (въ -[п]ег-оу); это же самое явленіе мы наблюдаемъ и въ средне-армянскомъ, гдѣ мы встрѣчаемъ формы на -[п]ег-и; срв., напримѣръ, вышеприведенное (§ 164) dat. harsn-ег-и-с къ ном. harsn-ег-п и т. д.

§ 167. Въ заключеніе, приведемъ, въ качествѣ примѣровъ обычнаго мушскаго склоненія множественнаго числа, нѣкоторые изъ имѣющихся у насъ формъ:

Nominativus: mart-ier; šəp-ier; katvə-nier; təyek-nier.

Accusativus: z-uyt-ier (къ uyt 'верблюдь' = uyt); əz-gazan-nier; əz-gələu-nier.

¹⁾ Нѣкоторое указаніе на то, что понятіе коллективности еще могло сохраняться въ средне-армянскомъ, быть можетъ, должно видѣть въ тѣхъ случаяхъ, когда при подлежащемъ въ множ. числѣ (т. е. въ формѣ на -ег, -нег) мы находимъ глаголъ (сказуемое) въ ед. числѣ; срв., напримѣръ, изъ „Сборниковъ притчъ Вардана“: or geveçhik thoŋner [plur.] lini [sing.] im athoŋoyu zaŋang (p. 166) = чтобы были наследниками моего престола красивые внуки.

G e n i t i v u s: mart-er-u; təyek-ner-u; jeñ-ner-u.

D a t i v u s: jak-er-u-n (къ jak 'дѣтенышъ' = jag); təyek-ner-u-n.

A b l a t i v u s: or-er-uch, meñel-ner-uch.

I n s t r u m e n t a l i s: khar-er-цов; goməš-ner-цов; askər-ner-цов.

L o c a t i v u s: gəlu/-ner-u-n ме́с.

ОСОБЫЯ ФОРМЫ МНОЖЕСТВЕННОГО ЧИСЛА, ВСТРѢЧАЮЩИЕСЯ ВЪ МУШСКОМЪ ДИАЛЕКТѢ.

§ 168. Подъ этимъ общимъ заглавіемъ мы имѣемъ въ виду разсмотрѣть тѣ, болѣе рѣдкія (сравнительно съ обычными) падежныя формы множественнаго числа мушскаго діалекта, изъ которыхъ однѣ представляютъ остатки старины, находящіе свои соотвѣтствія въ грабарѣ, другія же являются образованиями особаго рода.

ИМЕНТЕЛЬНЫЙ-ВИНИТЕЛЬНЫЙ.

§ 169. Въ числѣ старыхъ падежныхъ окончаній мы встрѣчаемъ въ мушскомъ, прежде всего, довольно распространенный суффиксъ nominativi (и accusativi) plur. -kh. Это мушское -kh (подобно -kh другихъ діалектовъ) соотвѣтствуетъ грабарному -kh, обычному суффиксу nominativi plur., и вмѣстѣ съ нимъ восходитъ къ обще-армянскому *-kh (срв. Этюды I § 128).

Какое же происхожденіе этого -kh и что соотвѣтствуетъ ему въ родственныхъ языкахъ? Этотъ вопросъ до сихъ поръ не получилъ надлежащаго разъясненія. Болѣе ранніе армяны: В и н д и ш м а н ь (Grundlage d. Armen. im arischen Sprachstamme pp. 28 — 29 отд. отд.), П е т е р м а н ь (Grammatica linguae arm. p. 115) держались того мнѣнія, что граб. -kh соотвѣтствуетъ древне-индійскому исходу -as. П а т к а н о в ь (Исслѣдованіе о составѣ стр. 32 — 33) и Ф р. М ю л л е р ь (Beiträge z. Declination des armen. Nomens p. 3) продолжали держаться этого же взгляда, причемъ тотъ и другой объясняли грабарное -kh какъ «сгущеніе» (Паткановъ) или «отвердѣніе» (Фр. Мюллеръ) *-h, въ которое обратилось старое *-s (въ «*-as»); свое предположеніе

проф. Паткановъ поддерживалъ ссылкой на ново-армянскій языкъ, «гдѣ изъ древнихъ *ašuarh*, *šnorh* образовались — *ašuarh*, *šnokh*», и принимаемымъ имъ (о. с. § 12) переходомъ «древнѣйшаго *s*», въ армянскомъ, въ *h* (подобно иранскимъ языкамъ) ¹⁾. Гюбшманъ (въ 1883 г.), въ своихъ *Arm. Studien I*, высказалъ лишь отрицательные взгляды относительно происхожденія грабарнаго *-kh* ²⁾, признавъ въ заключеніе, что «eine befriedigende Erklärung des *kh* des Nom. pl. der Nomina und Pronomina...hat sich bis jetzt nicht gefunden» (о. с. р. 89). Снова вернулся къ вопросу о *-kh* проф. Бугге, въ своихъ *Beiträge z. Etym. Erläuterung d. arm. Sprache* (Christiania 1889); его толкованіе (о. с. р. 43 sq.) арм. *-kh* настолько интересно, что мы считаемъ нужнымъ нѣсколько остановиться на немъ. Признавая «очевиднымъ» связь армянскаго *-kh* съ индо-европейскимъ **-es* (въ nom. pl.) и принимая во вниманіе, что арм. *-kh* соответствуетъ индо-европ. группѣ **su* ³⁾, — Бугге приходитъ къ тому выводу, что «die arm. Pluralendung *-kh* aus vorarm. **-esv* (*-sv*) entstanden ist, und dass dies vorarm. **-esv* (*-sv*) aus dem idg. *-es* (*-s*) mit einem enklitischen *-v* entstanden ist». Это энклитическое *-v*, по мнѣнію проф. Бугге, тождественно съ др.-индійскимъ энклитическимъ *-u* (напр. въ *bhavant-u*), греческимъ *-u* (въ *πάν-u*) и т. д., происходящими изъ индо-европейской частицы **-u*. Такимъ образомъ, обще-арм. **-kh* (изъ **-[e]su*) первоначально должно было получиться въ положеніи передъ гласными (съ измѣненіемъ **u* въ *u*), а затѣмъ оно стало употребляться также въ положеніи и не передъ гласными. Эта попытка истолкованія арм. *-kh*, которую Бругманъ называетъ «eine jedenfalls beachtenswerthe Hypothese» (*Grundriss II* р. 660), одно время намъ казалась «весьма правдоподобною» (Этюды I § 127 подстр. прим. 2). Однако, теперь мы не можемъ не указать на

¹⁾ Отмѣтимъ для полноты, что какъ Виндишманъ и Петерманъ, такъ и Паткановъ — полагали, что въ связи съ этимъ *-kh* находится и грабарный суффиксъ acc. pl. *-s*. См. особенно у Петермана, о. с. pp. 116 — 117.

²⁾ Срв. E. Dillon въ *Gött. gel. Anz.* 1883, 2 р. 1297 sq.

³⁾ Къ группѣ **sv* пытался возвести грабарное *-kh* и Derivièreau въ своемъ трудѣ «Индо-европейскій праязыкъ» (на арм. языкѣ), стр. 141.

нѣкоторыя, вызываемыя этою гипотезою возраженія. Прежде всего, мы должны обратить вниманіе на то обстоятельство, что въ грабарѣ (и уже въ обще-армянскомъ) *kh* получалось, между прочимъ, изъ индо-европ. начальной группы **su-*, какъ это свидѣтельствуютъ всѣ относящіеся сюда случаи, напр. *khun* 'сонъ' при др.-инд. *svarna-* и т. д. (См. *Grundriss I*² § 331, 1, с; срв. *Этюды I* § 127, 1). Далѣе, нельзя, вмѣстѣ съ Томсономъ (Тифл. § 333), не задаться вопросомъ: на основаніи какихъ данныхъ можно допустить въ арм. языкѣ подобное энклитическое *и*. Въ виду этого, въ настоящее время, гипотеза Бугге, при всемъ своемъ интересѣ, для насъ уже не представляется столь вѣроятною, какъ раньше.

Иное объясненіе даетъ суффиксу *-kh* проф. Bartholomae. Онъ считаетъ (*Studien II* p. 18 подстр. прим. 4) возможнымъ видѣть въ суффиксѣ *nom. pl. -kh* индо-европейскій суффиксъ **-tā-*, образовывавшій *nomina abstracta*. «Die Flexion, — говоритъ Bartholomae (l. c.), — *air* [*'vir*'] — *aṛn* — *aṛkh* — *aṛanach* wäre wörtlich dann so aufzufassen: der mann — des mannes — die mannschaft — der männer». Эта гипотеза встрѣтила возраженіе со стороны Бугге, признаваго (I. F. I p. 441) ее невѣроятною; при этомъ, проф. Бугге снова выставилъ на видъ «явный параллелизмъ арм. окончанія *-kh* и индо-европ. *s-*».

Въ заключеніе, разсмотрѣвъ представленные до сихъ поръ попытки выясненія грабарнаго *-kh*, изъ которыхъ каждая способна вызвать противъ себя болѣе или менѣе всѣя возраженія, — мы желали бы подѣлиться тѣми впечатлѣніями, которыя сложились у насъ, за послѣднее время, подъ вліяніемъ изученія литературы предмета о грабарномъ показателѣ множ. числа *-kh*. Намъ кажется, что попытки вывести граб. *-kh* obligatory изъ индо-европейскаго суффикса **-(e)s* должны быть оставлены, и въ этомъ отношеніи шагъ, сдѣланный Bartholomae, для насъ имѣетъ особенное значеніе. Далѣе, обратимъ вниманіе также на слѣдующія два обстоятельства. Во первыхъ, въ грабарѣ *-kh* далеко не единственный (хотя и обычный) показатель множ. числа: на ряду съ нимъ, въ большемъ или меньшемъ употребленіи, извѣстны: *-eag*, *-neag* и мн. др.; такимъ образомъ, грабарное *-kh* является лишь однимъ изъ суффиксовъ, получившимъ преоблада-

ніе надъ остальными, хотя въ средне- и, въ особенности, ново-армянскомъ эта первенствующая роль *-kh* переходитъ на другіе показатели (*-er*, *-ner*). Во вторыхъ, слѣдуетъ имѣть въ виду, что *-kh* является показателемъ множ. числа не только въ именной и мѣстоименной флексіяхъ, но и въ глагольной. Въ послѣдней *-kh* оказалось даже болѣе жизнеспособнымъ, такъ какъ оно является общераспространеннымъ не только въ грабарь, но и въ средне- и ново-армянскомъ. Это «глагольное» *-kh*, конечно, нельзя не признать тождественнымъ съ именнымъ. Разъ за *-kh* выработалось значеніе «показателя множественности», оно могло примѣняться въ глагольной флексіи съ такою же цѣлью, какъ и въ именной ¹⁾. Нельзя не обратить, въ этомъ отношеніи, вниманія на аналогію, представляемую, напримѣръ, турецкимъ языкомъ. Здѣсь мы находимъ суффиксъ *-ler* (*-lar*), присоединяющійся къ формѣ 3 л. ед. числа (различныхъ временъ и наклоненій) для образованія формы того же лица во множ. числѣ точно такъ же, какъ это *-ler* (*-lar*) присоединяется къ формѣ имен. ед. числа для образованія соответствующаго падежа множ. числа; срв., напримѣръ, съ одной стороны, 3 p. sg. praes. act. *sever* (*seveyor*) 'amat' при 3 p. pl. *sever-ler* (*seveyor-lar*) 'amant', а съ другой — nom. sg. *ev* 'domus' при nom. pl. *ev-ler*; nom. sg. *yol* 'via, iter' при nom. pl. *yol-lar* и т. д.

§ 170. Формы на *-kh* въ мушскомъ (какъ и въ другихъ ново-армянскихъ діалектахъ) являются, въ противоположность грабару, не только въ качествѣ именительныхъ, но и винительныхъ падежей; въ грабарь, какъ извѣстно, *accusativi plur.* исходятъ на *-s*. Явленіе это, однако, не составляетъ исключительной особенности ново-армянскихъ діалектовъ, такъ какъ мы встрѣчаемся

¹⁾ Мы имѣемъ въ виду, главнымъ образомъ, *-kh* въ 1 p. pl. praes., гдѣ оно является единственнымъ признакомъ, отличающимъ это лицо отъ соответствующаго лица въ един. числѣ; срв. 1 p. sg. *asem* 'я говорю' при *asem-kh* 'мы говоримъ'; *ayam* 'я мелю' при *ayam-kh* 'мы мелимъ'; *thoyum* 'я оставляю' при *thoyum-kh* 'мы оставляемъ'. На связь между *-kh* въ именной флексіи и *-kh* въ глагольной обратилъ особенное вниманіе проф. Бугге. Это „глагольное“ *-kh* онъ объясняетъ (*Beiträge* p. 44, cf. I. F. I p. 441) точно такъ же, какъ и „именное“, т. е., напримѣръ, форма *em-kh* 'sumus' (*em* 'sum') выводится имъ изъ **emesv*, т. е. *emes* + *v* (срв. § 169).

съ нимъ уже и въ средне-армянскомъ. Срв., напримѣръ, изъ «Сборниковъ притчъ Вардана»: z...sapararhord-kh-n 'путниковъ' (р. 294); z-vasaḡakan-kh-n 'кущовъ' (ib.); z-mardik-kh ¹⁾ (р. 297) 'людей' и т. д. ²⁾).

Въ виду формальнаго совпаденія въ мушскомъ именительнаго и винительнаго множ. числа на -kh, мы, въ слѣдующемъ §-ѣ, будемъ приводить вмѣстѣ формы того и другого падежа; при этомъ напоминаемъ, что формы accusativi имѣютъ префиксъ z-, эz- = z-.

§ 171. Формы на -kh, которыя могутъ быть какъ именительными, такъ и винительными падежами (§ 170), мы встрѣчаемъ въ мушскомъ отъ слѣдующихъ разрядовъ именъ:

1) Отъ именъ, именительный единственнаго которыхъ исходитъ на -a (напр. təya 'ребенокъ, дитя' = tya); сюда же принадлежатъ образования на -kh отъ заимствований (турецкихъ и пр.), исходящихъ въ именительномъ ед. числа на -a (и отчасти на -e).

Образованіе именительнаго (винительнаго) множ. числа отъ этихъ именъ представляетъ ту особенность, что передъ -kh является ^{*}e. Это е дифтонгическаго происхожденія и въ грабарѣ ему соответствуетъ ai; срв., напримѣръ, при мушскомъ *təyekh (къ пом. sg. təya, см. выше) грабарное tyaï-kh (къ пом. sg. tya). Дифтонгическое происхожденіе e является органическимъ лишь въ собственно-армянскихъ словахъ (или въ такихъ, которыя уже съ давнихъ поръ проникли въ армянскій языкъ, какъ, напр., граб. tya, представляющее сирійское заимствованіе); въ словахъ же, представляющихъ позднѣйшее заимствованіе, оно появилось неорганическимъ путемъ, подъ вліяніемъ аналогіи ³⁾).

Такимъ образомъ, мы имѣемъ: *təye-kh (извлекаемъ эту форму изъ сложной формы пом. plur. təyek-njer, срв. Этюды I § 128, b)

¹⁾ Эта форма представляетъ собою сложное множественное число, такъ какъ mardik само по себѣ значитъ „люди“ (къ sing. mard 'человѣкъ').

²⁾ Иногда въ средне-армянскомъ къ формѣ на -kh (въ значеніи accusativi plur.) присоединялся и старый суффиксъ асс. pl. -s, срв., напримѣръ, изъ «Сборниковъ притчъ Вардана»: z-srapotkh-s-n 'убійць' (стр. 294).

³⁾ Подробнѣе по этому поводу см. въ Этюдахъ I § 88 (и подстрочное примѣчаніе 2).

въ пом. sg. təya, см. выше; satane-kh къ пом. sg. satana 'чертъ', срв. граб. satanai-kh къ пом. sg. satanay (сир. sātānā); z-akge-kh къ akġa 'зубъ'; rage-kh къ raga (тур. заимствованіе) 'деньги'; əs-khase-kh къ khasa 'чаша, миска' (перс. заимствованіе); əs-ħazne-kh къ ħazna 'казна; сокровище' (арабс. слово); ġage-kh къ ġage (такъ у Патканова, Мушскій, глоссарій в. в.) 'невольница' (арабс. слово); deve-kh къ deve 'верблюдь' (тур. заимствованіе) и т. д.

2) Отъ нѣкоторыхъ именъ, исходящихъ въ именительномъ ед. числа на -i, напр. əz-ġoge-kh къ oġi 'мулъ' (единственный примѣръ изъ «Давида Сасунскаго», Паткановъ, Мушскій стр. 12).

3) Къ вышеприведеннымъ случаямъ (пункты: 1, 2) должно присоединить и такіе, когда -kh является вторичнымъ показателемъ множ. числа, присоединяясь къ формѣ, которая, уже сама по себѣ, представляетъ именительный (винительный) падежъ множ. числа ¹⁾. Сюда принадлежатъ такіе примѣры, какъ əz-ġomeš-tan-kh при ġomeš-tan 'буйволы (точнѣе: собраніе, стадо буйволовъ)' къ пом. sg. ġomeš. Вѣроятно, сюда же относятся: əħrəg-tan-kh, ġələħ-tan-kh, hoħrəg-tan-kh; мы говоримъ «вѣроятно», такъ какъ намъ неизвѣстно, существуютъ ли формы *əħrəg-tan (къ пом. sg. əħrəg 'братъ'), *ġələħ-tan (къ ġələħ 'голова'), *hoħrəg-tan (къ hoħrəg 'дядя, отца братъ' — форма, существующая на ряду съ hoġoħrəg) — въ качествѣ именительныхъ множ. числа.

Далѣе, -kh, какъ вторичный показатель множественности, можетъ быть указанъ въ такихъ формахъ, какъ-то: kəng-ti-kh (къ пом. sg. kənik 'жена, женщина'), əħsək-ti-kh (къ əħsik 'дѣвушка'), mang-ti-kh (къ *manuk 'малый, дитя'). Являющееся въ этихъ образованияхъ -ti- соответствуетъ грабарному -ti (§ 175), которое является однимъ изъ показателей множественности (въ коллективномомъ значеніи); срв., напримѣръ, мушское mang-ti-kh съ граб. mank-ti. Однако, формъ какъ *mang-ti (= mank-ti) въ мушскомъ намъ не пришлось отмѣтить.

¹⁾ -kh, какъ вторичный показатель pluralis, извѣстенъ и въ грабарѣ; срв. пом. pl. jian (къ ji) 'лошадь' и jian-kh.

Примѣчаніе. Въ только что рассмотрѣнныхъ случаяхъ причина осложненія новымъ суффиксомъ (-kh) находить себѣ объясненіе въ томъ обстоятельствѣ, что суффиксы -tan и -ti уже не являлись, въ сознаніи говорящаго, показателями множественности. Во всякомъ случаѣ, надо думать, что осложненіе суффиксомъ -kh явленіе довольно старое, такъ какъ, въ настоящее время, врядъ ли -kh было бы оказано предпочтеніе передъ обычнымъ -[n]er, разъ приходилось осмыслять формы съ потускнѣвшимъ грамматическимъ значеніемъ.

4) Отдѣльные случаи: эз-ji-an-kh (къ nom. sg. ji 'лошадь'), срв. граб. nom. plur. ji-an-kh (при ji-an); тәкәл-цоп-kh (къ тәкәл — при тәкәл — 'другой') представляетъ образованіе по мѣстоименному склоненію, гдѣ часто nom. pl. исходитъ на -цоп-kh (и -un-kh), напр. еп-цоп-kh 'они' и т. д. (Подробнѣе въ отдѣлѣ мѣстоименной флексіи).

§ 172. Если суффиксъ -kh служитъ иногда въ мужскомъ для образованія сложныхъ формъ множественнаго числа, то, съ другой стороны, формы pluralis, образованныя съ -kh, также осложняются присоединеніемъ обычнаго суффикса -er (-ner); такимъ образомъ, получилось, напримѣръ, тәүе-k-ner изъ *тәүekh = тәүai-kh (см. § 171, 1). Очевидно, исконное значеніе -kh уже настолько ослабло, что пришлось прибѣгнуть къ присоединенію обычнаго суффикса pluralis. Слѣдовательно, въ данномъ случаѣ -[n]er играетъ ту же роль, какъ и -kh, присоединяющееся къ исходамъ -tan, -ti (о чемъ см. § 171, пунктъ 3).

Подобное же осложненіе можно наблюдать и въ другихъ діалектахъ, а также уже въ средне-армянскомъ, срв., напримѣръ, форму тәк-ner-n (вм. тәkh-ner-n?) 'дѣти' въ «Славленіи Христа (=аветис)» изъ рук. 1695 г. (Собраніе Костанянца I стр. 17).

§ 173. До сихъ поръ мы говорили о -kh, какъ о суффиксѣ, назначеніе котораго — служить показателемъ множ. числа. Но, помимо этой функціи, мы встрѣчаемъ -kh (какъ въ мужскомъ, такъ и въ другихъ ново-армянскихъ діалектахъ) въ извѣстныхъ формахъ, имѣющихъ значеніе именительнаго (винительнаго) единственнаго, а не множ. числа, какъ ихъ соотвѣтствующіе эквиваленты въ грабарѣ. Къ этого рода именамъ принадлежатъ: votkh

‘нога’ (pl. otk-ier) при граб. nom. pl. ot-kh (къ nom. sg. otn ‘нога’); jjeṛkh ‘рука’ (pl. jeṛnjer) при граб. nom. pl. jeṛ-kh (къ nom. sg. jeṛn) ‘рука’; aṣkh ‘глазъ’ (pl. aṣkier) при граб. nom. pl. aṣh-kh (къ nom. sg. akn ‘глазъ’).

Примѣчаніе. На ряду съ подобными формами существуютъ и такія, которыя соотвѣтствуютъ грабарнымъ формамъ ед. числа; срв., напримѣръ, jjeṛ ‘рука’ = jeṛn; формы instr. sg. ot-ṣov, nom. pl. ot-njer указываютъ на nom. sg. *vot ‘нога’ = otn.

§ 174. Другого рода случаи, когда грабарныя имена на -kh представляютъ собою pluralia tantum; ихъ мужскія (а также и другихъ діалектовъ) соотвѣтствія являются формами ед. числа, что же касается множественнаго, то оно образуется обычнымъ порядкомъ (при помощи -ier, -njer).

Вотъ нѣсколько такихъ именъ: ḫoskh ‘слово, рѣчь’ (nom. pl. ḫosk-ier) = ḫau[ō]s-kh; ayaṣankh ‘мольба, просьба’ = ayaṣan-kh; phor-sankh ‘опасность, бѣда’ = phorjan-kh; govāsankh ‘похвала’ = govāsan-kh; kuṛkh ‘идоль’ = kuṛ-kh; ḫielkh ‘умъ, разумъ’ = ḫel-kh; aṣotkh ‘молитва’ = aṣau[ō]th-kh; phaṛkh ‘слава’ = phaṛ-kh; mitkh ‘умъ’ = mit-kh и т. д.

Къ этого рода случаямъ мы должны присоединить и такіе, когда въ мужскомъ, въ ед. числѣ, являются формы на -kh, между тѣмъ какъ въ грабарѣ соотвѣтствующія формы не имѣютъ -kh (т. е. не представляютъ собою pluralia tantum); срв., напримѣръ, ṣoskh ‘пазуха’ при граб. eoch (eoch-kh было бы формою nominativi plur.); hramankh ‘приказъ, разрѣшеніе, повелѣніе’ при граб. hraman (средне-персидское заимствованное framān); ratankh ‘савадь’ при граб. ratan и т. д. Въ этихъ примѣрахъ мы имѣемъ явленіе, которое мы — съ внѣшней стороны — называемъ п л у р а л и з а ц і е й (имѣя въ виду присоединеніе стараго «показателя множественности» -kh). Явленіе это хорошо извѣстно и изъ другихъ діалектовъ ¹⁾. Начало его можно искать уже въ грабарѣ, гдѣ мы на ряду, напримѣръ, съ au[ō]gēn ‘законъ’ имѣемъ чаще

¹⁾ Намъ уже пришлось упоминать объ этомъ явленіи выше, стр. 129 подстрочное примѣчаніе 2.

au[ō]rēn-kh, на ряду съ hrahang 'учение, наставление, воспитание' (средне-персидское fraha[a]ng) чаще hrahang-kh и т. д.

§ 175. Спорадически встрѣчающіеся суффиксы именительнаго (винительнаго) множ. числа. Отъ немногихъ именъ образуется множественное число на -tan, -van, -stan. Мы имѣемъ, напримѣръ, gomēs-tan къ gomeš 'буйволъ' (при этомъ и gomēs-tan-kh, см. § 171, 3); әnger-van ¹⁾ къ әngier 'другъ'; ġore-stan къ ġori 'мулъ' = ġori. Что касается послѣдняго случая, то мы, конечно, 'должны видѣть въ ġorestan ²⁾ извѣстный заимствованный иранскій суффиксъ -stan, обыкновенно обозначающій 'мѣсто' (см. § 67). Если 'это такъ, то ġorestan первоначально должно было значить: 'мѣсто, гдѣ находятся мулы', затѣмъ 'собрание, стадо муловъ' и, наконецъ, 'мулы'. Формы на -stan, со значеніемъ pluralis, извѣстны уже въ грабарѣ; срв., напримѣръ, jīstan къ jī 'лошадь'; tanestan къ tun 'домъ'; mardestan къ mard 'человѣкъ' и т. д. (Bagratuni § 104, p. 49).

Суффиксъ -ik = -ik мы находимъ въ mart-ik (въ языкѣ четырехъ сказокъ mērt-ik, Паткановъ, Мушскій стр. 28) 'люди' = mardik (къ пом. sg. mart 'человѣкъ' = mard). На ряду съ martik встрѣчается и обычная форма mart-ier (§ 163, подъ 1).

Мы уже говорили (§ 171, 3) о формахъ множ. числа на -ti-kh, какъ kəng-ti-kh къ kənik 'женщина'. Здѣсь мы только должны отмѣтить, что въ образованіе этихъ формъ входитъ суффиксъ -ti, соответствующій одному изъ грабарныхъ суффиксовъ-показателей pluralis — именно -ti (см. Bagratuni § 104 p. 49; Паткановъ, Исслѣдованіе о составѣ стр. 32); срв. mang-ti-kh 'парни, молодцы' при граб. mank-ti къ пом. manuk 'ребенокъ, малый'. Формъ же на одно -ti, какъ мы уже отмѣтили (§ 171, 3), намъ не пришлось встрѣтить въ мушскомъ.

Наконецъ, намъ остается упомянуть о суффиксѣ -ni, который мы находимъ, напримѣръ, въ формѣ әnger-ni (къ пом. sg. әngier 'другъ'), встрѣчающейся въ языкѣ четырехъ сказокъ; употребляется ли, вообще, этотъ суффиксъ-показатель pluralis въ мушскомъ,

¹⁾ Форма эта намъ извѣстна лишь изъ языка четырехъ сказокъ, изданныхъ Паткановымъ (Мушскій, стр. 40).

²⁾ ġorestan изъ ġori-a-stan; см. Этюды I § 12, 2 примѣчаніе.

мы не знаемъ. Его грабарнымъ эквивалентомъ является -ani¹⁾— одинъ изъ наиболее чаще встрѣчающихся суффиксовъ-показателей pluralis въ грабарѣ (Bagratuni § 104; Паткановъ, Исслѣдованіе о составѣ стр. 31); срв., напримѣръ, әккер-ani (срв. мушс. әккерни) къ әккер 'другъ', патак-ani къ патак 'письмо' и т. д. Соответствующій суффиксъ, въ формѣ -ni, мы находимъ, въ большомъ употребленіи, въ средне-армянскомъ; срв., напримѣръ, у Нерсеса Шнорхали (XII в.), въ стихахъ, әз-orsord-ni-n (асс. pl.) къ пом. sg. orsord 'охотникъ'; на азіискіихъ надписяхъ читаемъ: ауог-ni (асс.) къ ауог 'конюшня', патаг-ni къ патаг 'сѣноваль'²⁾ (Эминъ, Армянскія надписи въ Карсѣ, Анц etc. № 34 — 1215 г.); въ «Сборникахъ притчъ Вардана» встрѣчаемъ kṛuk-ni-n (стр. 193) 'журавли' (въ другой редакціи: kṛunkh-n при вар. по аг. kṛupk-kh = kṛunk-kh); изъ виликійскаго средне-армянскаго отмѣтимъ формы на -ni, о которыхъ см. Karst, Kilikisch-armenisch I p. 42; изъ стараго польско-армянскаго приведемъ изъ «Kamenich» о. Алишана: ауа-ni-n 'господа' (p. 210); vēzir-ni-n 'визиря' (p. 212); iṣṣan-kh-ni-n (p. 213) 'князя' (форма, гдѣ -ni присоединено къ старому образованію pluralis на -kh) и т. д.

РОДИТЕЛЬНЫЙ. (ДАТЕЛЬНЫЙ).

§ 176. Среди особыхъ формъ родительнаго и дательнаго множественнаго числа, мы прежде всего должны отмѣтить формы на -ni и -ni-n (съ постпозитивнымъ -n). Суффиксы -ni и -ni-n присоединяются обыкновенно къ формѣ именительнаго ед. числа, а иногда и къ формѣ именительнаго множественнаго на -kh. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что оба вида суффиксовъ распределяются такимъ образомъ, что -ni принимаютъ преимущественно родительные, а -ni-n — дательные падежи.

Такимъ образомъ, мы имѣемъ:

¹⁾ Въ соответствии съ граб. -ani въ мушскомъ должно являться или -әni или -ni (съ полнымъ исчезновеніемъ внутренняго a).

²⁾ Эминъ переводить, почему-то, единственнымъ числомъ: конюшню, сѣноваль.

а) məʃak-nu-n къ пом. sing. məʃak 'рабочій'; хонах-nu-n къ хонах 'гость' (тур. заемствованіе); агар-nu-n къ агар 'Арабъ'; meġel-nu-n къ meġel 'умершій, покойникъ' и т. д.

б) təyek-nu-n (при təyek-neru-n) къ пом. pl. *təyekh (см. § 171, 1) — пом. sg. təya 'дита, ребенокъ' и т. д.

Примѣчаніе. Въ языкѣ четырехъ сказокъ мы встрѣчаемъ форму *deves-nu* (П а т к а н о в ъ, Мушскій стр. 30), вмѣсто которой мы ожидали бы, во всякомъ случаѣ, **devek-nu* (форма *devek*, какъ пом. plur. къ *deve* 'верблюды', встрѣчается, именно, въ данномъ текстѣ), если не **deve-nu*. Происхожденіе въ этой формѣ *s* (равно какъ въ *abl. pl. devesnu*, l. c.) представляется неяснымъ. (Эту форму *devesnu* проф. П а т к а н о в ъ, Мушскій стр. VI, приводитъ какъ примѣръ *genitivi-dativi* на *-nu*).

По своему происхожденію исходъ *-nu* (*-nu-n*) находится въ связи съ *-ni* — однимъ изъ исходовъ пом. plur., о которомъ мы говорили выше (§ 175, въ концѣ).

§ 177. Отъ очень немногочисленныхъ именъ мы встрѣчаемъ старое окончаніе *genitivi-dativi -ach*. При этомъ, въ соответствіи съ грабарною формою на *-ach* мы можемъ привести лишь одно *aʃach* (= *aʃach*) къ *aʃkh* 'глазъ'; но, конечно, эта форма книжная: она встрѣчается въ одной нѣснѣ-молитвѣ, обращенной къ патрону Муша св. Карапету (Предтеча)¹⁾; отъ *aʃkh* обычная форма *gen. plur.* — *aʃkeru* (къ пом. pl. *aʃkjer*). Другая, намъ известная форма — *otach*, къ пом. sing. *votkh* 'нога', по своему гласному окончанію не покрываетъ вполнѣ соответствующей, обычной грабарной формы *otich*. (Въ грабарѣ форма *otach* является лишь въ выраженіи *u-otach kal* 'стоять на ногахъ', В а г р а т у н і р р. 32, 227).

Наконецъ, отмѣтимъ *-ach*, находимое въ примѣрѣ *duʃm-ner-ach* («Давидъ Сасунскій», П а т к а н о в ъ, Мушскій стр. 7), изъ

¹⁾ Отъ *aʃkh*, повидимому, были въ употребленіи грабарныя (книжныя) формы; такъ, мы встрѣчаемъ въ языкѣ четырехъ сказокъ форму *instr. pl. aʃokh* (= *aʃau[ʃ]kh*) вм. обычной *aʃk-er-čov*, о чемъ см. § 180.

*dušm[ə]n-per-ach, къ ном. sg. dušman 'врагъ'; въ этой формѣ -ach является вмѣсто обычнаго -и (-per-u).

§ 178. Въ соотвѣтствіи съ исходомъ ном. plur. на -tan-kh, (§ 171, 3) мы находимъ въ gen.-dat. plur. исходъ -tan-ch, напр. ахрэг-танч къ ахрэг-танкх 'братья'; хоурэг-танч къ хоурэг-танкх 'дяди, собс. отца братья'.

Окончаніе -ponch отмѣчено нами въ kəng-t-ponch («Давидъ Сасунскій», Паткановъ, Мушскій стр. 14) къ kəng-ti-kh (§§ 171, 3; 175).

§ 179. Какъ можно видѣть изъ §§ 177 — 178, характернымъ признакомъ во всѣхъ приведенныхъ въ нихъ формахъ родительнаго (дательнаго) множ. числа является -ch. Это -ch соотвѣтствуетъ грабарному -ch, которое «in omnibus nominibus character genitivi [plur.] est» (Petermann, Grammatica ling. arm. p. 115). Происхождение этого -ch, — которое пытались объяснить уже Боппъ (видѣвший въ немъ соотвѣтствие др.-инд. -у- въ суффиксѣ dat.-abl. plur. -bhyas, Vergl. Grammatik I § 215, 2, срв. также о. с. § 183^b, 2) и Петерманъ (о. с. pp. 115 — 116) ¹⁾ и которое Гюбшманъ (равно какъ Паткановъ, Изслѣдованіе о составѣ стр. 33) считаетъ невыясненнымъ (Arm. St. I p. 89), — послужило, за послѣдніе годы, предметомъ изслѣдованія нѣсколькихъ лингвистовъ. Прежде всего, вопроса о грабарномъ -ch коснулся проф. Ф. Фортунатовъ (В. В. VII p. 88); онъ пытался показать (на основаніи соотвѣтствія граб. -ch индо-европейской группѣ *si, срв. Этюды I § 156, 3), что, напр., gen. pl. mardoch (къ ном. sg. mard, основа на -o-) равно др.-инд. gen. sing. martasya; при этомъ, проф. Фортунатовъ принималъ, что первоначально форма mardoch была gen. sing., а въ качествѣ gen. plur. являлось *mardoch-kh (срв. instr. sing. mardov, instr. plur. mardov-kh). Это толкованіе граб. -ch изъ индо-европ. *sio (въ gen. sing.

¹⁾ Проф. Петерманъ искалъ происхожденія этого -ch „in terminatione sanscrita sām“, перенесенной изъ мѣстоименнаго склоненія въ именное. Это мнѣніе основателя научной грамматики армянскаго языка повторяетъ и проф. Фр. Мюллеръ (не указывая, однако, своей зависимости отъ Петермана) въ Beiträge z. Decl. des armen. Nomens p. 4.

основъ на *-o-), принятое Томсономъ (Тифл. § 334)¹⁾, хотя и встрѣтило возраженіе со стороны Бугге (Beiträge p. 47), однако послужило основаніемъ для его собственной теоріи. Именно, проф. Бугге полагаетъ, что такъ какъ <gen.-dat. pluralis имѣть также значеніе locativi>, то -ch происходитъ изъ индо-европ. окончанія locativi pl. *-si=—σι, усложненнаго постпозиціей *-en; такимъ образомъ, напр. gen.-dat. plur. srtich (къ nom. sg. sirt 'сердце') Бугге объясняетъ изъ <*k¹erdisj-en d. h. *k¹erdisi-en, vgl. gr. πόλισι> (о. с. р. 48), относительно же тѣхъ формъ, которыя не находятъ себѣ аналогій въ родственныхъ языкахъ (какъ mardoch, teyeach, ačhach), Бугге предполагаетъ, что <der Vocal in diesen vor der Endung -ch durch den Einfluss des Instr. pl. (mardovkh, teyevakh, ačhavkh) geändert ist>. Но, это предположеніе Бугге также малоубѣдительно, какъ и его толкованіе показателя множественности -kh (см. выше § 169). Какъ въ томъ, такъ и въ этомъ случаѣ, проф. Бугге прибѣгаетъ къ смѣлой гипотезѣ о присоединеніи постпозитивной частицы къ старому падежному суффиксу; что же касается специально формъ srtich, zarduch (по Бугге изъ *-usj-en) и т. д., то мы вмѣсто нихъ ожидали бы, вмѣстѣ съ Томсономъ (Тифл. § 333) и Бругманомъ (Grundriss II p. 690) *srtichn, *zarduchn и т. д.²⁾ Со своей стороны, Бругманъ (l. c.) считаетъ болѣе возможнымъ предполагать постпозицію не *-en, но другую, соответствующую, напримѣръ, литовскому -e (напр. gal'koj-e) или арійскому (индо-иранскому) -ā (срв. авестійскіе locativ'ы на -hv-ā, -hv-a).

Однако, вся эта теорія проф. Бугге, вызвавшая замѣчанія со стороны Томсона и Бругмана, возникла лишь по недоразумѣнію. Исходнымъ ея пунктомъ, дозволившимъ Бугге выводить -ch изъ индо-европ. *-si(+en), является положеніе, что <der Gen.-Dat. pl. hat auch [въ грабарѣ] die Bedeutung des Locativs>. Это утверженіе грѣшитъ противъ элементарнаго правила грабарной грамматики, по которому locativus plur. формально совпадаетъ съ

¹⁾ Срв. также нашъ рефератъ „Родительный падежъ въ армянскомъ языкѣ“ въ Древностяхъ восточныхъ, т. II вып. 1, протоколы стр. 83 — 84.

²⁾ Конечный носовой въ грабарѣ не подлежалъ исчезновенію.

формой accusativi plur. ¹⁾); мы имѣемъ, напримѣръ, i sirts 'въ сердцахъ' (а не i srtich, что значитъ «изъ сердець»), i zards 'въ украшеніяхъ' (а не i zarduch, что значитъ «изъ украшеній») и т. д. Такимъ образомъ, какъ можно видѣть, фактическая сторона дѣла не даетъ основанія для вывода грабарныхъ формъ на -ch изъ индоевроп. формъ locativi pl. на *-si(+en).

ТВОРИТЕЛЬНЫЙ.

§ 180. Что касается употребленія старыхъ формъ instr. plur. въ мушскомъ, то намъ удалось отмѣтить лишь одну форму асоkh глазами' = асhaukh (асhōkh) вм. обычной *асker-цовъ (къ пом. pl. аскіер) или *асвнер-цовъ (къ пом. pl. асвнер). Форма эта, впрочемъ, отмѣчена нами въ языкѣ четырехъ сказокъ (du khu асоkh z-eraz tesier is = ты собственными [собс. твоими] глазами видѣлъ сонъ, П а т к а н о в ъ, Мушскій стр. 33). Форма эта, конечно, такъ же книжнаго происхожденія, какъ и уже приведенное gen. pl. асach (см. § 177).

ОТЛОЖИТЕЛЬНЫЙ.

§ 181. Единственная, намъ извѣстная форма стараго abl. plur. — это jeғach 'отъ рукъ, изъ рукъ' (къ пом. sing. jierkh) = i jeғach. Форма jeғach употребляется, впрочемъ, въ извѣстномъ случаѣ: именно, соединяясь съ родит. падежомъ, она служитъ описаніемъ ablativi; такимъ образомъ, мы имѣемъ: gazanneu [gen. pl.] jeғach [вм. instr. pl. gazan-ner-uch] azatim = чтобы я избавился отъ звѣрей, собс. отъ рукъ звѣрей. Относительно мушскаго jeғach мы не увѣрены, слѣдуетъ ли его считать формою книжнаго (грабарнаго) происхожденія, или же это остатокъ стариннаго ablativi plur., сохранившійся въ извѣстномъ употребленіи.

¹⁾ Взглядъ Бугге на грабарныя формы на -ch, между прочимъ какъ на формы locativ'овъ, перешелъ и въ Grundriss Бругмана; см. о. с. pp. 690, 700, 702.

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

1. По этимологии языка клинообразных надписей Ахеменидовъ. Москва 1894. (Оттискъ изъ „Археологическихъ Извѣстій и Замѣтокъ“ 1894, № 1).
2. Къ интерпретаціи ванскихъ надписей. М. 1896. (Оттискъ, съ дополненіями, изъ Сборника статей въ честь проф. О. Е. Корша — Харистірія). О томъ же въ статьѣ: Къ интерпретаціи ванскихъ надписей. М. 1894. (Оттискъ изъ „Археологическихъ Извѣстій и Замѣтокъ“ 1894, № 3—4).
3. Этюды по армянской діалектологіи, ч. I. М. 1897. Къ нимъ: Дополненія и исправленія. М. 1897. — (Извлеченіе на нѣм. языкѣ—*Lautlehre der Muser Mundart* — сдѣлано Dr. L. Patrubány въ „*Sprachwissenschaftliche Abhandlungen*“ Budapest, Bd. I, Heft 11—12).
4. Русскій Археологическій Институтъ въ Константинополѣ и первый годъ его дѣятельности. (Въ „Русской Мысли“ 1897, кн. VII).
5. Новые матеріалы по греческой эпиграфикѣ. (Въ „Филологическомъ Обзорѣнн“, т. XIII).
6. Eine Bemerkung zur armenischen Lautlehre (Въ „*Sprachwissenschaftliche Abhandlungen*“ 1898, Bd. I, Heft 9).
7. Памяти профессора Фридриха Мюллера. (Въ „Археологическихъ Извѣстіяхъ и Замѣткахъ“ 1898, № 9—10).
8. Армянская діалектологія. М. 1898. (Армянскій переводъ, подъ редакціей и съ дополненіями автора, сдѣлалъ Г. Меневшпаноу; Вѣна 1899).
9. Двѣ ученыхъ обители. (Венеціанскіе и вѣнскіе мхитаристы). М. 1898.
10. Notice sur la phonétique du dialecte arménien de Mouch. Paris 1899. (Оттискъ изъ „*Actes du XI Congrès international des orientalistes*“).
11. Къ боспорской ономастикѣ. Собственное имя Σωρακος. М. 1899. (Оттискъ изъ „Юбилейнаго сборника въ честь В. О. Миллера“).
12. Дѣятельность Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ за 1896 и 1897 гг. (Въ „Русской Мысли“ 1899, кн. X).
13. Карнакскій храмъ и его раскопки. (Въ „Археологическихъ Извѣстіяхъ и Замѣткахъ“ 1890, № 12).
14. Двѣ юбилейныхъ выставки въ память К. Ш. Брэмлова въ Москвѣ. М. 1900.
15. „Антигона“ Софокла въ связи съ исторіей дальнѣйшей обработки легенды въ драматической литературѣ. (Публичная лекція). М. 1900. (Оттискъ изъ „Филологическаго Обзорѣнн“ т. XVII).

Приготовлено къ печати:

1. Ванскіе лексикальные элементы въ армянскомъ языкѣ. (Рефератъ, читанный на XII археологическомъ съѣздѣ въ Кіевѣ).
2. Новѣйшія изслѣдованія по этрусскому языку.
3. Египетскій отдѣлъ Императорско-Королевскаго музея исторіи искусствъ въ Вѣнѣ.